БИБЛІОТЕКИ
МОСКОВСКАГО
КУПЕЧЕСКАГО СОБРАНІЯ.
Отдѣлъ I. № 70.

~~48~~ 143

№ 304.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМѢ,

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

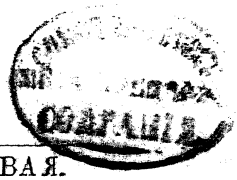
КЪ

ПРАВОСЛАВІЮ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ, ВѢРОУЧЕНІЯ, БОГОСЛУЖЕНІЯ, ВНУТРЕННЯГО УСТРОЙСТВА РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, И ЕЯ ОТНОШЕНІЙ КЪ ПРАВОСЛАВНОМУ ВОСТОКУ.

СВЯЩЕННИКА

А. М. Иванцова-Платонова.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Печатня С. П. Яковлева, Спиридоновка, д. гр. Бобринскаго.
1869.

Прок47

ВХ
1753
Ива

Печатать дозволяется. Московская духовная Академія. Іюня 9-го дня 1869 года.

Цензоръ Архимандритъ *Михаилъ*.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

753
29

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ русской литературѣ есть много сочиненій, съ различныхъ сторонъ касающихся исторіи и ученія Римско-Католической Церкви, отношеній ея къ Православному Востоку, различныхъ попытокъ къ соединенію Церквей и. т. д. Таковы изъ сочиненій полемическаго характера: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ“ покойнаго высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго; „Правда Вселенской Церкви“ А. Н. Муравьева; „Обличительное богословіе“ архимандрита Иннокентія; „Объ отношеніяхъ Римской Церкви къ другимъ Христіанскимъ Церквамъ“ Авдія Востокова; „Разборъ римскаго ученія о главенствѣ папы“ архимандрита Никанора; „О Римско-Католическомъ богослуженіи“ Серединскаго. Изъ сочиненій чисто историческаго характера можно указать замѣчательныя изслѣдованія: „О Флорентійскомъ Соборѣ“ (сочиненіе изданное при Московской духовной академіи); „О Ліонской уніи“

(сочиненіе архимандрита Владиміра, напечатанное въ „Православномъ Обозрѣніи“); „О тридентскомъ Соборѣ“ (въ „Трудахъ Кіевской академіи“ и въ „Чтеніяхъ московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія“); „Исторія попытокъ къ соединенію Церквей въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи“ Катанскаго; „О владычествѣ латынянъ на Востокѣ“, отдѣльное изслѣдованіе Медовикова и статьи въ „Православномъ Собесѣдникѣ“; „Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ“ и „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“; „О патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ и латинской пропагандѣ на Востокѣ послѣ паденія Константинополя“; статьи въ „Духовной Бесѣдѣ“; „Христіанскомъ чтеніи“; „Трудахъ кіевской академіи“; „О патріархѣ Фотіѣ и первомъ раздѣленіи Церквей“; статьи въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей“; въ „Православномъ обозрѣніи“; „Христіанскомъ чтеніи“; „Духовной бесѣдѣ“; „Странникѣ“; „О Михаилѣ Керулларіѣ и окончательномъ разрывѣ Церквей“, отдѣльное изслѣдованіе, изданное при кіевской академіи и статьи въ „Христіанскомъ чтеніи“; „Объ отношеніи Римской Церкви къ славянскимъ Церквамъ: сербской и болгарской“ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“; „Объ искорененіи православія латинствомъ у Западныхъ сла-

вянъ въ Чехіи и Венгріи"; статьи въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей" и „Русской Бесѣдѣ". По исторіи отношеній папства къ Россіи у насъ есть капитальныя изслѣдованія объ исторіи католицизма въ Россіи графа Толстаго; о Западно-Русской уніи Бантышъ-Каменскаго и Кояловича; о іезуитахъ и ихъ отношеніяхъ къ Россіи о. Морошкина и Самарина; „О послѣднихъ сношеніяхъ римскаго двора съ Россіей" А. Попова; и много статей въ „Вѣстникѣ Югозападной Россіи"; „Православномъ Обозрѣніи"; „Православномъ Собесѣдникѣ"; „Трудахъ кіевской академіи"; „Христіанскомъ Чтеніи" и др. журналахъ. Для общей характеристики самаго духа латинства, основныхъ его принциповъ и отношеній къ православнымъ восточнымъ племенамъ, много сдѣлали писатели славянофилы—Хомяковъ, Киреевскій, Гильфердингъ. Въ иностранной литературѣ, при всемъ ея небезпристрастномъ отношеніи къ вопросу о католицизмѣ и православіи, также много есть замѣчательныхъ изслѣдованій по этому вопросу; изъ нихъ у насъ въ послѣднее время обращали на себя болѣе вниманія сочиненія Пихлера, Гергенретера, Овербека, о. Владиміра, Гетте и др.

Задача нашего труда, при множествѣ матеріала,

источниковъ, русскихъ и иностранныхъ пособій и предметовъ изслѣдованія, состоитъ въ томъ, чтобы свести результаты частныхъ работъ по вопросу о католицизмѣ въ одно цѣлое, обобщить частные взгляды и факты, провести чрезъ нихъ цѣльное и твердо опирающееся на историческую почву православное воззрѣніе, въ иныхъ мѣстахъ дать болѣе твердую и согласную съ современными научными требованіями постановку нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, наметить въ нихъ новыя мало изслѣдованныя, но заслуживающія серьезнаго изслѣдованія стороны,—и въ сжатомъ, популярномъ, но серьезно захватывающемъ всѣ существенныя стороны дѣла, очеркѣ, дать читателямъ возможно полное, ясное и отчетливое представленіе о Римско-Католической Церкви въ ея исторіи, въ ея ученіи, богослуженіи, внутреннемъ устройствѣ, въ ея отношеніяхъ къ православной Восточной Церкви. Мы предназначаемъ свой трудъ не для ученыхъ спеціалистовъ, которые, конечно, мало могутъ найти въ немъ новаго для себя; а для большинства образованныхъ читателей, которые сами не имѣютъ возможности перечитывать спеціальныя изслѣдованія по этому предмету, свѣрять ихъ одни съ другими, составлять изъ нихъ общіе, твердые

выводы, по которые желали бы имѣть серьезное и отчетливое представленіе о римскомъ католицизмѣ. Думаемъ, что такая книга не будетъ лишнею въ русской литературѣ. Папство, въ настоящее время, само чувствуетъ потребность подвести итоги исторіи, доктринѣ и всѣмъ стремленіямъ католицизма, и предполагаетъ это сдѣлать на предстоящемъ въ Римѣ *Вселенскомъ* Соборѣ. Православному русскому обществу также не безполезно, и въ видахъ простой любознательности, и по многимъ практическимъ нуждамъ и соображеніямъ, изъ разрозненныхъ, и при этой разрозненности нерѣдко не отчетливыхъ, не твердыхъ и односторонніхъ представленій о католицизмѣ, вывести общіе итоги, и составить себѣ о немъ твердое, ясное, по возможности, отчетливое понятіе.

Свое изслѣдованіе о римскомъ католицизмѣ мы раздѣляемъ на три части. Въ первой части представляется очеркъ раздѣленія Церквей и обозрѣніе дальнѣйшихъ отношеній Западной Церкви къ Православнымъ Восточнымъ Церквамъ—Греческимъ и Славянскимъ, начиная со времени раздѣленія до новѣйшаго времени. Сюда относятся извѣстія о латинской пропагандѣ на Востокѣ, о различныхъ попыткахъ и замыслахъ къ соединенію

Церквей и т. д. Въ концѣ этой части прилагаются два важнѣйшіе документа, характеризующіе отношенія Православной Восточной Церкви къ Западной Римско-Католической: при самомъ раздѣленіи Церквей окружное посланіе Константинопольскаго патріарха Фотія о заблужденіяхъ и не законныхъ притязаніяхъ латинства, и въ новѣйшее время—окружное посланіе восточныхъ патріарховъ, писанное въ отвѣтъ на папское приглашеніе къ соединенію Церквей въ 1848 году.

Во второй части содержится очеркъ исторіи развитія папства и важнѣйшихъ событій соприкасавшихся съ нимъ и развившихся подъ его вліяніемъ въ западно-европейской жизни—послѣ отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной до новѣйшаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ критико-догматическое разсмотрѣніе самаго римскаго ученія о папской власти духовной и свѣтской.

Въ третьей части будутъ разсмотрѣны другія особенности римскаго-католицизма, отличающія его отъ истиннаго православія—латинскіе догматы объ исхожденіи Св. Духа, о сверхдолжныхъ добрыхъ дѣлахъ, о чистилищѣ и индульгенціяхъ, непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, важнѣйшія особенности въ римскомъ Церковномъ устройствѣ и уп-

равленіи, важнѣйшія особенности въ римско-католическомъ Богослуженіи, преимущественно въ совершеніи таинствъ и т. д.

Вторая часть ея будетъ печататься въ слѣдъ за первою; третья выйдетъ послѣ.

О РИМСКОМЪ КАТОЛИЦИЗМѢ,

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ

КЪ

ПРАВОСЛАВІЮ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ, И ОТНОШЕНІЯ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ КЪ ВОСТОЧНЫМЪ ЦЕРКВАМЪ ПОСЛѢ РАЗДѢЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Очеркъ исторіи раздѣленія церквей.

I.

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ И ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ПЕРВЫЯ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА.

Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанской исторіи, міръ христіанскій, по общимъ понятіямъ, раздѣлялся на двѣ главныя части: на Восточную и Западную. Къ послѣдней причислялись Церкви, находящіяся въ западной Европѣ и сѣверо-западной Африкѣ: римская, испанская, галликанская, британская, кароагенская; къ первой—Церкви въ странахъ около восточныхъ береговъ Средиземнаго моря,—въ сѣверо-восточной Африкѣ, юго-западной Азіи и юго-восточной Европѣ, Церкви египетскія, мало-азійскія, собственно греческія. Восточная половина христіанскаго міра, по преобладающему составу населенія, языку, нравамъ и характеру цивилизаціи, называлась преимущественно Греческою, Западная—Латинскою.

Между Восточными и Западными Церквами, при всемъ единствѣ ихъ вѣрованій и основныхъ началъ церковнаго устройства, при всей братской любви, одушевлявшей древній христіанскій міръ, не было такой близости, такой общности интересовъ, задачъ и стремленій, такихъ частыхъ сношеній, какія можно было замѣтить между Восточными Церквами—отдѣльно и Западными—отдѣльно. Самая географическая разобщенность,—дальность разстоянія,—препятствовала Восточнымъ и Западнымъ Церквамъ имѣть частыя сношенія между собою. Оттого и на самые Вселенскіе Соборы, которые были главнымъ выраженіемъ церковнаго единства, и на которыхъ рѣшались важнѣйшіе, касавшіеся всего христіанства вопросы и дѣла, представители Западной Церкви, по дальности разстоянія, могли являться только десятками, а иногда единицами; между тѣмъ какъ Восточныхъ епископовъ здѣсь бывали сотни. Для рѣшенія же болѣе частныхъ дѣлъ и вопросовъ, Восточная Церковь имѣла свои помѣстные Соборы, Западная—свои и на Востокѣ всегда были болѣе извѣстны опредѣленія помѣстныхъ Соборовъ Восточныхъ—антіохійскихъ, лаодикійскихъ, неокесарійскихъ, константинопольскихъ, на Западѣ же опредѣленія западныхъ-римскихъ, равеннскихъ, арелатскихъ, ахенскихъ, ельвирскихъ, толедскихъ.

Разнообразіе племеннаго состава—преданій, нравовъ, воззрѣній и характеровъ народныхъ, разность судебъ исторической жизни, преимуще-

ственно начавшая обнаруживаться въ восточной и западной половинѣ христіанскаго міра съ V вѣка, со времени раздѣленія Греко-Римской монархіи на Восточную и Западную Имперію, и особенно со времени утвержденія новыхъ *варварскихъ* племенъ въ Европѣ и паденія Западной Имперіи, наконецъ самая разность образованія, которое на Востокѣ между Греками стояло въ древности несравненно выше, нежели на Западѣ между латинцами — все это естественно сказывалось разнообразіемъ направленій, задачъ и интересовъ въ самой церковной жизни Восточнаго и Западнаго христіанства.

Направленіе и дѣятельность Восточной Церкви отличались по преимуществу высшимъ богословскимъ догматическимъ характеромъ. Здѣсь раскрывались и выяснялись основныя начала христіанской вѣры и жизни, установлялись основныя правила церковнаго благоустройства. Здѣсь были великіе учители Церкви, оставившіе въ своихъ произведеніяхъ для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ богатый неистощимый источникъ разумѣнія и точнаго, выразительнаго, художественнаго изложенія истинъ вѣры. Здѣсь самый народъ принималъ большое участіе въ разъясненіи высшихъ вопросовъ вѣры Самыя ереси, появлявшіяся здѣсь, имѣли своимъ предметомъ возбужденіе высокихъ и глубокихъ вопросовъ религіознаго и философскаго вѣдѣнія.

Направленіе западной церковной жизни имѣло другой характеръ. Здѣсь высшими вопросами религіознаго знанія мало интересовались, и мало

ихъ понимали. Лучшіе учители Западной Церкви въ своихъ произведеніяхъ слѣдовали образцамъ восточнаго богословія; и чѣмъ ближе держались ихъ, тѣмъ точнѣе были въ пониманіи и толкованіи истинъ вѣры; чѣмъ болѣе пускались въ самостоятельныя мудрствованія, тѣмъ болѣе подвергались опасности неточнаго и односторонняго толкованія. Народъ—міряне въ Западной Церкви мало принимали самостоятельнаго участія въ дѣлахъ Церкви, болѣе довѣрялись и слѣдовали своему духовенству, которое избиралось большею частію изъ вліятельнѣйшихъ классовъ народа и представляло собою всю образованность тогдашняго западнаго міра. Западная Церковь отличалась твердостью въ сохраненіи преданій, строгимъ наблюденіемъ внѣшняго порядка, духомъ единомыслія и церковнаго послушанія. Западная іерархія держалась болѣе независимо по отношенію къ государственной власти и имѣла болѣе вліянія на народъ, не только въ церковныхъ, но и въ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Замѣчательнѣйшіе представители Западной Церкви отличались богатыми практическими способностями; они не были высокіе богословы,—за то были замѣчательные политики и администраторы, умѣвшіе держать церковный порядокъ и утверждать вліяніе Церкви при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ и политическихъ переворотахъ, въ тѣ времена часто волновавшихъ западъ.

Отъ того самыя задачи и направленія церковной дѣятельности на Востокѣ и Западѣ были раз-

личны. Въ то время, какъ представители Восточной Церкви напрягали свои умственныя силы въ борьбѣ со множествомъ ересей и разъясненіи христіанскаго ученія,—представители Западной Церкви изобрѣтали всевозможныя практическія средства для того, чтобы сохранить непоколебимымъ преданіе вѣры и порядокъ церковный среди политическихъ колебаній и переворотовъ, потрясавшихъ западную Европу, — удержать, по возможности, и усилить вліяніе Церкви среди множества племенъ и владѣній, утвердившихся на развалинахъ Западной Римской Имперіи и въ началѣ относившихся непріязненно къ римскому христіанству. Отъ того замѣчательнѣйшія событія и волненія Восточной Церкви не такъ сильно отзывались на судьбѣ Западной, и наоборотъ. Аріанство волновало собою весь христіанскій Востокъ въ продолженіи IV вѣка; въ это время оно было слабо на Западѣ; тамъ оно получило большое значеніе къ концу IV и преимущественно въ V и VI вѣкахъ, когда на Востокѣ совершенно ослабѣло; когда теоретически оно было уже опровергнуто восточными учителями, и борьба съ нимъ должна была принять практическій характеръ. Несторіанскіе, монофизитскіе и монофелитскіе споры, наполняющіе собою не только церковную, но и политическую исторію Востока въ V, VI и VII вѣкахъ, не имѣли почти никакого значенія для Запада. Иконоборческія волненія VIII и IX вѣковъ также не имѣли такого значенія на Западѣ,

какъ на Востокѣ. И наоборотъ, такія событія, какъ паденіе Западной Римской Имперіи, распространеніе вліянія церкви на Франковъ, Вестготовъ, Лонгобардовъ и другія замѣчательнѣйшія событія Западной исторіи, конечно, не имѣли такого значенія для Восточной Церкви, какъ для Западной.

Такимъ образомъ характеръ и направленіе жизни и дѣятельности въ Восточной и Западной Церквахъ, во многихъ отношеніяхъ были различны между собою. Тѣмъ не менѣе самый источникъ, самыя основы Церковной жизни на Востокѣ и Западѣ—во всемъ православномъ мірѣ были одни и тѣ же. Одни и тѣ же были въ Восточной и Западной Церкви догматы вѣры, нравственныя начала христіанской жизни, св. таинства, основныя правила Церковнаго благоустройства. Восточная и Западная Церковь не считали себя отдѣльными Церквами, — тѣмъ болѣе далеки были отъ того, чтобъ обвинять другъ друга въ неправославіи, или въ чемъ-либо превозноситься одной предъ другою; но взаимно считали себя равнодостойными и святыми членами Единой Православной Вселенской Церкви и находились въ тѣсномъ братскомъ общеніи между собою. Разобщенность географическая, разности судебъ исторической жизни, разнообразіе племенъ, языковъ, степеней образованности, народныхъ характеровъ и направленій жизни не мѣшали внутреннему единенію Церкви; напротивъ, при единствѣ основныхъ началъ и братскомъ духѣ любви, жизнь Церковная чрезъ такое разнооб-

разіе силъ и направленій могла раскрываться богаче, полнѣе, разностороннѣе. Самостоятельное раскрытіе духовныхъ силъ въ одной части христіанскаго міра восполнялось плодами дѣятельности другихъ частей; одна Церковь, въ чемъ оказывалось нужнымъ, помогала и служила другой. Западная Церковь получала съ Востока свѣтъ духовнаго просвѣщенія, разъясненіе высшихъ вопросовъ христіанской вѣры и жизни, — въ свою очередь и сама, при ея преданности древнимъ преданіямъ, при твердомъ, независимомъ характерѣ, крѣпкомъ іерархическомъ строѣ и широкомъ практическомъ смыслѣ, нерѣдко являлась для Восточной Церкви крѣпкою опорою во времена религіозныхъ и политическихъ смутъ, волновавшихъ православный Востокъ.

Тѣмъ не менѣе, хотя существенныя основы вѣры и жизни въ Восточной и Западной Церкви были однѣ и тѣ же, въ частныхъ проявленіяхъ церковной жизни, въ церковныхъ обрядахъ, при разобщенности географической, при рѣдкости и неудобствѣ сношеній, при различныхъ условіяхъ исторической жизни, естественно должны были обнаруживаться нѣкоторыя разности у Восточныхъ и Западныхъ христіанъ. Разности эти давали поводъ къ временнымъ недоразумѣніямъ: совѣщаніямъ, спорамъ; но эти временныя недоразумѣнія, когда не были усиливаемы вліяніемъ какихъ либо личныхъ страстей, мирно разрѣшались и непарушали союза христіанскихъ Церквей. Такъ еще со II вѣка между

Римскою, Мало-Азійскими и другими Церквами, начался споръ о томъ, въ какой день нужно праздновать Пасху; различіе мнѣній относительно этого предмета, существовавшее въ различныхъ Церквахъ, не препятствовало единенію христіанскаго міра, а потомъ и совершенно было прекращено и умиротворено на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ. Въ III вѣкѣ между Римскою и Карѳагенскою Церквами возникъ сильный споръ о томъ, нужно или ненужно перекрещивать еретиковъ, обращающихся въ православную вѣру. Относительно этого представители различныхъ Церквей также держались различныхъ мнѣній, пока неустановлено было на этотъ предметъ одного опредѣленнаго мнѣнія на 2-мъ Вселенскомъ Соборѣ.

Съ IV и особенно съ V вѣка, когда въ политическомъ отношеніи Востокъ и Западъ раздѣлились— и историческая жизнь въ той и другой части христіанскаго міра пошла особыми путями, естественно стало образовываться больше разностей и въ жизни церковной. И, дѣйствительно, съ IV до IX вѣка въ Западномъ христіанствѣ, отъ время до времени, обозначаются нѣкоторыя новыя разности съ Восточною Церковію въ мнѣніяхъ и обрядахъ. Являются, напр. разности въ соблюденіи постовъ. На Западѣ утвердился постъ въ субботу въ память погребенія Христова; между тѣмъ, на Востокѣ поститься въ субботу, кромѣ одной Великой Субботы, строго воспрещалось, вѣроятно, потому, что этотъ постъ первоначально установленъ былъ

нѣкоторыми еретиками съ злонамѣренною еретическою мыслію. Напротивъ, въ среду и пятницу каждой недѣли, и во всю первую седмицу великаго поста, на Западѣ разрѣшалось ѣсть молоко, сыръ и яйца. Явилась разность въ совершеніи таинства мѵропомазанія. На Западѣ прежде, какъ и на Востокѣ, совершали мѵропомазаніе священники; потомъ священникамъ предоставлено было помазывать только очи, ноздри, уши, уста, перси, руки и ноги, а высшее запечатлѣніе чела предоставлено епископамъ; потомъ мало по малу священническое помазаніе совсѣмъ потеряло значеніе и вывелось изъ употребленія; осталось одно епископское помазаніе чела. Жизнь Западнаго духовенства, соотвѣтственно особенному положенію его среди западныхъ народовъ, также много отличалась отъ жизни Восточнаго духовенства. Западное духовенство и въ Италіи, и въ Галліи, и въ Германіи было болѣе Восточнаго вліятельно въ высшихъ классахъ общества, при дворахъ, въ дѣлахъ политическихъ. Его положеніе было болѣе независимо; напр., чтобъ осудить духовное лицо, для этого, по самымъ церковнымъ правиламъ, на Западѣ требовалось несравненно больше условій, чѣмъ на Востокѣ (на Востокѣ противъ духовнаго лица требовалось 3 свидѣтеля на судѣ, на Западѣ 72). По своему происхожденію, вліянію и занятіямъ, ближе стоящее къ высшему свѣтскому обществу, высшее западное духовенство вело и болѣе свѣтскій образъ жизни. По самому внѣшнему виду, западное духовенство

отличалось отъ восточнаго; на Западѣ духовные брили бороду, стригли волосы, на Востокѣ это запрещалось. Слишкомъ высокое понятіе о духовномъ санѣ сдѣлалось на Западѣ источникомъ мысли, что духовные должны вести и жизнь не такую, какъ простые люди, а высшую—ангельскую, что они должны быть свободны отъ всякихъ семейныхъ и общественныхъ связей и заботъ, что имъ не прилично вести брачную жизнь. Такимъ образомъ, на Западѣ еще съ IV вѣка замѣчается и въ послѣдующіе вѣка болѣе и болѣе распространяется и утверждается обычай безбрачія духовныхъ лицъ. На Востокѣ же предоставлено было свободѣ каждаго изъ духовныхъ лицъ—вступать въ бракъ до рукоположенія, или вести безбрачную жизнь. И когда на первомъ Вселенскомъ Соборѣ нѣкоторые, вѣроятно, представители Западной Церкви, предложили вездѣ ввести безбрачіе духовенства, это предложеніе было отвергнуто Соборомъ. А такихъ людей, которые гнушались принимать таинства отъ женатыхъ священниковъ, какъ отъ недостойныхъ, правилами Восточныхъ Соборовъ предписано было отлучать отъ Церкви.

Всѣ означенныя разности до времени не подавали повода къ раздорамъ и не нарушали союза Церквей. Всѣ эти разности касались внѣшности церковной—обрядовъ, внѣшняго положенія духовенства. Въ древней Церкви допускалась значительная свобода и разнообразіе во внѣшнихъ обрядахъ; требовалось только, чтобы существенныя основы

церковной жизни—догматы вѣры, основныя начала церковнаго благоустройства — вездѣ были однѣ и тѣ же, и чтобы былъ во всѣхъ Церквахъ одинъ братскій христіанскій духъ. Каждая помѣстная Церковь, кромѣ общихъ христіанскихъ правилъ и обрядовъ, могла имѣть свои мѣстныя правила и обряды, съ тѣмъ только, чтобы эти мѣстные обряды не заключали въ себѣ чего-либо недостойнаго — неприличнаго, не покрывали собою какой-нибудь ложной еретической мысли, и чтобъ одна какая-либо Церковь не заявляла неумѣстныхъ притязаній къ насильственному распространенію своихъ частныхъ правилъ и обычаевъ въ другихъ Церквахъ. При томъ же можно было надѣяться, что и эти внѣшнія разности, при дальнѣйшемъ общеніи между Церквами, при здравомъ и мирномъ обсужденіи дѣла, по времени будутъ сглаживаться и приводиться къ единству, подобно тому, какъ были умиротворяемы на соборахъ Церковныхъ и многія другія разномнѣнія и несогласія, по временамъ возникавшія въ различныхъ помѣстныхъ Церквахъ. Восточная Церковь, при всей разобщенности отъ Запада, не упускала изъ виду Западную Церковь и старалась предостерегать ее отъ излишнихъ и неумѣстныхъ нововведеній въ самыхъ внѣшнихъ обычаяхъ церковныхъ. Такъ на трулльскомъ соборѣ сдѣлано было Западной Церкви внушительное предостереженіе относительно поста въ субботу и безбрачія духовенства. Но Восточная Церковь не считала себя въ правѣ изъ-за обрядовыхъ разностей

прерывать союзъ съ Западною Церковью, и произносить на нихъ строгое и рѣшительное осужденіе до тѣхъ поръ, пока Западная Церковь не стала придавать своимъ мѣстнымъ правиламъ и обрядамъ особеннаго общеобязательнаго значенія и заявлять притязаній къ распространенію ихъ на самомъ Востокѣ, съ униженіемъ правъ, свободы и древнихъ обычаевъ Восточной Церкви.

Съ VI вѣка начала обозначаться между Восточною и Западною Церквами нѣкоторая разность въ самомъ ученіи вѣры. На Востокѣ, согласно съ словами Самаго Господа Іисуса Христа (Іоан. гл. XV, ст. 26), всегда учили, что Духъ Святый исходитъ, т. е. имѣетъ бытіе отъ Бога Отца, и такъ исповѣдывали въ Символѣ Вѣры, согласно съ постановленіями Вселенскихъ Соборовъ. На Западѣ нѣкоторые богословы стали учить, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына (Filioque). Здѣсь дѣло касалось уже не простыхъ обрядовъ, а высокаго, таинственнаго догмата, и въ будущемъ могло повести къ разности исповѣданій Восточной и Западной Церкви; но на первыхъ порахъ и эта разность не обращала на себя большаго вниманія и не нарушала союза Церквей. До IX вѣка она не была Римскою Церковію вносима въ Символъ Вѣры, не была признаваема самими папами, не была общимъ вѣрованіемъ Западной Церкви, а держалась только, какъ частное мнѣніе, нѣкоторыми богословами (преимущественно въ Испаніи и Галліи). И притомъ на первыхъ порахъ въ Западной Церкви

не представляли ясно, въ какомъ смыслѣ нужно разумѣть исхожденіе Духа Святаго отъ Сына—въ томъ ли, что Онъ предвѣчно исходитъ, т. е. по самому существу своему имѣетъ бытіе отъ Сына также, какъ отъ Отца,—или въ томъ, что Онъ временно является въ міръ—на людей нисходитъ въ благодатныхъ дарахъ Своихъ отъ Сына или чрезъ Сына, т. е. ради искупительныхъ заслугъ и ходатайства Сына Божія. Въ послѣднемъ смыслѣ выраженіе—„отъ Сына или чрезъ Сына“ не заключало въ себѣ ничего противнаго православному ученію Восточной Церкви. А въ такомъ именно смыслѣ и объясняли Западное ученіе объ исхожденіи Святаго Духа нѣкоторые римскіе богословы не только въ VII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ знаменитый учитель церковный св. Максимъ Исповѣдникъ, но даже и въ IX вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ писатель, непріязненный къ Восточной Церкви и имѣвшій большое значеніе въ Римской Церкви,—Анастасій библіотекарь *). Вообще же можно было надѣяться, что эта разность, при дальнѣйшемъ общеніи церквей, будетъ разъяснена и устранена мирнымъ братскимъ обсужденіемъ и соглашеніемъ. Сама по себѣ эта разность не могла бы быть причиною разрыва Церквей, еслибы личная притязательность и честолюбіе не

*) См. въ „Обличительномъ богословіи“ архимандрита Иннокентія, ч. II стр. 24, 25, 48—54.

обратили ее въ видимый предлогъ для церковныхъ споровъ—по соображеніямъ, чуждымъ искренняго стремленія къ изслѣдованію истины.

II.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВОВАВШІЯ ВОЗВЫШЕНІЮ ПАПЪ И ПЕРВЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ПАПСКАГО ВЛАСТОЛЮБІЯ ДО ПОЛОВИНЫ IX ВѢКА.

Существенною причиною разрыва между Восточною и Западною Церквами были іерархическія несогласія Римскихъ папъ съ Константинопольскими патріархами. Папы, вопреки самому духу христіанства и прямымъ завѣщаніямъ Христа Спасителя*), стали мечтать о верховномъ господствѣ надъ христіанскимъ міромъ и простирать свои властолюбивыя притязанія не только на всѣ Западныя, но и на Восточныя Церкви. Константинопольскіе патріархи, какъ главные представители православнаго Востока, видя въ притязаніяхъ папскихъ оскорбленіе и большую опасность для свободы и правъ всей Церкви, сочли своимъ долгомъ дать имъ рѣшительный отпоръ. Изъ-за этого возникли

---

*) См., напр., Евангелія Матѳея, глав. XX ст. 25—27, Луки гл. XXII ст. 24—27 и под.

вѣковые споры между Римскою и Восточною Церквами, которые и кончились рѣшительнымъ разрывомъ ихъ взаимнаго союза.

Властолюбивыя стремленія Римскихъ папъ начали обнаруживаться весьма рано,—еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, и до IX вѣка, при различныхъ историческихъ обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ Риму, развивались все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не сдѣлались невыносимыми для Церкви.

Римская Церковь съ первыхъ вѣковъ христіанства пользовалась въ христіанскомъ мірѣ большимъ уваженіемъ, какъ Церковь верховной и славнѣйшей столицы міра, какъ церковь, основанная первоверховными апостолами Павломъ и Петромъ и славившаяся твердостію своего исповѣданія вѣры; множествомъ пострадавшихъ въ ней мучениковъ, самою своею многолюдностію; богатствами и благоустроенностію. Въ особенности, Римская Церковь славилась на всемъ христіанскомъ Западѣ. На Востокѣ было много Церквей древнихъ, основанныхъ самими Апостолами, прославленныхъ св. Мучениками и знаменитыми учителями церковными,—напр. александрійская, іерусалимская, антіохійская, ефесская и другія. На Западѣ же Римская Церковь не имѣла себѣ равныхъ; самыя знаменитыя Церкви Запада, напр. карѳагенская и ліонская, относились къ Римской Церкви съ особеннымъ уваженіемъ. Это давало поводъ еще въ первые вѣка нѣкоторымъ папамъ высказывать властолюбивыя

притязанія, и повелительно относиться къ епископамъ другихъ Церквей. Такъ, во II вѣкѣ Римскій папа, Викторъ, въ спорѣ о праздновании Пасхи, настоятельно, собственною властію, сталъ требовать, чтобы мало-азійскіе епископы слѣдовали въ этомъ дѣлѣ обычаю Римской Церкви, подъ опасеніемъ отлученія церковнаго. Въ III вѣкѣ,—во время спора о крещеніи еретиковъ, папа Стефанъ съ подобною же притязательностію отнесся къ карѳагенской церкви, требуя повиновенія себѣ, какъ епископу епископовъ. Но, разумѣется, подобныя властолюбивыя притязанія не могли быть терпимы въ древней Церкви, одушевленной духомъ братства и свободы, и папамъ дали рѣшительный отпоръ другіе епископы, не только восточные, но и западные: папѣ Виктору—Поликратъ ефесскій и св. Иринеи ліонскій, папѣ Стефану—св. Кипріанъ карѳагенскій и Фирмиліанъ каппадакійскій. Имъ замѣчено было, что никто изъ епископовъ не долженъ усвоять себѣ имени и власти епископа епископовъ или перваго между епископами; относиться высокомѣрно къ другимъ равнымъ епископамъ; дѣлать имъ предписанія и повелѣнія; собственною властію отлучать отъ общенія церковнаго цѣлыя Церкви, подвергая тѣмъ себя самого опасности лишиться общенія церковнаго.

Съ IV вѣка, со временъ св. Константина Великаго, столица Римской Имперіи была перенесена на Востокъ, и съ этаго времени стало возвышаться значеніе константинопольскихъ епископовъ.

Константинополь названъ новымъ Римомъ и за константинопольскимъ патріархомъ на 2, 4 и 6-мъ Вселенскихъ Соборахъ *) признаны права чести, равныя съ правами римскихъ епископовъ. Съ этаго времени римскіе епископы стали смотрѣть на константинопольскихъ, какъ на своихъ соперниковъ и по временамъ пользоваться случаемъ къ униженію ихъ. Подобные случаи представлялись, когда у константинопольскихъ епископовъ возникали неблагопріятныя столкновенія съ Императорами или съ другими старѣйшими епископами на Востокѣ,—особенно съ александрійскими, которые также неблагосклонно смотрѣли на возвышеніе константинопольскихъ епископовъ, потому что до этого времени сами считались старѣйшими епископами на Востокѣ. Искусно вмѣшиваясь въ распри восточныхъ епископовъ между собою и въ столкновенія ихъ съ свѣтскою властію, принимая, по обстоятельствамъ дѣла, то ту, то другую сторону, папы старались утвердить за собою авторитетъ высшихъ судей и рѣшителей всякаго спора.

На Западѣ, съ переселеніемъ императорской столицы на Востокъ, и, еще болѣе, съ послѣдовавшимъ скоро за тѣмъ паденіемъ Западной Имперіи, папа остался первымъ лицомъ, главнымъ представителемъ христіанскаго народа не только въ церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Сво-

*) 2-го Вселенскаго Собора правило 3-е; 4-го Вселенскаго Собора правило 28-е; Трульскаго Собора правило 36-е.

имъ политическимъ благоразуміемъ и мужествомъ, папы съумѣли снискать себѣ любовь и довѣріе христіанъ Западныхъ въ тяжкое для нихъ время паденія Западной Имперіи и внушить уваженіе къ себѣ самымъ варварскимъ племенамъ, разрушившимъ Имперію и утвердившимся на развалинахъ ея. Съ теченіемъ времени всѣ эти варварскія племена изъ грубаго язычества или изъ аріанской ереси, которой многіе изъ нихъ были преданы, стараніями папъ и преданныхъ имъ лицъ были обращаемы къ Церкви и признавали надъ собою духовное владычество папъ. Вслѣдсвіе этого духовная область папъ и ихъ нравственное вліяніе болѣе и болѣе распространялись на всемъ Западѣ Европы.

Между тѣмъ знаменитѣйшія Церкви Востока въ это время много были возмущаемы и ослабляемы частыми еретическими волненіями, незаконнымъ вмѣшательствомъ государственныхъ властей въ церковныя дѣла, взаимными распрями іерарховъ и, наконецъ, сильнымъ напоромъ внѣшнихъ враговъ христіанства, сначала персовъ, потомъ, въ особенности, арабовъ—магометанъ, распространившихъ на Востокѣ свое ученіе и господство въ VII и VIII вѣкахъ. Изъ древнихъ знаменитыхъ патріархатовъ Востока три—іерусалимскій, антіохійскій и александрійскій—были совершенно обезсилены и подчинены игу невѣрныхъ. Константинопольскій патріархатъ оставался сильнѣе и обширнѣе другихъ, но и онъ постоянно былъ воз-

мущаемъ религіозными и политическими волненіями. Всѣ эти обстоятельства давали поводъ возраставшему въ своей силѣ Западу къ превозношенію надъ слабѣвшимъ Востокомъ.

Съ V вѣка столкновенія римскихъ папъ съ Восточными епископами стали повторяться чаще и чаще. Уже въ половинѣ V вѣка, на Соборѣ халкидонскомъ, представители римской Церкви, въ виду того, что всѣ старѣйшіе епископы Востока были запутаны и обезсилены въ монофизитскихъ спорахъ, а на Римскомъ престолѣ былъ тогда папа Левъ Великій, славившійся твердостью своихъ православныхъ убѣжденій, высокими нравственными и политическими качествами; пользуясь такимъ положеніемъ дѣла, представители римской Церкви публично заявили, что римская Церковь, какъ глава всѣхъ Церквей, должна быть признана верховною рѣшительницею возникающихъ въ христіанствѣ распрей. Восточные епископы дали отпоръ этимъ притязаніямъ, и, чтобъ они не могли повторяться на будущее время, подтвердили равенство правъ константинопольской каѳедры съ римскою; тѣмъ не менѣе властолюбіе римское, время отъ времени, высказывалось все съ большею настойчивостію. Въ концѣ V вѣка возникъ сильный споръ между римскимъ папою Фликсомъ и константинопольскимъ патріархомъ Акакіемъ; каждый изъ нихъ подозрѣвалъ другаго во властолюбивыхъ замыслахъ—въ намѣреніи незаконно распространить свою власть на другія Церкви. Феликсъ

сталъ вызывать на судъ въ Римъ старѣйшихъ Восточныхъ патріарховъ; Акакій протестовалъ противъ этаго; и изъ-за этого возникла вражда, продолжавшаяся и при преемникахъ Акакія и Феликса. Цѣлыхъ 35 лѣтъ имя римскаго папы не поминалось въ греческихъ Церквахъ и константинопольскаго патріарха въ римскихъ.—Церковь Западная не имѣла общенія съ Восточною. Въ VI вѣкѣ константинопольскіе патріархи, по волѣ Императора и съ согласія другихъ Восточныхъ епископовъ, стали именоваться вселенскими патріархами. Хотя съ этимъ наименованіемъ, кромѣ высокой почести, не соединялось никакихъ особенныхъ правъ и притязаній на вселенское владычество,—папы Пелагій, Григорій Великій, Бонифацій увидѣли въ этомъ наименованіи духъ противохристіанскаго властолюбія, оскорбленіе правъ другихъ епископовъ, посягательство на свободу Церкви, опасность для самой вѣры,—и горячо протестовали противъ него. А когда, скоро за тѣмъ, похититель византійскаго императорскаго престола, Фока, за возмущеніе и цареубійство отлученный отъ Церкви константинопольскимъ патріархомъ Кириакомъ, обратился за разрѣшеніемъ и благословеніемъ къ папѣ Бонифацію и далъ обѣщаніе за однимъ римскимъ епископомъ утвердить названіе Вселенскаго и главы Церкви,—тотъ же Бонифацій съ радостью принялъ эти права отъ лишеннаго общенія съ Церковію узурпатора и цареубійцы. И хотя указъ Фоки, скоро низвергнута-

го съ престола народомъ, не могъ имѣть никакого значенія для Восточной Церкви, папы послѣдующихъ вѣковъ стали ссылаться на него въ подтвержденіе своихъ властолюбивыхъ притязаній на Восточную Церковь.

Въ VIII и IX вѣкахъ открылись новыя обстоятельства, способствовавшія возвышенію римскихъ папъ на Западѣ Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще рѣшительнѣе стали высказываться въ папахъ властолюбивыя стремленія къ распространенію власти на всю Церковь. Иконоборческія волненія, возникшія въ то время на Востокѣ, дали поводъ папамъ со всею Италіею совершенно отдѣлиться и сдѣлаться независимыми отъ византійскихъ Императоровъ, которые со временъ Юстиніана въ VI и VII вѣкахъ все еще считались верховными властителями Италіи. Въ то же время папы сблизились съ сильными на Западѣ владѣтелями Франціи, съ династіею Карловинговъ, способствуя въ свою очередь ихъ возвышенію. Папы Захарія и Стефанъ, своимъ авторитетомъ, незаконно утвердили за родоначальникомъ этой династіи, Пипиномъ Короткимъ, королевскую корону, а Левъ III на сына его, Карла Великаго, возложилъ корону Западной Римской Имперіи, по древнему праву принадлежавшую византійскимъ Императорамъ. Для папъ въ этомъ обстоятельствѣ особенно важно было то, что за ними, такимъ образомъ, de facto утверждалось право раздавать царскіе вѣнцы. Кромѣ того, Карловинги, въ благодарность, подарили

папамъ обширныя земли въ Италіи, (такъ называемый равеннскій екзархатъ, положившій основаніе свѣтской власти папъ), и объявили себя преданными сынами и защитниками Римской Церкви. Такимъ образомъ, папы сдѣлались не только духовными, но и свѣтскими властителями, и утвердили свое вліяніе надъ сильнѣйшими государствами Западной Европы.

Чтобы прочнѣе, на законномъ основаніи, утвердить за собою, на будущія времена, случайно доставшіяся имъ преимущества высокаго положенія, папы стали искусно пользоваться различными подложными документами, распространившимися въ пользу ихъ въ VIII и IX вѣкахъ. Въ концѣ VIII вѣка была сочинена подложная ларственная запись Константина Великаго папѣ Сильвестру, которою будто бы Св. Константинъ, принявъ крещеніе отъ Сильвестра и, рѣшившись, перенести свою столицу на Востокъ,—Римъ и Западъ отдавалъ въ духовное и свѣтское владѣніе папѣ. Этимъ актомъ выражалась мысль, что Пипинъ и Карлъ не вновь подарили папамъ извѣстныя земли въ Италіи, а только возвратили имъ древнее достояніе, завѣщанное римскому престолу отъ перваго христіанскаго Императора. Около половины IX вѣка распространился въ Западныхъ Церквахъ—во Франціи, Германіи и Италіи цѣлый сборникъ церковныхъ постановленій, состоящій изъ 3-хъ частей, въ которомъ, на ряду съ подлинными грамотами и опредѣленіями древнихъ папъ и Собо-

ровъ, находилось около 100 документовъ подложныхъ, вновь сочиненныхъ, но приписанныхъ, по происхожденію, къ самымъ первымъ вѣкамъ христіанства. Сборникъ этотъ былъ названъ уважаемымъ на Западѣ именемъ епископа севильскаго Исидора, который дѣйствительно занимался собраніемъ церковныхъ законовъ въ VII вѣкѣ, но который не могъ имѣть никакого участія въ подлогѣ, распространенномъ въ IX вѣкѣ. Главною цѣлію этого лжеисидорскаго сборника было возможно болѣе возвысить духовенство надъ мірянами, возможно болѣе дать свободы и вліянія духовенству, и сосредоточить власть надъ нимъ въ рукахъ одного папы. Большая часть этихъ подложныхъ граматъ составлены были на ту тему, что надъ правами и имуществомъ духовенства, въ особенности епископовъ, не должны имѣть никакой власти, не только свѣтскіе владѣльцы и государи, но и мѣстные архіепископы, митрополиты и областные Соборы, что верховная власть надъ всею Церковью принадлежитъ папѣ, и безъ его воли, нельзя рѣшить никакого важнаго дѣла: созвать Собора, поставить, осудить, или низложить епископа,—что папа долженъ заботиться о сохраненіи закона и справедливости не только въ церковныхъ, но и въ государственныхъ дѣлахъ, блюсти за нравственностію государей и т. д. Подложность этого сборника была весьма очевидна; поддѣлка слишкомъ груба и неискусна. Большая часть документовъ, приписанныхъ различнымъ и

самымъ древнимъ вѣкамъ, была писана однимъ языкомъ—варварскою латынью IX вѣка. Въ нихъ встрѣчаются самыя поразительныя историческія и хронологическія несообразности. Папа Викторъ II вѣка переписывается о празднованіи Пасхи съ александрійскимъ архіепископомъ Θеофиломъ, жившимъ въ концѣ IV вѣка. Писатели первыхъ трехъ вѣковъ приводятъ тексты по латинскому переводу Библіи, сдѣланному блаженнымъ Іеронимомъ въ концѣ IV вѣка, приводятъ отрывки изъ сочиненій, составленныхъ въ позднѣйшія вѣка, разсказываютъ о порядкахъ, утвердившихся въ Церкви, и событіяхъ, случившихся гораздо позднѣе ихъ смерти. Но такъ какъ въ то время было на Западѣ мало ученыхъ людей, способныхъ разоблочить подлогъ, и подлогъ этотъ былъ весьма выгоденъ для Западнаго духовенства,—то лжеисидоровскій сборникъ быстро распространился по всѣмъ Церквамъ Западнымъ, и сдѣлался тамъ главнымъ основаніемъ церковнаго права. Папы съ радостію воспользовались этимъ обманомъ, столько благопріятнымъ для ихъ интересовъ.

Около половины IX вѣка на Римскій престолъ вступилъ папа Николай I, человѣкъ энергическій, рѣшительный и болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ мечтавшій о высокихъ преимуществахъ римской каѳедры. На основаніи лжеисидоровскихъ декреталій, онъ сталъ повелительно относиться ко всѣмъ старѣйшимъ Западнымъ архіепископамъ и митрополитамъ, доселѣ еще пользовавшимъ-

ся самостоятельностью въ своихъ мѣстныхъ Церквахъ, какъ бы онъ былъ ихъ верховнымъ главою, сталъ требовать, чтобъ они безъ его вѣдома и соизволенія не осмѣливались предпринимать ничего важнаго въ своихъ Церквахъ, судить подчиненныхъ имъ епископовъ, собирать соборовъ и т. д.; началъ всюду разсылать своихъ легатовъ, т. е. полномочныхъ пословъ для надзора за дѣлами и состояніемъ различныхъ помѣстныхъ Церквей, учреждать въ различныхъ странахъ примасовъ, т. е. постоянныхъ представителей папской власти въ извѣстной странѣ, которымъ бы повиновались всѣ другіе самые старѣйшіе епископы страны. Тогдашній старѣйшій французскій архіепископъ Гинкмаръ реймскій, человѣкъ энергичный, сравнительно съ другими западными епископами, очень образованный и вліятельный при французскихъ государяхъ, старался отстаивать права свои и своей національной Церкви отъ притязаній папскихъ, долгое время спорилъ съ Николаемъ I и его преемниками, Адріаномъ II и Іоанномъ VIII, пытался заподозрить подлинность самыхъ лже-исидоровскихъ декреталій, на которыхъ папы утверждали свои права. Но папы съумѣли поселить раздоръ внутри самой французской Церкви, привлечь на свою сторону и возстановить противъ Гинкмара многихъ подчиненныхъ ему епископовъ, склонить французскихъ государей къ тому, что они сами стали обращаться въ Римъ за королевскою и императорскою коронами, — особенно въ такихъ случаяхъ, когда права ихъ на

полученіе этихъ коронъ оказывались не совсѣмъ законны. При такихъ мѣрахъ, папы успѣли скоро подчинить себѣ стоявшую за свою самостоятельность галликанскую Церковь. Еще безпрепятственнѣе имъ удалось утвердить свое полное господство въ другихъ странахъ Западной Европы, не имѣвшихъ такой политической силы, какъ Франція, ни такихъ умныхъ и энергическихъ представителей, какъ Гинкмаръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, папы стали заявлять свои притязанія и на то, чтобъ имъ покорялись самые свѣтскіе государи Западной Европы. Лотарь, король лотарингскій, развелся съ своею женою Титбергою и женился на другой, Вальрадѣ. Разводъ Лотаря съ Титбергою и новый бракъ съ Вальродою, хотя и не справедливо, въ угоду властителю, но съ видимыми законными основаніями, были утверждены мѣстными лотарингскими епископами и цѣлыми Соборами. Но папа Николай I вступился въ это дѣло, низложилъ епископовъ, утвердившихъ разводъ и новый бракъ Лотаря, осудилъ постановленія Соборовъ, дѣйствовавшихъ въ угожденіе произволу и страсти, потребовалъ Лотаря съ Вальрадою въ Римъ на публичное покаяніе съ тѣмъ, чтобъ они потомъ разлучились, и Лотарь опять принялъ бы къ себѣ отвергнутую жену Титбергу. Нѣсколько лѣтъ Лотарь и приверженные къ нему епископы сопротивлялись приговору папы, спорили противъ него, просили о снисхожденіи, грозили папамъ насиліемъ и войною. Но папа Николай остался твер-

дымъ и непреклоннымъ при всѣхъ противорѣчіяхъ, искательствахъ и угрозахъ,—онъ привлекъ на свою сторону сочувствіе народа, которому пріятно было видѣть дѣйствіе духовной власти, могущей обуздывать произволъ и безнравственность самыхъ сильныхъ властителей земли; противъ Лотаря и его приверженцевъ вездѣ возбуждены были ропотъ и озлобленіе,—и такимъ образомъ, послѣ долгаго сопротивленія, они вынуждены были смириться съ папою и подчиниться всей строгости его приговора, по крайней мѣрѣ наружно.

Достигши такой власти на Западѣ, папы стали простирать свои властолюбивыя притязанія и на Восточную Церковь. Тогдашнее положеніе этой Церкви—сильныя замѣшательства іерархическія, происходившія въ Константинополѣ, давали папамъ поводъ къ вмѣшательству въ дѣла константинопольской Церкви и надежду на подчиненіе ея своему вліянію.

III.

СПОРЫ МЕЖДУ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЮ И РИМСКОЮ ЦЕРКВАМИ ПРИ ПАТРІАРХѢ ФОТІѢ ВЪ ПОЛОВИНѢ IX ВѢКА.

Въ Константинополѣ царскій престолъ въ половинѣ IX вѣка занималъ молодой Императоръ Михаилъ III, сынъ послѣдняго Императора иконоборца, Ѳеофила. Дѣлами Имперіи, за молодостью,

безпечностью и неспособностью Михаила III, управляла мать его, строгая и благочестивая Императрица Ѳеодора, желавшая и сына своего держать въ строгомъ благочестіи, и братъ ея, Кесарь Варда, человѣкъ энергичный, даровитый, но слишкомъ властолюбивый и безнравственный, намѣренно развращавшій молодаго Императора, чтобы лучше привлечь и подчинить его себѣ. Между партіями Ѳеодоры и Варды возникла вражда. Варда, пріобрѣтши вліяніе на Императора, успѣлъ заточить въ монастырь Императрицу Ѳеодору и дочерей ея, и, вслѣдъ за тѣмъ, низложилъ съ престола и сослалъ въ ссылку избраннаго Ѳеодорой и приверженнаго къ ней благочестиваго патріарха Игнатія; Варда видѣлъ въ немъ противника своимъ политическимъ планамъ и строгаго обличителя своей безнравственной жизни. (Игнатій однажды публично отлучилъ Варду отъ причащенія Св. Таинъ за безнравственную жизнь.) На мѣсто низверженнаго Игнатія, согласно съ желаніемъ Варды, избранъ былъ патріархомъ Фотій, знаменитый государственный сановникъ и образованнѣйшій человѣкъ своего времени; онъ былъ главою константинопольскихъ ученыхъ того времени, которые обыкновенно въ его домѣ и собирались для разныхъ занятій высшими науками; самъ Фотій оставилъ по себѣ много сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ; самый вѣкъ, въ который онъ жилъ, въ исторіи византійскаго просвѣщенія называется по его имени—вѣкомъ Фотія. Фотій самъ по себѣ былъ вполнѣ достоинъ патріаршаго престола, но

такъ какъ въ средѣ константинопольскаго духовенства и народа было много людей, недовольныхъ незаконнымъ низверженіемъ прежняго, уважаемаго за благочестивую жизнь, патріарха, и такъ какъ Фотій избранъ былъ въ патріархи по мимо всѣхъ высшихъ духовныхъ лицъ, почти прямо изъ свѣтскихъ людей, въ самое короткое время (въ 5 дней), прошедши всѣ низшія степени церковныя, то, противъ него, въ средѣ константинопольскаго духовенства и народа, образовалась довольно сильная партія сторонниковъ патріарха Игнатія. Варда хотѣлъ насильственными средствами подавить эту партію, и сталъ подвергать новымъ послѣдованіямъ самаго Игнатія; но этимъ только возбудилъ между его приверженцами еще большія волненія. Въ константинопольской Церкви открылись сильныя смуты и открытый расколъ; одни признавали законнымъ патріархомъ Игнатія, другіе Фотія; тѣ и другіе взаимно осыпали другъ друга отлученіями и проклятіями.

Для прекращенія этихъ неустройствъ, а также ради другихъ дѣлъ церковныхъ, положено было созвать въ Константинополѣ большой Церковный Соборъ (въ 861 году). На этотъ Соборъ пригласили и римскаго папу Николая I. Честолюбивый и притязательный Николай увидѣлъ здѣсь удобный случай воспользоваться замѣшательствомъ Церкви константинопольской для своихъ цѣлей, чтобы подчинить ее своему вліянію. Но не таковъ былъ патріархъ Фотій, чтобы можно было ожидать отъ

него униженія правъ константинопольской каѳедры предъ римскою; въ немъ Николай нашелъ себѣ сильнаго, умнаго и энергичнаго соперника. Поэтому-то, хотя папа, на первыхъ порахъ, не прочь былъ признать Фотія константинопольскимъ патріархомъ и, хотя легаты его, посланные въ Константинополь на Соборъ, вмѣстѣ съ другими членами Собора, бывшаго въ 861 году, утвердили низложеніе Игнатія и избраніе Фотія на костантинопольскій престолъ, но какъ скоро изъ различныхъ слуховъ, доходившихъ до Рима и собственныхъ писемъ Фотія, папа убѣдился, что Фотій человѣкъ искусснный, самостоятельный и непреклонный, онъ сталъ горячо возставать противъ Фотія, осудилъ дѣйствія Собора константинопольскаго и своихъ легатовъ, бывшихъ на немъ, собралъ въ Римъ новый Соборъ (въ 863 году) изъ покорныхъ ему Западныхъ епископовъ и на немъ опредѣлилъ—Фотія низложить и Игнатія опять возвести на константинопольскій престолъ. Въ Константинополѣ, разумѣется, не послушались рѣшенія папы, и по этому случаю между Константинополемъ и Римомъ началась горячая полемическая переписка, положившая начало разрыву между Церквами. Патріархъ Фотій съ силою и искусствомъ обличалъ опиравшіяся на ложныхъ основаніяхъ притязанія папъ—подчинить римской каѳедрѣ другія, издревле независимыя отъ нея Церкви.

Къ этому присоединились еще новые споры изъза управленія болгарскою Церковію, которые, об-

наруживъ еще болѣе притязательный характеръ римской Церкви и самыя ея уклоненія отъ древняго православія въ догматахъ и обрядахъ, тѣмъ глубже укореняли начинавшееся раздѣленіе между Церквами.

Около половины IX вѣка утвердилось христіанство между Болгарами, при Царѣ болгарскомъ Борисѣ. Христіанство было издавна распространяемо у Болгаръ греческими миссіонерами и въ окончательномъ утвержденіи его при Царѣ Борисѣ принималъ большое участіе патріархъ Фотій. По этому Церковь константинопольская могла съ полною справедливостью усвоять себѣ право верховнаго управленія новоустроенною болгарскою Церковію. Но и римская Церковь простирала свои притязанія на Болгарію, на основаніи того, что страна эта, по древнему, давно уже потерявшему свое значеніе и забытому раздѣленію областей Римской Имперіи, причислялась къ Западному Церковному округу. Во время начавшихся при патріархѣ Фотіѣ споровъ между константинопольскою и римскою Церковію, Болгарамъ внушено было предубѣжденіе противъ Грековъ. Имъ внушено было, что церковныя связи съ Византіею могутъ быть опасны для политической и церковной самостоятельности Болгаріи, — и что, напротивъ, Болгары могутъ ожидать себѣ болѣе покровительства и самостоятельности отъ Рима. Вслѣдствіе этого царь Борисъ прервалъ сношенія съ Константинополемъ и обратился къ папѣ Николаю съ просьбою, чтобъ

онъ прислалъ изъ Рима духовныхъ для устроенія новообразованной Церкви болгарской. Прибывшіе въ Болгарію латинскіе епископы и священники всюду старались укоренить предубѣжденіе противъ Грековъ и распростонять между Болгарами римскія Церковныя нововведенія. Они вторично перемазывали Болгаръ Св. мyромъ, на томъ основаніи, что мyропомазаніе, совершенное надъ ними, простыми и, притомъ, женатыми греческими священниками — не дѣйствительно, установляли повсюду безбрачіе духовенства, постъ въ субботу и вводили другіе свои обычаи. Стали распространять и чтеніе Символа Вѣры съ римскимъ прибавленіемъ „Filioque“ (и отъ Сына). Патріархъ Фотій, узнавши объ этомъ совращеніи утвержденнаго имъ въ христіанствѣ народа Болгарскаго, объ искаженіи древнихъ православныхъ преданій и самаго Символа Вѣры, разослалъ ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ и другимъ епископамъ обширное окружное посланіе, въ которомъ торжественно предъ всею Церковію обличалъ римскія нововведенія, своеволіе и властолюбіе папы Николая и для рѣшительнаго суда надъ ними приглашалъ восточныхъ патріарховъ и другихъ епископовъ на Соборъ въ Константинополь *).

---

*) Русскій переводъ этого замѣчательнаго въ исторіи православія памятника печатается въ приложеніи къ настоящей книжкѣ, подъ буквою А.

Въ 867 году, по приглашенію Фотія, собрался въ Константинополѣ многочисленный Соборъ, въ присутствіи Императора Михаила и его новаго соправителя (заступившаго мѣсто убитаго Императоромъ Варды), Кесаря Василія Македонскаго, множества епископовъ и знатныхъ свѣтскихъ сановниковъ. На этомъ Соборѣ римскія нововведенія были осуждены; папу Николая опредѣлено низложить съ престола. Такое опредѣленіе положено было сообщить на Западъ, гдѣ нѣкоторые епископы уже сочувствовали борьбѣ Фотія противъ папскаго деспотизма; для приведенія въ исполненіе Соборнаго опредѣленія надъ Николаемъ послали просить содѣйствія западнаго Императора Людовика, также находившагося въ это время въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ папой по дѣлу брата своего Лотаря Лотарингскаго.

Рѣшительныя дѣйствія Фотія встревожили папу Николая. Но, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ незаконныхъ притязаній и распространившихся въ Западной Церкви заблужденій, папа началъ усиленно защищать ихъ. По его порученію, нѣсколько ученыхъ французскихъ богослововъ написали сочиненія, въ которыхъ защищали римское ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Съ тѣхъ поръ это нововведеніе стало болѣе и болѣе утверждаться на Западѣ; изъ частнаго, многими еще не признаваемаго на самомъ Западѣ мнѣнія, оно скоро сдѣлалось общепринятымъ догматомъ римской Церкви, и въ Западныхъ Цер-

квахъ начали всюду присовокуплять его къ Символу Вѣры.

Между тѣмъ борьба между Римомъ и Константинополемъ въ самомъ разгарѣ должна была нѣсколько пріутихнуть. Оба главныя дѣятели борьбы оставили свое поприще. Патріархъ Фотій въ сентябрѣ того же 867 года, по политическимъ ли разсчетамъ, или по личной непріязни, свергнутъ съ престола новымъ Императоромъ Константинопольскимъ Василіемъ Македонскимъ, убившемъ Михаила III и занявшемъ престолъ его. На мѣсто Фотія опять возвращенъ былъ на престолъ константинопольскаго патріаршества престарѣлый Игнатій. Скоро затѣмъ умеръ и папа Николай I; мѣсто его заступилъ Адріанъ II. Въ Римѣ торжествовали низложеніе Фотія; отъ Игнатія, покровительствуемаго папскимъ престоломъ, ожидали болѣе уступчивости и покорности.

На новомъ Соборѣ, созванномъ въ Константинополѣ въ 869 году, для возстановленія мира между константинопольскою и римскою Церквами, и подчинявшимся вліянію папскихъ легатовъ, патріархъ Фотій со всѣми его приверженцами былъ осужденъ и преданъ страшному проклятію (приговоръ проклятія подписанъ былъ перомъ, омоченнымъ въ кровь Христову,—и за тѣмъ Фотій подвергнутъ тяжкому заточенію); греческіе епископы признали верховный авторитетъ римскаго престола во всей Церкви. Но только что кончился Соборъ, имъ до того стало стыдно своего униженія предъ папски-

ми легатами, что они старались силою или хитростью отнять у легатовъ акты Собора. Какъ же скоро затѣмъ рѣчь коснулась управленія болгарскою Церковью (которая уже потеряла въ это время довѣріе къ Риму и опять обратилась къ Константинополю), патріархъ Игнатій оказался также не уступчивъ въ своихъ правахъ противъ римскихъ притязаній, какъ и самъ Фотій. Вслѣдствіе этого предполагаемый миръ не состоялся; кроткій и благочестивый Игнатій, также какъ и энергичный Фотій, подвергся угрозамъ и преслѣніямъ римскимъ.

Еще менѣе можно было ожидать возстановленія мира между Церквами, когда умеръ этотъ патріархъ и мѣсто его занялъ опять давній противникъ папства Фотій (879 годъ). Тогдашній папа римскій Іоаннъ VIII, пріемникъ Адріана, склоненъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки константинопольской Церкви, дабы съ большимъ удобствомъ воспользоваться тѣмъ, что онъ особенно желалъ получить отъ нея. На новомъ многочисленномъ Соборѣ константинопольскомъ, созванномъ по этому случаю въ 879 году, легаты папскіе признали неприкосновенность древняго Символа Вѣры (т. е. отвергли римское прибавленіе „и отъ Сына“), признали также и равенство правъ Церкви константинопольской съ римскою, въ надеждѣ склонить Фотія на уступку болгарской Церкви. Но такъ какъ Фотій не думалъ отказаться отъ своихъ законныхъ правъ на нее, то опять на него посыпались проклятія изъ Рима, и это доходило, по счету одного запад-

наго ученаго, до восьми, а по счету другаго, до двѣнадцати разъ. Имя Фотія для римско-католическихъ писателей и до сихъ поръ служитъ предметомъ ненависти и всяческихъ клеветъ и порицаній. Мы же сохраняемъ память о немъ, какъ о разумномъ и твердомъ поборникѣ православія и защитникѣ правъ и свободы Вселенской Церкви.

IV.

РАЗРЫВЪ МЕЖДУ ВОСТОЧНОЮ И ЗАПАДНОЮ ЦЕРКВАМИ ВЪ ПОЛОВИНѢ XI ВѢКА ПРИ ПАТРІАРХѢ МИХАИЛѢ КЕРУЛЛАРІѢ; ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ И ПОСЛѢДСТВІЯ НЕПРІЯЗНИ, УТВЕРДИВШЕЙСЯ ВЪ ХРИСТІАНСКОМЪ МІРѢ СЪ РАЗДѢЛЕНІЕМЪ ЦЕРКВЕЙ; ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДЫ НА ВОЗСОЕДИНЕНІЕ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ СЪ ВОСТОЧНОЮ?

Послѣ патріарха Фотія, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ, отношенія между константинопольскою и римскою Церквами были довольно неопредѣленныя. Не было еще полнаго разрыва, но не было и прежняго братскаго общенія между ними. Та и другая Церковь вела свои дѣла отдѣльно; сношенія между ними были весьма рѣдки. На Западѣ, въ продолженіи этого времени, при крайнемъ невѣжествѣ и нравственной распущенности духовенства, все болѣе и болѣе обнаруживались уклоненія отъ духа и преданій древней Вселен-

ской Церкви. Въ Восточной Церкви еще не было произнесено рѣшительнаго осужденія на Западную. Впрочемъ, съ начала XI вѣка (со временъ патріарха Сергія) перестали поминать имя папы въ греческихъ церквахъ.

Наконецъ, въ половинѣ XI вѣка, послѣдовалъ рѣшительный разрывъ между Восточною и Западною Церквами. На римскомъ престолѣ въ это время папою былъ воинственный, строгій и властолюбивый Левъ IX, у котораго секретаремъ и ближайшимъ совѣтникомъ былъ монахъ Гильдебрандъ, въ послѣдствіи знаменитый Григорій VII; въ Константинополѣ патріархомъ былъ Михаилъ Керулларій, также человѣкъ горячій и непреклонный. Папа Левъ сталъ распространять свое вліяніе въ подчиненныхъ константинопольскому патріарху греческихъ Церквахъ южной Италіи и возстановлять противъ Михаила Керулларія антіохійскаго патріарха. Патріархъ Михаилъ Керулларій приказалъ закрыть всѣ находящіяся въ его округѣ латинскія церкви и монастыри и сталъ обличать римскую Церковь въ нововведеніяхъ. Главнымъ предметомъ спора сдѣлался въ это время вновь распространившійся на Западѣ обычай совершать литургію на опрѣснокахъ. Въ Восточной Церкви противъ этого обычая было написано нѣсколько сочиненій. Одно изъ такихъ сочиненій, написанное архіепископомъ болгарскимъ Львомъ, переведенное на латинскій языкъ и представленное папѣ, подъ именемъ самаго патріарха Михаила Керулларія, произвело

большое волненіе въ Римѣ и подало поводъ къ полемикѣ. Императоръ греческій Константинъ-Мономахъ изъ политическихъ разсчетовъ всячески старался примирить папу съ патріархомъ. Но прибывшее въ Константинополь для разъясненія недоразумѣній посольство отъ папы, во главѣ котораго находился высокомѣрный поборникъ римскихъ притязаній кардиналъ Гумбертъ, не только не способствовало миру, но довело вражду до конца. Своею гордостью и деспотическимъ произволомъ, папскіе послы до крайности раздражили греческое духовенство и народъ. Пользуясь покровительствомъ Императора, они оказывали явное неуваженіе патріарху, порицали греческую Церковь сжигали написанныя противъ римскихъ нововведеній сочиненія; требовали подъ страхомъ наказанія у авторовъ ихъ отреченія отъ своихъ мыслей; сами писали въ опроверженіе ихъ свои сочиненія и распространяли въ народѣ. Наконецъ, потерявъ надежду склонить къ покорности патріарха и греческое духовенство, они осмѣлились торжественно, во время богослуженія, взойти въ Софійскій соборъ и положить на престолъ грамоту съ страшными проклятіями на патріарха Михаила и на всю греческую Церковь и за тѣмъ оставили храмъ и городъ, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ. Такой дерзкій поступокъ до крайности раздражилъ грековъ. При всемъ покровительствѣ Императора, дерзкіе легаты едва успѣли спастись изъ Константинополя отъ оскорбленнаго народнаго чувства. Им-

ператоръ всячески старался успокоить народъ увѣреніями, что легаты папскіе дѣйствовали такъ не по полномочію отъ папы, а произвольно; что они даже не легаты, а самозванцы. Но трудно было обмануть и успокоить народъ и духовенство. Патріархъ Михаилъ собралъ Соборъ изъ подчиненныхъ ему епископовъ, предалъ проклятію папскихъ легатовъ, и затѣмъ по всѣмъ Восточнымъ Церквамъ разослалъ извѣщенія о своевольныхъ притязаніяхъ и отступленіяхъ римской Церкви. Съ тѣхъ поръ окончательно рушился союзъ между Восточною и Западною Церквами. Вслѣдъ за константинопольскою, скоро и въ другихъ Восточныхъ Церквахъ перестали поминать имя папы и стали считать римскую Церковь отступившею отъ Православія.

Болѣе тысячи лѣтъ прошло съ того времени, какъ начался разрывъ между Восточною и Западною Церквами при патріархѣ Фотіѣ, и болѣе восьми вѣковъ какъ онъ окончательно завершился при Михаилѣ Керулларіѣ. И до настоящаго времени этотъ несчастный разрывъ не только не прекратился— не ослабѣлъ, но еще болѣе закрѣпъ и закоренѣлъ, передаваясь изъ вѣка въ вѣкъ — отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ печальное наслѣдіе страстей и заблужденій порожденныхъ временами давно минувшими. Со времени отдѣленія Западной Церкви

отъ Восточной случилось не мало новыхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ большему и большему закрѣпленію предубѣжденій и непріязни между Восточнымъ и Западнымъ христіанствомъ. Въ Западной Церкви, въ темные средніе вѣка—частію ненамѣренно, по недостатку твердаго, религіознаго пониманія, частію намѣренно, вслѣдствіе корыстныхъ и властолюбивыхъ расчетовъ западной іерархіи, образовалось много отступленій отъ древняго православія — нововведеній въ ученіи вѣры, обрядахъ церковныхъ и іерархическомъ устройствѣ. Превратная средневѣковая схоластическая наука—эти нововведенія привела въ систему, обставила разными доказательствами и закрѣпила въ сознаніи католическаго міра. Позднѣйшіе Западные Соборы придали этимъ нововведеніямъ равное значеніе съ догматами и правилами древней Вселенской Церкви. Такимъ образомъ, въ Западной Церкви образовалась цѣлая особенная система вѣроученія и церковнаго устройства, которая еще болѣе отдалила ее отъ Восточной Церкви, оставшейся вѣрною древнимъ церковнымъ преданіямъ. Духъ римскаго властолюбія не переставшій еще съ большею безпрепятственностію и силою развиваться въ Западной Церкви, послѣ ея отдѣленія отъ Восточной, извратилъ въ ней внутреннія начала духовной жизни—начала свободы и братской любви, превратилъ ее изъ духовнаго царства Божія въ царство отъ міра сего, принявшее въ себя начала мірскаго государственнаго устройства

и мірскія государственныя цѣли, интересы и стремленія, а чрезъ это Западная Церковь, по внутреннему своему характеру, еще болѣе отдалилась отъ духовнаго союза съ Восточною Церковію, которая, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія внѣшняго состоянія, въ своихъ высшихъ стремленіяхъ всегда оставалась вѣрною духовному характеру и призванію, чуждаго земныхъ политическихъ разчетовъ. Разрушеніемъ единства церковнаго, и искаженіемъ древнихъ преданій, Западная Церковь въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ положила начало для новыхъ раздѣленій, расколовъ, сектъ, изъ которыхъ большая часть дальнѣйшимъ развитіемъ ложныхъ началъ, принятыхъ римскою Церковію, или одностороннею реакціею противъ нихъ, еще дальше отошла отъ истинныхъ древнихъ началъ православія и отвлекла отъ нихъ цѣлую половину Западнаго Христіанскаго міра.

Въ самыхъ политическихъ отношеніяхъ римско-каталическаго (и затѣмъ образовавшагося въ немъ протестантскаго) Запада къ православному Востоку было немало обстоятельствъ, усилившихъ религіозную непріязнь между ними и придавшихъ этой непріязни наслѣдственно — историческій, племенной, національный характеръ. По невѣдомымъ судьбамъ Промысла Божія, со времени отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной и до позднѣйшихъ вѣковъ, неправославный Западъ въ своихъ внѣшнихъ историческихъ судьбахъ былъ счастливѣе православнаго Востока. Западные народы поль-

зовались свободой, имѣли благопріятныя условія для внутренняго развитія, были главными дѣятелями на поприщѣ политическаго, умственнаго, и промышленнаго прогресса. А Восточныя православныя племена понесли много тяжелыхъ испытаній, много терпѣли отъ внутреннихъ распрей и междуусобій и отъ внѣшнихъ враговъ варварскихъ — нехристіанскихъ народовъ; цѣлыя вѣка находились подъ игомъ рабства, не имѣли благопріятныхъ условій для внутренняго развитія и потому много отстали отъ Западныхъ народовъ на поприщѣ политическаго, умственнаго и общественнаго развитія. Западные народы, пользуясь свободою и успѣхами въ жизни, не только, по чувству христіанскаго братства, не помогали православнымъ Восточнымъ племенамъ въ ихъ историческихъ несчастіяхъ, но даже, подъ вліяніемъ давнихъ племенныхъ предубѣжденій и вѣроисповѣдной непріязни, воспитанной въ нихъ римскою Церковію, относились съ злорадованіемъ къ несчастіямъ Востока, сами отягчали ихъ, старались изъ нихъ извлекать выгоды для себя. Западные народы изъ своихъ расчетовъ не рѣдко возбуждали и поддерживали распри между православными Восточными племенами, равнодушно отдавали ихъ на жертву варварскимъ нехристіанскимъ народамъ, сами закрѣплялись иногда господство невѣрныхъ надъ православными племенами и пользовались всякими случаями подчинить ихъ своему политическому, умственному и религіозному влія-

нію. Все это естественно болѣе и болѣе раздражало вѣроисповѣдную непріязнь между Восточнымъ и Западнымъ христіанскимъ міромъ и закрѣпляло раздѣленіе существующее между ними.

Раздѣленіе это, не ограничиваясь непосредственными проявленіями собственно религіозной жизни, отразилось во всѣхъ сферахъ общественной, умственной, и политической жизни христіанскаго міра, имѣло несчастное вліяніе на весь ходъ его исторіи. Подъ вліяніемъ вѣроисповѣдныхъ разногласій, православный Востокъ сталъ болѣе чуждаться неправославнаго Запада, а Западъ сталъ относиться къ Востоку съ враждебнымъ высокомѣріемъ и презрѣніемъ. И это несомнѣнно принесло много вреда какъ для Востока, такъ и для Запада — для всей христіанской жизни. Востокъ, находясь въ разобщеніи съ Западомъ, чрезъ то самое на нѣсколько вѣковъ лишалъ себя многихъ полезныхъ плодовъ внѣшней цивилизаціи, вырабатывавшихся въ западной жизни, и, съ ослабленіемъ своей политической силы, оставленный Западомъ въ неравной борьбѣ, Востокъ долженъ былъ на нѣсколько вѣковъ подпасть подъ ярмо враждебныхъ христіанству народовъ, и остановиться въ своемъ развитіи. Западъ, находящійся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, самымъ географическимъ положеніемъ своимъ болѣе обезпеченный отъ чуждыхъ нападеній, продолжалъ, и въ разобщеніи съ Востокомъ, жить свободно, и развиваться, по видимому, успѣшно. Но это развитіе,

оторванное отъ живаго корня, не утвержденное на твердыхъ религіозныхъ началахъ, которыя вездѣ и во всѣ времена были основными началами жизни и давали такой или другой характеръ ея развитію, — развитіе выходящее изъ началъ искаженныхъ не могло произвести вполнѣ здоровыхъ и полезныхъ плодовъ. Такое развитіе естественно должно было оказаться вмѣстѣ и разложеніемъ жизни, раскрытіемъ несостоятельности ея основныхъ началъ. Самъ Западъ не рѣдко сознавалъ ненормальность развитія своей религіозно-нравственной, умственной и общественной жизни, и искалъ исхода въ различнаго рода реформахъ и революціяхъ. Но эти реформы и революціи, не касавшіяся основныхъ началъ жизни, давали только новый видъ застарѣлой болѣзни, не уничтожая ея. Между тѣмъ, гордая самоувѣренность, надежда на одни собственныя силы и высокомѣрное презрѣніе къ коснѣющему Востоку, не позволяли западной мысли на Востокѣ искать здоровыхъ и крѣпкихъ началъ для обновленія своей жизни и новаго направленія къ развитію ея.

При всей непріязни, въ продолженіи многихъ вѣковъ существующей, между Восточнымъ и Западнымъ христіанствомъ, въ той и другой части христіанскаго міра всегда бывали однакожъ люди искренніе, чуждые предубѣжденій, которые сознавали неестественность отношеній, утвердившихся между двумя великими Церквами, болѣли сердцемъ о несчастномъ разрывѣ христіанскаго міра, и желали

и чаяли прекращенія этаго разрыва. Въ Православной Церкви вмѣстѣ съ молитвою о соединеніи Церквей, всегда жила надежда, что это соединеніе благодатію Божіею будетъ когда нибудь возстановлено. Но, разумѣется, такое важное дѣло, какъ возсоединеніе двухъ величайшихъ и уже цѣлое тысячелѣтіе находящихся въ разрывѣ Церквей, можетъ совершиться не безъ большихъ затрудненій и усилій съ человѣческой стороны. Оно можетъ совершиться тогда, когда въ той и другой части христіанскаго міра окрѣпнетъ искреннее стремленіе къ соединенію и станетъ живою потребностью не отдѣльныхъ личностей, а самихъ Церквей во глубинѣ ихъ жизненнаго сознанія; когда вмѣстѣ съ тѣмъ въ той и другой части христіанскаго міра явится и искренняя готовность употребить всѣ усилія, принести всѣ потребныя жертвы для такого великаго дѣла. Соединеніе можетъ совершиться тогда, когда будутъ безпристрастно выяснены и устранены причины, положившія начало несчастному разрыву и поддерживающія его; когда будетъ возстановлено единство жизненныхъ началъ, единство убѣжденій во всѣхъ существенныхъ предметахъ вѣры, и братскія равноправныя отношенія между двумя великими Церквами. Безъ этого, при разности жизненныхъ началъ и стремленій, при разногласіи въ существенныхъ предметахъ вѣры, при недостаткѣ вполнѣ искреннихъ братскихъ отношеній, одинъ наружный, условный союзъ между Церквами не могъ бы быть

проченъ, — если бы и могъ быть достигнутъ какими-нибудь искусственными средствами (чего, однакожъ, по вѣрѣ въ благодать Духа Божія, охраняющаго чистоту своей Церкви, предположить нельзя). Такой союзъ былъ бы неискреннимъ примиреніемъ, а условною, фальшивою сдѣлкою, которая была бы несообразна съ требованіями христіанской истины — съ достоинствомъ Церквей, и которая, во всякомъ случаѣ, не могла бы продержаться долго, а для будущаго могла бы только повредить великому дѣлу соединенія Церквей, запутать въ большихъ недоразумѣніяхъ самый вопросъ о соединеніи.

Къ сожалѣнію въ Римской Церкви, не смотря на то, что въ ней всегда даже болѣе, чѣмъ въ Восточной, высказываемо было стремленій къ возсоединенію Церквей, никогда не было замѣтно искренняго расположенія къ этому дѣлу—готовности безпристрастно обсудить причину разрыва, сознаться въ тѣхъ отступленіяхъ отъ древняго преданія, которыя разрушили единство убѣжденій въ христіанскомъ мірѣ, отказаться отъ властолюбивыхъ стремленій и высокомѣрныхъ притязательныхъ отношеній къ Восточной Церкви, которыя всегда были главною причиною разрыва. Римская Церковь всегда старалась привлекать къ союзу съ собою Восточныя Церкви не иначе, какъ на условіяхъ подчиненія ихъ верховному авторитету, а иногда и неправымъ мнѣніямъ ея. На такихъ условіяхъ соединеніе Церквей никогда не могло состояться, и самыя перего-

воры о соединеніи, сколько разъ ни были возбуждаемы со стороны римской Церкви, никогда не могли быть искренни. Высокомѣріе и упорство римской Церкви доселѣ были главнымъ препятствіемъ къ возстановленію мира церковнаго.

Бывали случаи, когда при неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ православнаго Востока, чрезъ посредство свѣтскаго правительства, римская Церковь надѣялась установить союзъ съ Восточною Церковью по своимъ расчетамъ т. е. безъ исправленія нововведеній, нарушившихъ единство церковное, съ условіемъ подчиненія Восточныхъ Церквей римскому авторитету. Если не сама Восточная Церковь, то свѣтское правительство, по политическимъ соображеніямъ, дѣйствовавшее отъ имени Церкви съ нѣсколькими изъ ея представителей, въ крайнихъ случаяхъ готово было склониться къ союзу съ римскою Церковью на предлагаемыхъ ею условіяхъ и принимало для этого извѣстныя мѣры. Но такія попытки къ соединенію Церквей, вынужденныя крайностью, предпринимавшіяся по чуждымъ интересу Церкви политическимъ расчетамъ, приводимыя въ исполненіе нѣсколькими личностями, произвольно дѣйствовавшими отъ имени Церкви и нерѣдко съ обманомъ и насиліями, не могли имѣть успѣха. Они не только не возстановляли мира, но еще болѣе усиливали раздраженіе между Восточнымъ и Западнымъ христіанствомъ, и даже подрывали въ глазахъ многихъ искреннихъ людей надежду на соединеніе Церквей когда либо

и въ будущемъ времени. Для вѣковъ послѣдующихъ эти неискреннія и неудачныя попытки къ соединенію Церквей остались только печальнымъ урокомъ о томъ, какъ несообразно въ великомъ дѣлѣ церковномъ водиться какими либо чуждыми Церкви интересами и побужденіями, полагаться на внѣшнія силы, дѣйствовать мѣрами принужденія и обмана.

Не принимая во вниманіе этихъ фальшивыхъ и неудачныхъ попытокъ къ соединенію, можно сказать, что со времени раздѣленія Церквей и до настоящаго времени не было еще объ этомъ великомъ дѣлѣ вполнѣ искреннихъ и серьезныхъ переговоровъ между Восточною и Западною Церквами.

Въ новѣйшія времена, съ большимъ развитіемъ образованности и международнаго общенія между европейскими христіанскими племенами, и вслѣдствіе того, что при новомъ направленіи европейской цивилизаціи, вмѣстѣ съ большимъ проникновеніемъ практическихъ христіанскихъ началъ въ жизнь общественную, участіе собственно къ догматическимъ и іерархическимъ интересамъ значительно ослабѣваетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ замѣтно ослабѣвать и та крайняя непріязнь между Восточнымъ и Западнымъ христіанскимъ міромъ, которая утвердилась преимущественно въ средніе вѣка. Само папство въ позднѣйшія времена много утратило той своей крѣпости и исключительности направленія, какими оно отличалось въ средніе

вѣка. Главное его основаніе—непомѣрно высокая идея о значеніи папской власти, крайнее развитіе которой было главною причиною раздѣленія Церквей, уже нѣсколько вѣковъ продолжаетъ болѣе и болѣе колебаться. Въ настоящее время папство, какъ будто, переживаетъ послѣднія времена своего мірскаго могущества и даже нравственнаго вліянія. Такимъ образомъ тѣ преграды, какія въ былыя времена отдѣлили Западный христіанскій міръ отъ Восточнаго, въ позднѣйшія времена, какъ будто, болѣе и болѣе слабѣютъ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время эти преграды далеко еще не потеряли совсѣмъ своего прежняго значенія. Папство, при всѣхъ своихъ невзгодахъ, при всемъ своемъ ослабленіи, и до нынѣ не хочетъ еще совсѣмъ отказаться отъ своихъ гордыхъ притязаній на верховное господство не только въ римско-католической Церкви, но во всемъ христіанскомъ мірѣ. Въ римско-католической Церкви, хотя и съ утратою своего прежняго значенія, но все еще, по крайней мѣрѣ, механически, по преданію, держится та система нововведеній въ ученіи вѣры, обрядахъ и устройствѣ Церковномъ, которая образовалась въ средніе вѣка и которая, отдаливъ Западную Церковь отъ преданій древней Вселенской Церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ отдалила ее и отъ единомыслія съ вѣрною древнимъ преданіямъ Православною Восточною Церковію. Такимъ образомъ и до нынѣ въ римско-католической Церкви остается еще много преградъ, отдѣляющихъ ее отъ союза съ православ-

нымъ Востокомъ. А вмѣстѣ съ прежними преградами не престаютъ въ Западномъ христіанскомъ мірѣ возвышаться новыя преграды къ единенію въ распространеніи различныхъ ученій, еще болѣе римско-католическаго ученія не согласныхъ съ духомъ и древними преданіями Православной Восточной Церкви. Въ самыхъ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ европейскаго Запада къ Православному Востоку, при всемъ видимомъ ослабленіи прежнихъ племенныхъ непріязней и вѣроисповѣдныхъ предубѣжденій, далеко еще не изгладились слѣды той глубокой розни, которая утвердилась между Восточнымъ и Западнымъ христіанскимъ міромъ въ средніе вѣка. Она и доселѣ сказывается напр. въ томъ высокомѣріи, съ какимъ европейскій Западъ относится ко всему православному Востоку; въ томъ равнодушіи, съ какимъ на Западѣ смотрятъ на несправедливую и несчастную судьбу православныхъ южныхъ славянъ и грековъ, угнетаемыхъ магометанскимъ владычествомъ; наконецъ, въ той боязни и ненависти, съ какими европейскій Западъ тайно, а иногда и явно относится къ усиленію могущества Россіи—сильнѣйшаго и единственно сильнаго Православно-Восточнаго племени и государства. Такъ, даже до настоящаго времени несчастные плоды разрыва христіанскаго союза глубоко отзываются не только въ религіозной, но и въ общественной жизни, и въ политическихъ отношеніяхъ христіанскихъ народовъ, и, судя по человѣческимъ соображеніямъ, нельзя въ

близкомъ будущемъ даже и предвидѣть прекращенія этой несчастной розни, существующей въ христіанскомъ мірѣ вотъ уже тысячу лѣтъ.

Но Святая православная Церковь, матерински болѣющая о разрывѣ братскаго союза въ христіанскомъ мірѣ, всегда молится о соединеніи Церквей, и каждому вѣрному сыну православной Церкви, соединяя свою молитву съ молитвою Церкви, естественно желать и надѣятся, что это соединеніе, при всей необыкновенной важности и трудности этого дѣла для человѣческихъ соображеній, наконецъ, состоится, хотя неизвѣдомо пока, когда и какъ, какими путями и въ какомъ видѣ. Господь управляетъ судьбами міра и преимущественно Святой своей Церкви. Онъ силенъ возставить и въ средѣ смерти—жизнь, изъ раздѣленія—единство, изъ вражды—любовь тамъ гдѣ есть хотя малые залоги къ тому въ свободной человѣческой волѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Отношенія Римской Церкви къ Восточнымъ Церквамъ послѣ раздѣленія Церквей.

1.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНІЙ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ПРАВОСЛАВНОМУ ВОСТОКУ ПОСЛѢ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

Главною причиною раздѣленія Церквей были притязанія папъ распространить свое господство на Восточную Церковь, которымъ Восточная Церковь не захотѣла подчиниться. Папы не думали оставлять своихъ притязаній и послѣ того, какъ послѣдовалъ формальный разрывъ между Церквами. Благопріятныя историческія условія, въ какихъ находилась Западная Церковь въ средніе вѣка, и стѣсненное политическое положеніе православнаго Востока усиливали въ папахъ надежду подчинить своей власти Восточную Церковь. Подъ вліяніемъ этой надежды, съ одинадцатаго вѣка и до позднѣйшихъ временъ, папы не пропускали ни одного столѣтія безъ попытокъ распространить свое вліяніе въ

Восточныхъ Церквахъ. Этими попытками по преимуществу и характеризуются отношенія римской Церкви къ православному Востоку, со времени раздѣленія Церквей до настоящаго времени.

Способы, какими пользовалась римская Церковь къ распространенію своего вліянія на Востокѣ, бывали весьма разнообразны. Иногда папы подъ видомъ отеческой заботливости о Восточныхъ христіанахъ, по ихъ мнѣнію, потибающихъ внѣ общенія съ римскою Церковью, обращались къ представителямъ Восточныхъ Церквей съ ласками и обѣщаніями, съ предложеніями мира и любви, приглашали ихъ къ братскому совѣщанію объ устраненіи разногласій, существующихъ между Церквами, созывали Соборы для возстановленія мира церковнаго, всегда, впрочемъ, имѣя въ виду при этомъ собственно не изслѣдованіе истины, не безпристрастное уясненіе и устраненіе разномыслій, не братское примиреніе двухъ Церквей между собою, какъ равной съ равною, а непременно подчиненіе Восточной Церкви своему вліянію. Эти мѣры мало имѣли успѣха; неискреннія попытки къ соединенію только болѣе усиливали раздѣленіе между Церквами и сама римская Церковь обращалась къ публичнымъ совѣщаніямъ о примиреніи Церквей больше за тѣмъ, чтобы торжественно заявить свои притязанія на Восточную Церковь. Главнымъ же образомъ римская Церковь расчитавала всегда на силу своего политическаго вліянія. Она старалась привлекать на свою сто-

рону государей Восточныхъ различными союзами, политическими выгодами и обѣщаніями, не совсѣмъ вѣрно расчитывал на то, что на Востокѣ Церкви находятся въ большой зависимости отъ свѣтскаго правительства, и, такимъ образомъ, надѣясь подчинить себя ихъ чрезъ посредство свѣтскаго правительства. Когда православные государи оказывались не податливыми на прельщенія латинства, папы возбуждали противъ нихъ Западныхъ государей, заводили политическія интриги, созывали противъ православныхъ странъ крестовые походы, мечтали силою орудія и хитростями политики подчинить себѣ православный Востокъ.

Когда не оказывалось возможности сразу подчинить своему вліянію цѣлую Церковь или цѣлую страну, папы старались дѣйствовать постепенно, отторгать на свою сторону членовъ православной Церкви по частямъ. Для этаго они старались имѣть въ православныхъ странахъ своихъ миссіонеровъ,— пропагандистовъ, которые бы тайными и явными— религіозными и политическими, и нравственными безнравственными средствами вездѣ пріобрѣтали новыхъ прозелитовъ римской Церкви, съ тѣмъ чтобы чрезъ нихъ постепенно можно было распространять вліяніе латинства на цѣлую страну. Условія на какихъ папы привлекали къ союзу съ римскою Церковію другія Церкви, бывали также весьма различны. Одно главное требованіе, на которомъ всегда твердо стояла римская Церковь, состояло въ томъ, чтобы всякаядругая Церковь, вступающая въ союзъ

съ нею, непремѣнно признала верховный авторитетъ папы. За тѣмъ, если встрѣчались другія разномыслія Церковныя, разности въ догматахъ, обрядахъ и дисциплинѣ Церковной, римская Церковь дѣйствовала смотря по обстоятельствамъ. Иногда, когда это представлялось возможнымъ, папы настоятельно требовали отъ другихъ Церквей принятія латинства, т. е. принятія всѣхъ догматовъ, обрядовъ, Церковныхъ правилъ и (латинскаго) богослужебнаго языка римской Церкви. Въ большей части случаевъ, когда не представлялось возможности сразу олатынить извѣстную Церковь или страну, они довольствовались только такъ называемою уніею, т. е. требовали, чтобы въ извѣстной Церкви или странѣ признанъ былъ верховный авторитетъ папскій, и за тѣмъ всѣ остальные догматы, обряды и правила Церковныя могли оставаться до времени неприкосновенными, или нѣкоторые изъ нихъ были оставляемы неприкосновенными, а другіе уничтожались или приводимы были къ согласію съ римскою Церковію. Такая унія, впрочемъ, всегда допускалась папствомъ болѣе или менѣе неискренно, по необходимости, до времени, чтобы только привлечь какой нибудь народъ къ союзу съ римскою Церковію и незапугать его сразу слишкомъ строгими требованіями. Такая унія, по времени, должна была служить переходомъ къ чистому и полному латинству. Постепенно въ Церквахъ, принимающихъ унію, были уничтожаемы обрядъ за обрядомъ, догматъ за догматомъ, богослуженіе приводилось въ

бо̀льшее и больше согласіе съ латинскимъ и, наконецъ вполнѣ замѣняемо было латинскимъ, такъ что народъ нерѣдко совершенно забывалъ объ особенностяхъ своего прежняго Церковнаго быта и о томъ, на какихъ условіяхъ онъ первоначально согласенъ былъ вступить въ общеніе съ римскою Церковью. Чтобы достигнуть этого, папы нерѣдко намѣренно старались о томъ, чтобы народъ и низшее духовенство въ Церквахъ, принимающихъ унію, были невѣжественны, а на высшихъ церковныхъ мѣстахъ епископскихъ старались имѣть людей искусныхъ и вполнѣ преданныхъ имъ. Эти епископы, втайнѣ придерживаясь чистаго латинства, но не показывая этаго явно, старались вездѣ поставлять такихъ священниковъ, которые бы или были вполнѣ единомысленны съ ними, или по своему невѣжеству могли служить слѣпымъ орудіемъ ихъ замысловъ; съ такими священниками, при невѣжествѣ народа въ дѣлахъ вѣры, имъ удобно было, мало-по-малу, вводить въ народъ новыя молитвы и обряды, учреждать новые праздники въ честь латинскихъ святыхъ, перепечатывать богослужебныя книги съ измѣненіями въ пользу латинства и т. д. И такимъ образомъ случалось, что иной народъ, нѣкогда принадлежавшій къ православной Восточной Церкви, дѣлался латинствующимъ, самъ того не замѣчая и продолжая искренно считать свою вѣру древнею, православною, Восточною вѣрою. Искоренивъ въ извѣстной странѣ прежніе обряды и утвердивъ въ ней латинство, папскіе

агенты старались истреблять въ ней и всѣ историческіе памятники, напоминающіе о томъ, что страна эта нѣкогда не принадлежала латинству.

При такой широкой свободѣ и разнообразныхъ средствахъ пропаганды, владѣя въ средніе вѣка большимъ политическимъ могуществомъ и пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ, политическими невзгодами православныхъ Восточныхъ странъ греческихъ и славянскихъ, римская Церковь въ различныя времена успѣла оторвать отъ православной Восточной Церкви въ унію или латинство цѣлыя племена и страны, цѣлые милліоны бывшихъ сыновъ православія. Въ другихъ православныхъ племенахъ и странахъ она производила великія смуты, сопровождавшіяся тяжелыми бѣдствіями для цѣлыхъ народовъ. Но при всемъ томъ римской Церкви никогда не удавалось совершенно поколебать и подчинить себѣ православную Восточную Церковь. Въ самыя тяжелыя времена своей исторической жизни, Восточная Церковь, охраняемая и руководимая Промысломъ Божіимъ, удерживая свою самостоятельность, оставалась вѣрною хранительницею древнихъ преданій и живою обличительницею неправды римской Церкви. И до настоящаго времени папство не оставляетъ своихъ прежнихъ притязаній на Восточную Церковь. Но въ послѣднія времена, при ослабленіи самаго папства и болѣе твердомъ, сравнительно съ прежними временами, политическомъ положеніи православнаго Востока, папству все менѣе и менѣе

остается надежда достигнуть своей цѣли подчиненія православнаго Востока. Таковъ общій характеръ отношеній римской Церкви къ православнымъ Восточнымъ Церквамъ, со времени ея отдѣленія отъ нихъ до позднѣйшихъ вѣковъ.

II.

ОТНОШЕНІЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ЦЕРКВАМЪ ВЪ XI И XII ВѢКАХЪ; ИСКОРЕНЕНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЮЖНО-ИТАЛІЙСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ; НАСИЛІЯ КРЕСТОНОСЦЕВЪ НА ВОСТОКѢ ВЪ АНТІОХІЙСКОМЪ И ІЕРУСАЛИМСКОМЪ ПАТРІАРШЕСТВАХЪ; СНОШЕНІЯ ПАПЪ СЪ ГРЕЧЕСКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ ДИНАСТІИ КОМНИНОВЪ.

Притязательныя стремленія папства, послѣ раздѣленія Церквей, прежде всего обращены были на тѣ изъ православныхъ греческихъ Церквей, которыя была ближе къ папскому господству. Въ южной Италіи (въ Апуліи, Калабріи и Сициліи) жили греки, признававшіе надъ собою власть византійскихъ Императоровъ долгое время и послѣ того, какъ Римъ и вся верхняя Италія отложились отъ нея. Въ церковномъ отношеніи Греко-Италійскія Церкви до VIII вѣка находились въ зависимости отъ папы. Но когда папы во время смутъ иконоборческихъ при Львѣ исаврійскомъ отложились отъ Византій-

ской Имперіи, Императоры греческіе перечислили Южно-Италійскія Церкви въ округъ константинопольскихъ патріарховъ. Въ то время какъ римская Церковь начала уже значительно отступать отъ древнихъ преданій, въ Церквахъ южной Италіи строго держались греческіе обряды, и совершалось богослуженіе на греческомъ языкѣ. Папамъ, конечно, это было непріятно, и они старались распространить свое вліяніе въ Южно-Италійскихъ Церквахъ. Въ X и въ XI вѣкахъ власть византійскихъ Императоровъ въ южной Италіи стала слабѣть; вмѣстѣ съ тѣмъ стало болѣе и болѣе усиливаться здѣсь вліяніе латинства. Въ половинѣ XI-го вѣка въ южной Италіи и Сициліи утвердились Норманны. Норманнскіе князья на первыхъ порахъ находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ папами, но потомъ (со временъ папъ Николая II-го и Григорія VII) сдѣлались самыми вѣрными союзниками и даже ленниками римской Церкви. Въ это время папамъ стало удобно отторгнуть Южно-Италійскія Церкви отъ союза съ Православно-Восточными Церквами. Въ 1098 году папа Урбанъ II-й самъ путешествовалъ въ южную Италію и здѣсь держалъ Соборъ въ городѣ Бари, съ цѣлію убѣдить южно-италійскихъ грековъ въ правильности римскаго ученія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына. Главнымъ образомъ ораторствовалъ здѣсь въ пользу латинскаго догмата, знаменитый въ то время западный богословъ Ансельмъ, архіепископъ кентербюрійскій, составившій послѣ Со-

бора и собственное сочиненіе объ этомъ предметѣ. Въ заключеніе Собора положено было проклятіе на всѣхъ непріемлющихъ римскаго ученія о Духѣ Святомъ. Греки южной Италіи еще долго и послѣ того не хотѣли оставить своихъ древнихъ догматовъ и обрядовъ, и ввести въ свои храмы богослуженіе на латинскомъ языкѣ. Особенно твердо держалось греческое богослуженіе въ южно-италійскихъ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ держались греческіе обряды даже до XVI вѣка. Но отторгнутые отъ живой связи съ Восточными Церквами и стѣсненныя со всѣхъ сторонъ вліяніемъ латинства, Южно-Италійскія Церкви должны были наконецъ принять латинское исповѣданіе и богослуженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала упадать здѣсь и греческая народность. Греческіе поселенцы южной Италіи, принявши латинство, постепенно слились съ другими итальянцами, и въ настоящее время въ этихъ, нѣкогда православныхъ греческихъ странахъ, не осталось слѣдовъ православія и греческой народности.

Въ концѣ XI вѣка начались, въ XII и въ XIII вѣкахъ продолжались такъ называемые крестовые походы съ Запада на Востокъ. Эти крестовые походы и вообще много послужили возвышенію папъ на Западѣ, и, между прочимъ, содѣйствовали распространенію вліянія на Восточныя Церкви. Кре-

стовые походы предпринимались, какъ извѣстно, для освобожденія Святой Земли отъ невѣрной власти магометанъ — арабовъ и турокъ. Этой цѣли они не достигли; Іерусалимъ и другія Святыя мѣста, лишь на недолгое время завоеванные крестоносцами, опять остались и до сихъ поръ остаются въ рукахъ турокъ. Но восточнымъ христіанамъ крестоносцы принесли болѣе зла, чѣмъ туркамъ. Восточные христіане въ началѣ радовались возникшему на Западѣ движенію къ освобожденію Святой Земли, но скоро они должны были убѣдиться, что власть латинъ для нихъ еще болѣе тяжела, чѣмъ самое иго турокъ. Проходя въ Палестину черезъ Грецію, полчища крестоносцевъ, вопреки всякому международному праву и братскому христіанскому чувству, оскорбляли и грабили православныхъ грековъ. Это послужило первымъ поводомъ къ непріязни между крестоносцами и греками. Императоры византійскіе вступили въ мирные переговоры съ вождями крестоносцевъ; но вожди отказались отвѣчать за насильственныя дѣйствія безпорядочнаго войска. А духовенство латинское оправдывало грабежи крестоносцевъ тѣмъ, что крестоносцы, какъ воины Бога, имѣютъ право во всякой землѣ брать, что имъ нужно, потому что вся земля достояніе Божіе. Когда крестоносцы перебрались въ Азію, и стали утверждать свою власть въ городахъ Сиріи и Палестины, они всюду вмѣстѣ съ тѣмъ старались утверждать и господство папы. Въ Антіохіи и Іерусалимѣ, не обращая вниманія

на то, что эти города издревле имѣли своихъ равныхъ, по правамъ, римскому папѣ православныхъ патріарховъ, крестоносцы вновь поставили своихъ латинскихъ патріарховъ. А православные патріархи, которые даже во время магометанскаго владычества жили на своихъ каѳедрахъ, при владычествѣ крестоносцевъ должны были удалиться отъ нихъ и искать убѣжища и защиты у византійскихъ Императоровъ. Когда одинъ изъ византійскихъ государей, Іоаннъ Комнинъ, ходатайствовалъ предъ крестоносцами о томъ, чтобы въ Антіохіи позволено было жить православному патріарху, хотя совмѣстно съ латинскимъ патріархомъ, и хотѣлъ даже за большія деньги выкупить Антіохію у крестоносцевъ, папа Иннокентій II-й горячо протестовалъ противъ этого, какъ противъ святотатства и оскорбленія правъ римской Церкви. Подобнымъ образомъ и въ другихъ городахъ крестоносцы, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего владычества, поставляли латинскихъ епископовъ и митрополитовъ; монастыри наполняли латинскими монахами, а православныхъ монаховъ выгоняли изъ нихъ; древними памятниками православной святыни, св. мощами, особенно чтимыми иконами, разными драгоцѣнностями церковными, распоряжались какъ своею собственностію, и многія изъ нихъ отправляли на Западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. При этомъ даже незамѣтно было со стороны латинскаго духовенства, находившагося между крестоносцами, какихъ-либо стараній разум-

ными убѣжденіями, проповѣдью, располагать восточныхъ христіанъ къ принятію латинства. Они считали здѣсь утвержденіе латинства дѣломъ уже поконченнымъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ самой политической власти крестоносцевъ, и во имя этого требовали отъ восточныхъ христіанъ подчиненія себѣ, какъ бы они издавна были покорныя чада или подданные римской Церкви. Тамъ гдѣ, встрѣчалось неповиновеніе или сопротивленіе, они обращались къ мѣрамъ насильственнымъ. Особенно, много приходилось терпѣть отъ насильственной пропаганды латинства жителямъ острова Кипра, гдѣ крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, держалось владычество крестоносцевъ. Здѣсь латинское духовенство сожигало на кострахъ и распинало на крестахъ православныхъ христіанъ, не хотѣвшихъ отступить отъ своей вѣры. Разумѣется, подобными дѣйствіями латинское духовенство и вообще крестоносцы не только не внушали Восточнымъ христіанамъ расположенія къ римской Церкви и къ папѣ, напротивъ еще болѣе усиливали непріязнь между Церквами.

Захвативъ подъ свою власть православные Восточные патріархаты, Антіохійскій и Іерусалимскій, крестоносцы съ завистью обращали свои взоры на Константинополь, главную опору православія и Восточной Церкви. Тѣмъ не менѣе, прямо заявить какія либо притязанія на Константинополь въ началѣ не представлялось ни благовиднаго повода, ни возможности. Византійская имперія въ XII-мъ вѣкѣ

подъ управленіемъ умныхъ и мужественныхъ Императоровъ династій Комниновъ была довольно сильна. Императоры византійскіе старались, по возможности, воздерживаться отъ враждебныхъ столкновеній съ крестоносцами. По этому, не смотря на фанатическія воззванія нѣкоторыхъ латинскихъ епископовъ, которые еще въ половинѣ XII-го вѣка (во время II-го крестоваго похода при Людовикѣ VII-мъ) возбуждали крестоносцевъ овладѣть Константинополемъ—гнѣздомъ еретиковъ, долго не рѣшались обратить свое оружіе противъ Константинополя.

Папы въ началѣ надѣялись, что константинопольскіе греки, въ виду успѣшнаго распространенія латинскаго господства на Востокѣ, сами обратятся къ римской Церкви... Были нѣкоторыя частныя обстоятельства, усиливавшія въ папахъ эту надежду. У папъ въ XII-мъ вѣкѣ возникали не рѣдко столкновенія съ германскими Императорами (Генрихомъ V-мъ, Фридрихомъ Барбаруссой). Въ виду этихъ столкновеній, у нѣкоторыхъ папъ, въ то время уже считавшихъ себя полноправными раздавателями царскихъ вѣнцовъ и титуловъ, появлялась мысль совсѣмъ уничтожить на Западѣ императорскій титулъ (имъ же обязанный своимъ происхожденіемъ при Карлѣ Великомъ), и утвердить этотъ титулъ за однимъ византійскимъ Императоромъ въ тѣхъ видахъ, что византійскіе Императоры будутъ надѣжнѣе, чѣмъ германскіе, вѣрными союзниками папства и помогутъ ему подчинить

своей власти греческую Церковь. Подъ вліяніемъ этой мысли, между папами и византійскими Императорами неоднократно начинались переговоры объ императорскомъ титулѣ и соединеніи Церквей (у папъ Урбана II-го и Пасхалиса II-го съ императоромъ Алексѣемъ Комниномъ; у папъ Адріана IV-го и Александра III-го съ Эммануиломъ Комниномъ). Честолюбивые Комнины, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ прельщались честію имѣть за одною византійскою короною императорскій титулъ и на мѣсто упраздненной Германской имперіи, распространять свое вліяніе на самую Западную Европу, а можетъ быть только опасались чрезъ прямое несогласіе съ папами навлечь на имперію непріятность отъ крестоносцевъ; во всякомъ случаѣ считали нужнымъ поддерживать добрыя отношенія съ папами, и даже ласкать ихъ надеждою на соединеніе Церквей. Въ сущности Комнины, сами близко входившіе въ церковные интересы своего народа, вовсе не имѣли намѣренія уступить папѣ самостоятельность греческой Церкви, но по наружности они старались выказывать большое расположеніе къ нему, писали льстивыя письма папамъ, посылали богатые вклады въ римскую Церковь и въ извѣстные Западные монастыри Клюньи и Монте-Кассино, позволяли въ своихъ владѣніяхъ строить латинскіе храмы и монастыри, возбуждали между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разсужденія о мѣрахъ къ соединенію Церквей. При дворѣ византійскихъ

Императоровъ устроились публичныя совѣщанія объ этомъ предметѣ между папскими посланниками и учеными греческими богословами; (изъ нихъ въ особенности извѣстны диспуты миланскаго архіепископа Хризолана съ Евстратіемъ, митрополитомъ никейскимъ при Алексіѣ Комнинѣ, и кавельберскаго епископа Ансельма съ Никитою, никомидійскимъ, при Іоаннѣ Комнинѣ). Папы присылали также посланія къ греческимъ епископамъ, въ которыхъ приглашали ихъ соединиться съ римскою Церковью, сравнивая греческую Церковь съ погибшею овцою и потерянною драхмою, а себя съ любвеобильнымъ евангельскимъ пастыремъ, заботящимся о спасеніи каждой погибающей овцы. Епископы и богословы греческіе, не желая, вопреки видамъ своего правительства, раздражать папъ прямымъ противорѣчіемъ, давали папамъ и ихъ посланникамъ вѣжливые отвѣты на всѣ приглашенія и увѣщанія, но тѣмъ не менѣе старались объяснить имъ, что такое великое дѣло, какъ соединеніе Церквей, не можетъ совершится иначе, какъ послѣ безпристрастнаго изслѣдованія причинъ разрыва на Вселенскомъ Соборѣ, и только тогда, когда папы откажутся отъ своихъ деспотическихъ притязаній къ порабощенію всѣхъ Церквей, перестанутъ считать греческую Церковь заблудшею овцою и потерянною драхмою, и когда римская Церковь оставитъ свои отступленія отъ древнихъ православныхъ преданій (извѣстны въ таковомъ духѣ

отвѣты Никиты Никодимійскаго и Василія Θессалонитскаго на приглашенія къ соединенію).

Въ большинствѣ народа и духовенства греческаго не было никакого расположенія къ соединенію съ римскою Церковью; напротивъ, въ виду насилій производимыхъ крестоносцами на Востокѣ, усиливалась все болѣе и болѣе непріязнь къ латинству. Крестоносцы нерѣдко сами жаловались папѣ, что греки ихъ почти не считаютъ за христіанъ. Такое настроеніе противъ латинства поддерживали въ народѣ и многіе высшіе пастыри греческой Церкви и ученые греческіе богословы. Въ полемическихъ сочиненіяхъ того времени, касавшихся латинства, выказывалось уже гораздо болѣе непріязненное отношеніе къ нему, нежели въ предшествовавшіе вѣка. Патріархи константинопольскіе Михаилъ Анхіалъ, Никита Муитанъ, александрійскій патріархъ ученый Θеодоръ Вальсамонъ, прямо называли латинянъ злѣйшими еретиками. Подъ вліяніемъ раздраженнаго національнаго и религіознаго чувства у грековъ уже къ концу XII-го вѣка появился такой обычай, который служилъ крайнимъ выраженіемъ непріязни къ латинству,—обычай перекрещивать латинянъ при обращеніи въ православіе. Обычай этотъ не могъ быть оправданъ согласіемъ съ древними церковными правилами, но онъ естественно объясняется тѣми отношеніями, въ какія поставило себя къ Восточнымъ Церквамъ латинство своими притязаніями и насиліями. Въ послѣдующіе вѣка обычай этотъ-то былъ отмѣня-

емъ въ греческихъ Церквахъ, то опять возобновлялся, по мѣрѣ того, насколько ослабѣвало или опять усиливалось религіозное и національное раздраженіе грековъ противъ латинцевъ, возбуждаемое несправедливыми и насильственными дѣйствіями послѣднихъ.

Въ народѣ греческомъ были недовольны и тѣми двусмысленно—тонкими отношеніями къ Риму, въ какихъ держало себя правительство византійское къ политическимъ расчетамъ. Это недовольство, въ особенности, усилилось въ послѣдніе годы правленія Императора Еммануила Комнина, который, вступилъ въ бракъ съ дочерью антіохійскаго вождя крестоносцевъ Райнальда, Маріею, ласкалъ латинцевъ при своемъ Дворѣ, давалъ имъ большія привиллегіи въ торговлѣ, право строить свои церкви и монастыри въ его владѣніяхъ, въ слѣдствіе чего очень много латинцевъ поселилось въ Константинополѣ. Когда Императоръ Еммануилъ умеръ, и правительницею государства, за малолѣдствомъ наслѣдника престола, сдѣлалась вдова его латинянка Марія, народъ взбунтовался. На престолъ былъ возведенъ двоюродный братъ умершаго государя, Андроникъ Комнинъ, состоявшій подъ опалою у прежняго государя, заклятый врагъ латинянъ. Возбужденные имъ, греки разграбили и сожгли въ Константинополѣ весь латинскій кварталъ, избили множество латинянъ, и, между прочимъ, папскаго легата, кардинала Іоанна, жившаго въ Константинополѣ для переговоровъ о соединеніи Цер-

квей; другихъ латинянъ схватили и продали въ рабство, самыя Церкви и больницы ихъ разграбили и разрушили. Это было въ 1180-мъ году. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1185-мъ году, крестоносцы отплатили грекамъ еще большими неистовствами и жестокостями, овладѣвъ греческимъ городомъ Ѳессалоникою.

До такихъ крайностей развилась вражда между греческимъ и латинскимъ христіанствомъ въ XII-мъ вѣкѣ. Непріязнь эта сдѣлалась теперь уже не религіозною только, но и глубокою національною враждою; вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе, утвердившееся между Церквами, сдѣлалось еще болѣе крѣпко и глубоко

III.

ВЛАДЫЧЕСТВО ЛАТИНЯНЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ ВЪ XIII ВѢКѢ; СНОШЕНІЯ ПАПЪ СЪ НИКЕЙСКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ

Въ концѣ XII вѣка (1195 г.) въ Византійской Имперіи произошелъ переворотъ. Императорская династія Комниновъ, въ слѣдствіе крайняго деспотизма и невыносимыхъ жестокостей послѣдняго изъ нихъ, Андроника Комнина, была низвергнута. На престолъ взошла новая династія Императоровъ Ангеловъ. Византійская имперія въ самые первые годы управленія новой династіи начала показывать приз-

наки разслабленія. Между разнородными племенами, входившими въ составъ ея, возникали частыя возмущенія. На окрайнахъ имперіи (въ Болгаріи, Эпирѣ) образовались новыя самостоятельныя государства. Въ самомъ семействѣ новой царской династіи открылись междуусобія. Императоръ Исаакъ Ангелъ (1201 г.) былъ низвергнутъ съ престола, ослѣпленъ и посаженъ въ тюрьму братомъ своимъ, который вступилъ на престолъ подъ именемъ Алексѣя III-го. Теперь открылись западному властолюбію возможность и поводъ осуществить свои притязанія на Константинополь.

Сынъ низверженнаго Императора Исаака, царевичъ Алексѣй, скитался по Европѣ, и просилъ западныхъ государей помочь ему возвратить престолъ, отнятый дядею. Просьбы его вначалѣ не имѣли успѣха. Наконецъ, крестоносцы, съ благословенія папы Иннокентія III-го, вновь собиравшіе свои дружины въ Венеціи для похода въ Св. Землю, согласились помочь ему. Царевичъ Алексѣй обѣщалъ имъ за это уплатить огромную сумму денегъ (200,000 марокъ серебра), подкрѣпить ихъ для похода въ Палестину десятитысячнымъ войскомъ, доставлять имъ туда въ продолженіи года съѣстные припасы, и, наконецъ, даже способствовать подчиненію греческой Церкви римскому папѣ. Крестоносцы, обольщенные такими обѣщаніями, отправились съ царевичемъ Алексѣемъ; и въ іюлѣ 1203 года обложили осадою Константинополь—Императоръ Алексѣй III бѣжалъ изъ столицы. Кон-

стантинопольскіе греки явились къ крестоносцамъ съ мирными предложеніями, вывели изъ тюрьмы слѣпаго Исаака Ангела, и, вновь возвели его на престолъ, вмѣстѣ съ сыномъ Алексѣемъ IV-мъ. Теперь Алексѣю IV-му пришло время расплачиваться съ крестоносцами. Во всей казнѣ константинопольской не могло найтись столько денегъ, сколько онъ имъ обѣщалъ. Назначены были усиленные налоги, и самъ Алексѣй IV отправился по провинціямъ собирать деньги для крестоносцевъ. Для пополненія казны, онъ рѣшился коснуться церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, сталъ обращать въ деньги церковныя драгоцѣнности. Это возбудило въ народѣ большое волненіе. Крестоносцы настойчиво требовали денегъ, и считая себя благодѣтелями Императора, небрежно и враждебно относились къ грекамъ, оскорбляли ихъ, грабили и жгли селенія и монастыри въ окрестностяхъ Константинополя. Между греками сдѣлалось извѣстнымъ и то, что царевичъ Алексѣй обѣщалъ предать греческую Церковь латинамъ и уже началъ склонять патріарха Іоанна Каматира къ подчиненію папѣ. Греки, выведенные изъ терпѣнія, убили Алексѣя IV-го; отецъ его Исаакъ умеръ съ горя и испуга; на престолъ возведенъ былъ одинъ изъ предводителей возмущенія Алексѣй V Мурцуфлъ, ожесточенный врагъ Латинянъ.

Крестоносцы рѣшились жестоко отмстить грекамъ за такое своеволіе. Константинополь вновь былъ осажденъ, и не смотря на отчаянное сопро-

тивленіе грековъ, взятъ латинянами 13-го апрѣля 1204 года. Императоръ и патріархъ константинопольскіе бѣжали изъ города. При взятіи Константинополя крестоносцы ознаменовали себя такими неистовствами и жестокостями, до какихъ рѣдко доходили самые варварскіе народы, самые заклятые враги христіанства—магометане, при завоеваніи христіанскихъ городовъ. Греки безъ всякаго состраданія были избиваемы, даже и тѣ, которые сами покорно отдавались во власть крестоносцевъ. Не было пощады ни званію, ни полу, ни возрасту; благородныя женщины, дѣвы, монахини подвергались безчестію; имущества константинопольскихъ гражданъ были разграблены; изъ церквей константинопольскихъ однѣ были обращены въ складочное мѣсто для награбленныхъ имуществъ, а другія сдѣлались мѣстомъ для буйныхъ оргій крестоноснаго воинства. Въ самомъ Софійскомъ Соборѣ крестоносцы пировали и кощунствовали съ развратными женщинами, плясали въ священныхъ одеждахъ, пили вино изъ священныхъ сосудовъ, ругались надъ святыми тайнами. Священники и монахи латинскіе расхищали изъ греческихъ церквей драгоцѣнныя иконы, Св. мощи и другіе предметы благовѣйнаго почитанія грековъ, отнимали и перекрадывали ихъ другъ у друга и пересылали на Западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. Въ это время перевезены были въ Римъ мощи Св. апостола Андрея (по преданію основателя византійской Церкви), древнихъ великихъ іерарховъ и

учителей Константинопольскихъ: Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Милостиваго и другихъ святыхъ, часть Креста Господня, ризы Божіей Матери и другіе священные предметы. Точно также были разграблены, или совсѣмъ разрушаемы крестоносцами памятники наукъ и искуствъ, которыхъ много было въ Константинополѣ: древніе рукописи, дорогія книги, художественныя изваянія, статуи, и т. под.

Разграбивши столицу Греческой имперіи, крестоносцы избрали одного изъ своихъ вождей Балдуина, графа Фландрскаго, Императоромъ Константинопольскимъ; венеціанскаго каноника Ѳому Мозорини патріархомъ, и послали папѣ донесенія о своихъ успѣхахъ съ богатыми подарками, прося его принять подъ свое покровительство новую державу и прислать на Востокъ новыя дружины, а также побольше священниковъ, монаховъ, ученыхъ богослововъ, церковныхъ книгъ для утвержденія въ Греціи политическаго и духовнаго господства латинства. Иннокентій III хотѣлъ показать видъ, что онъ очень недоволенъ крестоносцами за то, что они забыли о главной священной цѣли своего предпріятія, и вмѣсто Іерусалима, находящагося въ рукахъ турокъ, завоевали Константинополь, имѣвшій свое христіанское правительство. Онъ строго укорялъ ихъ за тѣ неистовства и насилія, какія они дозволяли себѣ при завоеваніи Константинополя, главнымъ образомъ изъ опасенія, что эти неистовства и насилія могутъ повредить латинству

въ глазахъ грековъ. Впрочемъ папа здѣсь же успокоивалъ себя и крестоносцевъ тѣмъ, что можетъ быть самъ промыслъ Божій избралъ ихъ орудіями своей воли для того, чтобы наказать непокорныхъ грековъ за ихъ упрямство и привести ихъ въ послушаніе апостольскому престолу. Поэтому, благословляя успѣхи крестоносцевъ и утверждая избранныхъ ими Императора и патріарха, папа внушалъ крестоносцамъ, что они должны твердо держать пріобрѣтенныя ими по волѣ Божіей владѣнія, и епископамъ латинскимъ, находящимся въ Константинополѣ писалъ, чтобъ они немедленно заняли греческія Церкви и вводили вездѣ латинскіе обряды.

Утвердивъ свою власть въ Константинополѣ, крестоносцы отправились завоевывать провинціи греческой имперіи. Здѣсь также они вездѣ производили насилія и грабежи, также предавались святотатству и кощунству; въ Ѳессалоникахъ, напримѣръ, нагло ругались надъ мощами Св. Димитрія Солунскаго. Покоренные греки были обращены въ рабство. Имперія, подъ верховною властію находившагося въ Константинополѣ Императора, была раздѣлена на множество большихъ и мелкихъ ленныхъ владѣній, подъ управленіемъ различныхъ князей, графовъ, барововъ и т. д. Въ церковномъ отношеніи въ Греціи учреждено 32 латинскихъ митрополіи и около 100 епископствъ. Православные епископы были прогнаны съ своихъ мѣстъ, и, въ случаѣ неповиновенія, подвергались тяжкимъ преслѣдованіямъ.

Съ покореніемъ Византійской имперіи латинскому господству, сокрушенъ былъ главный центръ православія на Востокѣ. Восточные патріархи: антіохійскій, іерусалимскій, александрійскій давно уже находились подъ чужимъ игомъ. Южныя славянскія государства, Болгарія и Сербія, только что начали укрѣпляться. Западные славяне далматскіе и хорватскіе сербы, моравцы, чехи, всѣ уже болѣе или менѣе находились подъ политическимъ вліяніемъ латинскаго міра и духовнымъ господствомъ папства. На Сѣверъ славянскій—православную Россію надвигалась страшная гроза—нашествіе монголовъ. Папство же находилось тогда именно на самой вершинѣ своего политическаго могущества и духовнаго вліянія. Папою былъ Иннокентій III, даровитѣйшій и вліятельнѣйшій человѣкъ своего времени, который, по произволу распоряжался царскими коронами во всей Западной Европѣ, и имѣлъ подъ своимъ вліяніемъ многочисленнѣйшее духовное и мірское воинство — монаховъ и рыцарей, готовыхъ всевозможными средствами утверждать власть папства вездѣ, гдѣ только имъ было бы указано. Время было самое благопріятное для утвержденія власти папской надъ Восточными Церквами. И папа Иннокентій III вполнѣ надѣялся на это. Онъ торжественно провозглашалъ, что теперь-то Самарія (такъ называлъ онъ греческую Церковь) обратилась къ Господу (т. е. подчинилась папѣ), и имя Господне будетъ согласно призываться въ Данѣ и Виѳилѣ (въ Римѣ и Константино-

полѣ). Посылая легата за легатомъ для устроенія латинской Церкви въ Греціи, папа Иннокентій разсылалъ миссіонеровъ и во всѣ православныя славянскія страны, писалъ письма къ государямъ сербскимъ и болгарскимъ, и князьямъ русскимъ, и всѣхъ приглашалъ послѣдовать примѣру матери Восточныхъ Церквей, константинопольской Церкви, въ покорномъ подданствѣ которой онъ уже не сомнѣвался.

Надежды папскія, однакожъ, не оправдались. Скоро папа сталъ получать извѣстія отъ своихъ епископовъ и самихъ Императоровъ константинопольскихъ, что греки вовсе не думаютъ подчиняться римской Церкви; напротивъ, высказываютъ свое крайнее озлобленіе противъ латинства, что они считаютъ только законными пастырями своихъ греческихъ священниковъ и епископовъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые подвергаются преслѣдованіямъ отъ латинскаго духовенства, ублажаютъ, какъ мучениковъ, что греки считаютъ осквернеными самые храмы, въ которыхъ совершается латинская служба, вымываютъ и выскребаютъ престолы, на которыхъ совершается безкровная жертва латинскими священниками, перекрещиваютъ латинцевъ, обращающихся къ греческой Церкви, и даже (по выраженію Императора Балдуина) считаютъ латинянъ не за людей, а хуже собакъ, и не считаютъ за грѣхъ убивать ихъ, гдѣ только представится случай. Неоднократно были употребляемы насильственныя мѣры для приведенія грековъ къ покорности; но

эти мѣры возбуждали большее озлобленіе въ грекахъ. Въ 1213 году при Генрихѣ II-мъ, латинскомъ Императорѣ въ Константинополѣ, папскій легатъ Пелагій закрылъ всѣ Православныя Церкви; окончательно объявилъ греческое богослуженіе запрещеннымъ; священниковъ греческихъ разсадилъ по тюрьмамъ, морилъ голодомъ, предавалъ пыткамъ. Греки возмутились и прямо объявили Императору, чтобы онъ, господствуя надъ ихъ тѣлами, не позволялъ никому касаться ихъ души и совѣсти, не принуждалъ ихъ оставлять вѣру предковъ; иначе всѣ они должны будутъ бѣжать изъ его владѣній. Папскій легатъ долженъ былъ удалиться изъ Константинополя, и впослѣдствіи ознаменовалъ себя новыми неистовствами на островѣ Кипрѣ.

Папа Иннокентій увидѣлъ необходимость, оставивъ преждевременныя надежды, обратить болѣе серьезное вниманіе на положеніе Восточныхъ Церквей, и принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ утвержденію своего вліянія въ нихъ. Въ 1215 году созванъ былъ имъ IV-й Лютеранскій Соборъ (по счету латинянъ XII-й Вселенскій), въ присутствіи четырехъ латинскихъ патріарховъ, многихъ епископовъ и свѣтскихъ пословъ латинскаго константинопольскаго Императора. На этомъ Соборѣ, въ виду положенія дѣлъ на Востокѣ, въ виду приверженности Восточныхъ христіанъ къ своему народному богослуженію и древнимъ обрядамъ, и предубѣжденій противъ латинства, принято было измѣ-

нить систему латинской пропаганды въ православныхъ странахъ, дѣйствовать вмѣсто принужденія и насилія мѣрами послабленія и хитрости, допускать возможныя уступки Восточнымъ христіанамъ (въ греческихъ и славянскихъ странахъ), оставлять имъ ихъ богослуженіе на народномъ языкѣ и ихъ древніе обряды неприкосновенными, и лишь постепенно вводить у нихъ полное подданство папѣ и латинскія нововведенія. Эта новая система, положившая начало такъ называемой уніятской пропагандѣ, по времени принесла много плодовъ римской Церкви, преимущественно въ славянскихъ странахъ; но между греками въ то время она имѣла мало успѣха: никакія уступки, ласки и обѣщанія не могли примирить грековъ съ латинствомъ въ виду того насилія, какое представлялось имъ въ самомъ фактѣ владычества латинянъ въ Константинополѣ.

Постоянная непріязнь, питаемая порабощенными греками къ имъ поработителямъ, не могла обѣщать прочности и самому политическому государству латинянъ на Востокѣ. Лишь въ первое десятилѣтіе своего существованія латинская константинопольская имперія казалась довольно сильною. Далѣе, обезпокоиваемая частыми возмущеніями и постояннымъ непріязненнымъ настроеніемъ покоренныхъ грековъ, ослабляемая большими переселеніями ихъ въ другія страны подъ покровительство православныхъ государей, часто тревожимая нападеніями сосѣднихъ государствъ, латинская кон-

стантинопольская имперія стала быстро клониться къ упадку. Только присылка новыхъ военныхъ дружинъ и большихъ денежныхъ вспомоществованій съ Запада могла на нѣсколько десятковъ лѣтъ поддержать существованіе ея. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ латинской константинопольской имперіи, падала и латинская Церковь въ Греціи. Чрезъ какіе нибудь десятка два лѣтъ во всей Греціи, вмѣсто предложенныхъ ста слишкомъ латинскихъ епископовъ, могли остаться только три прелата и самъ латинскій патріархъ константинопольскій съ своимъ дворомъ содержался на вспомоществованіи папы.

По мѣрѣ ослабленія латинской Константинопольской Имперіи, въ сосѣдствѣ съ нею усиливались независимыя греческія владѣнія. Крестоносцы при завоеваніи византійской Имперіи успѣли подчинить себѣ не всѣхъ грековъ. Еще до утвержденія крестоносцевъ въ Константинополѣ, двумя братьями изъ фамиліи Ангеловъ, Михаиломъ и Ѳеодоромъ, было основано независимое отъ Византіи государство въ Епирѣ. По завоеваніи Константинополя латинянами, образовались два независимыя греческія владѣнія въ Малой Азіи, въ Трапезунтѣ, подъ управленіемъ двухъ братьевъ Комниновъ, Алексѣя и Давида, и въ Никеѣ подъ предводительствомъ Ѳеодора Ласкариса, зятя Императора Алексѣя III-го. Владѣтели всѣхъ трехъ государствъ заявляли притязанія считаться какъ бы преемниками власти византійскихъ Императоровъ, и усвояли себѣ Им-

нераторскій титулъ. Но по времени всего болѣе возвысились изъ нихъ Никейскіе государи (Θеодоръ-Ласкарисъ I-й, его зять Іоаннъ-Дука-Ватаци, Θеодоръ-Ласкарисъ II-й). Въ Никеѣ поселились и православные патріархи греческіе, удалившіеся изъ Константинополя. Они своимъ авторитетомъ усиливали власть Никейскихъ государей, и короновали ихъ вѣнцомъ древнихъ Императоровъ византійскихъ. Греки смотрѣли на Ласкарисовъ, какъ на законныхъ преемниковъ прежнихъ своихъ Императоровъ Комниновъ и Ангеловъ, и какъ будущихъ освободителей всей Греческой имперіи отъ власти латинянъ. Государи никейскіе своими умными и удачными дѣйствіями поддерживали въ грекахъ эту надежду. Маленькое Никейское государство, въ началѣ заключавшееся только въ стѣнахъ одного города, расширялось болѣе и болѣе пріобрѣтеніемъ новыхъ городовъ и областей. Множество византійскихъ грековъ, тяготившихся владычествомъ латинцевъ, переселялось во владѣнія Никейскихъ государей. Прочіе греки, оставшіеся подъ латинскимъ господствомъ, готовы были встрѣтить ихъ въ Константинополѣ, какъ своихъ освободителей и законныхъ государей. Никейскіе государи вначалѣ вели себя очень осторожно, старались не раздражать крестоносцевъ, но потомъ, по мѣрѣ расширенія своихъ владѣній и ослабленія латинской имперіи, сами стали обнаруживать свои планы на освобожденіе Константинополя.

Латиняне и папы не могли оставить въ покоѣ

это независимое греческое государство. Въ началѣ они относились къ нему въ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ. Папа Инокентій III писалъ къ Ѳеодору-Ласкарису I-му, чтобы онъ не усвоялъ себѣ незаконныхъ притязаній и подчинился въ политическомъ отношеніи своему законному государю, латинскому константинопольскому императору, и въ духовныхъ дѣлахъ латинскому константинопольскому патріарху. Но потомъ, когда Никейское государство значительно уже укрѣпилось, а латинская имперія въ Константинополѣ ослабѣла, папы измѣнили свои отношенія къ Никейскимъ государямъ и стали склонять ихъ къ союзу съ римскою Церковью уже не тономъ власти и угрозы, а мягкими увѣщаніями и обѣщаніями, какъ прежнихъ греческихъ Императоровъ Комниновъ. Никейскіе государи, неувѣренные въ твердости своего положенія, и знавшіе, что папы хлопочутъ на Западѣ о возбужденіи новыхъ крестовыхъ походовъ на Востокъ, старались до времени не раздражать папъ, и, подобно прежнимъ византійскимъ Императорамъ, ласкали ихъ надеждами на соединеніе Церквей. Неоднократно по этому случаю возникали сношенія между Римомъ и Никеею. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ сношеній были въ 1232-мъ году при папѣ Григоріѣ IX-мъ и Императорѣ Никейскомъ Дукѣ-Ватацисѣ. Императоръ поручилъ вести эти сношенія Никейскому патріарху Герману. Патріархъ Германъ писалъ письма къ папѣ и кардиналамъ. Въ самой Никеѣ были открытыя совѣща-

нія между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ. Греки высказывали латинянамъ, что они согласны были бы соединиться съ римскою Церковью, если-бы не страшились тѣхъ тяжелыхъ притязаній и насилій, какими латинская Церковь вездѣ обремѣняетъ покоряющихся ей, что для соединенія Церквей необходимо устраненіе разногласій въ догматахъ вѣры и безпристрастное обсужденіе дѣла на Вселенскомъ Соборѣ. Между тѣмъ во время самыхъ переговоровъ съ латинянами патріархъ Германъ разсылалъ посланія къ Грекамъ, находящимся подъ властію крестоносцевъ, на островѣ Кипрѣ, въ которыхъ убѣждалъ ихъ твердо стоять противъ угнетавшей ихъ силы латинства и не принимать никакихъ латинскихъ нововведеній. Переговоры эти, подобно всѣмъ прежнимъ, не привели ни къ чему; можетъ быть только помогли Никейскому императору отклонить отъ своего государства опасность, угрожавшую съ Запада отъ крестоваго похода, созываемаго папою Григоріемъ. Въ послѣдствіи папы Иннокентій IV и Александръ IV старались возобновить переговоры о соединеніи Церквей, но еще съ меньшимъ успѣхомъ. Государи Никейскіе, по мѣрѣ усиленія своего, не считали нужнымъ, даже и по наружности, поддерживать въ папахъ надежду на присоединеніе греческой Церкви.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIII-го столѣтія латинская имперія въ Константинополѣ дошла до послѣдней степени своего ослабленія. Послѣдній

Императоръ константинопольскій изъ латинянъ Балдуинъ II-й сколько ни ѣздилъ по Западнымъ землямъ, сколько ни просилъ Западныхъ государей поддерживать войсками и деньгами падавшую имперію, не имѣлъ никакого успѣха. Никейскіе государи могли наконецъ осуществить свою мысль объ освобожденіи столицы Св. Константина изъ подъ власти пришельцевъ. Этою честью пришлось воспользоваться Императору Михаилу VIII-му, Палеологу, который открылъ собою рядъ новой и послѣдней царственной византійской династіи Палеологовъ (онъ остался послѣ Ѳеодора-Ласкариса II-го опекуномъ его сына Іоанна, и, пользуясь расположеніемъ войска, сначала объявилъ себя соправителемъ несовершеннолѣтняго наслѣдника престола, потомъ и совсѣмъ устранилъ и ослѣпилъ его). 25-го іюня 1261 года Михаилъ Палеологъ послалъ небольшой отрядъ греческаго войска къ Константинополю. Константинопольскіе греки сами отворили ему ворота города. Императоръ Балдуинъ, латинскій патріархъ и прочіе латинцы, оставшіеся въ городѣ, бѣжали изъ него. 15-го августа 1261 г., въ день Успенія Божіей Матери, которую греки всегда почитали покровительницею своего царствующаго града, Императоръ Михаилъ Палеологъ торжественно съ крестнымъ ходомъ вступилъ въ Константинополь и возстановилъ здѣсь тронъ православныхъ греческихъ Императоровъ.

На Западѣ долго еще не могли отказаться отъ мысли владѣть Константинополемъ. Императоръ

Балдуинъ долго скитался и просилъ помощи при дворахъ Западныхъ государей къ возвращенію утраченнаго владѣнія. Папы Урбанъ IV и Климентъ IV дѣлали воззванія къ приготовленію новыхъ крестовыхъ походовъ на Востокъ. Но между западными владѣтелями, послѣ нѣсколькихъ неудавшихся опытовъ къ утвержденію латинскаго вліянія на Востокѣ, уже не много было охотниковъ вновь тратить на это свои войска и деньги; въ самомъ народѣ охладѣлъ энтузіазмъ къ крестовымъ походамъ. Потомки Балдуина II-го еще около столѣтія (до 1383 года) продолжали титуловаться Императорами константинопольскими, но безъ тѣни власти на Востокѣ. А латинскихъ патріарховъ для Константинополя папы продолжаютъ избирать и до настоящаго времени, также и для Антіохіи, Іерусалима и Александріи. Эти патріархи живутъ въ Римѣ, въ числѣ почетныхъ сановниковъ папскаго двора. Въ титулахъ ихъ папы какъ бы находятъ утѣшеніе номинально властвовать надъ Восточными Церквами, вмѣсто дѣйствительнаго преобладанія въ нихъ, котораго въ Римѣ тщетно добивались въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

IV.

ЛЮНСКАЯ УНІЯ.

Латинское владычество въ Константинополѣ довело до крайней степени непріязнь грековъ противъ Рима и папства. Память о немъ на долгое время глубоко оставалась въ душахъ грековъ. Трудно было послѣ этого ожидать, чтобы греческая Церковь, отстоявшая свою самостоятельность отъ притязаній латинства подъ властію крестоносцевъ, добровольно подчинилась папѣ, находясь подъ покровительствомъ своихъ православныхъ государей. Между тѣмъ, однакожъ, почти вслѣдъ за уничтоженіемъ латинской имперіи въ Константинополѣ, папамъ удалось на нѣкоторое время польстить себѣ надеждою на осуществленіе своихъ притязаній въ Восточной Церкви. Со стороны самаго правительства византійскаго сдѣлана была довольно рѣшительная попытка присоединить греческую Церковь къ римской. Правда, попытка эта въ сущности была дѣломъ личнаго произвола и придворной интриги; она предпринята была чисто по политическимъ расчетамъ, и отъ начала до конца ведена была неискренно, мѣрами обмана и насилія; потому она не нашла сочувствія въ греческомъ духовенствѣ и народѣ, и не имѣла никакого успѣха, никакого серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе на нѣкоторое время она сильно заинтересовала папство, и папство до настоящаго времени любитъ вспоми-

нать о ней съ пріятностью и придавать ей серьезное значеніе. Эта попытка извѣстна подъ именемъ Ліонской Уніи.

Императоръ Михаилъ Палеологъ, положившій конецъ латинскому владычеству въ Константинополѣ, опасался, какъ бы, въ слѣдствіе происковъ и просьбъ Балдуина II-го и воззваній папы Урбана IV-го не забрались новыя ополченія крестоносцевъ для завоеванія Константинополя. Въ самой Греціи было много недовольныхъ имъ за то, что онъ ослѣпилъ законнаго наслѣдника Ласкарисовъ, порученнаго его попеченію и самъ занялъ его престолъ. Благочестивый патріархъ Арсеній отлучилъ его отъ Церкви за это преступленіе. Императоръ низложилъ патріарха Арсенія и возвелъ на его мѣсто своего любимца и угодника Германа, адріонопольскаго епископа, котораго, впрочемъ, скоро долженъ былъ удалить въ слѣдствіе ропота народнаго; потомъ сдѣлалъ патріархомъ придворнаго духовника, слабохарактернаго Іосифа, который и разрѣшилъ его отъ наложеннаго запрещенія. Но это произвело большое смятеніе. Многочисленная партія приверженцевъ патріарха Арсенія не хотѣла подчиниться Іосифу и продолжала считать Императора отлученнымъ отъ Церкви. Эта партія производила большія волненія въ Церкви. Сильные вельможи, завидовавшіе возвышенію Михаила Палеолога, могли пользоваться этими смятеніями для политическихъ цѣлей... Чтобы обезопасить себя отъ нападеній съ Запада и упрочить свое положеніе

на константинопольскомъ престолѣ, Михаилъ Палеологъ вздумалъ укрѣпить себя союзомъ съ папствомъ, имѣвшимъ тогда еще сильное вліяніе на политическія дѣла Европы. Для этой цѣли онъ рѣшился вступить съ папами Урбаномъ IV, затѣмъ съ Климентомъ IV, въ сношенія о соединеніи Церквей, и, какъ человѣкъ настойчиваго, деспотическаго характера, готовъ былъ употребить всевозможныя мѣры для выполненія своего предпріятія. Папы въ началѣ не довѣряли Михаилу Палеологу, злобились на него за ниспроверженіе латинской имперіи и не хотѣли имѣть съ нимъ дѣла. Наконецъ, когда въ 1271-мъ году вступилъ на папскій престолъ Григорій X-й, самъ прежде жившій на Востокѣ, и пламенно мечтавшій объ утвержденіи тамъ римскаго господства, переговоры о соединеніи Церквей пошли дѣятельнѣе. Императоръ началъ подготовлять народъ и духовенство къ предполагаемому соединенію; но народъ и духовенство, за исключеніемъ немногихъ личностей, единомысленныхъ съ Императоромъ, льстившихъ ему, и обманчиво представлявшихъ себѣ дѣло Уніи, не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу римской Церкви. Императоръ дѣйствовалъ сначала просьбами и убѣжденіями, потомъ угрозами и насиліемъ: многіе епископы были сосланы въ ссылку; другіе посажены въ тюрьмы. Обманомъ, лестью и тюремнымъ заключеніемъ Императоръ успѣлъ склонить на свою сторону краснорѣчивѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ Константинопольскихъ духов-

ныхъ, Іоанна Векка, патріаршаго фартофилакса. Но и переходъ Векка на сторону Уніи не только не помогъ этому дѣлу, но напротивъ его самого лишилъ довѣрія и уваженія въ глазахъ духовенства и народа.

Между тѣмъ папа Григорій назначилъ въ Ліонѣ Соборъ въ 1274-мъ году (14-й Вселенскій по счету латинянъ). На этотъ Соборъ должны были прибыть посланные отъ греческаго Императора для заключенія условій о соединеніи Церквей. Императоръ приказалъ единомышленникамъ составить отъ имени греческой Церкви грамату, въ которой бы греческая Церковь обязывалась признать себя зависимою отъ римской Церкви, почитать папу первымъ епископомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, поминать имя его на службахъ Церковныхъ, и, въ случаѣ надобности, представлять на рѣшеніе папы важнѣйшія дѣла, возникающія въ греческой Церкви, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Символъ вѣры, всѣ догматы и обряды греческой Церкви оставались неприкосновенными при соединеніи съ римскою Церковью. Къ этой граматѣ успѣли набрать незначительное число епископскихъ подписей; за большую часть греческихъ епископовъ, несогласившихся на Унію, поддѣланы были рукою императорскаго писца фальшивыя подписи, и съ этою граматою послали въ Ліонъ, для заключенія мира Церковнаго, отставленнаго отъ должности и нелюбимаго въ народѣ за угодничество Императору патріарха Германа съ нѣсколькими лицами изъ

Константинопольскаго клира и придворными свѣтскими чиновниками; а патріарха Іосифа, въ то время занимавшаго Константинопольскій престолъ и несоглашавшагося на Унію, принудили удалиться въ монастырь. Посланные Михаила Палеолога съ богатыми подарками папѣ прибыли въ Ліонъ, и здѣсь безъ всякихъ разсужденій о причинахъ, сущности и значеніи разногласій, существовавшихъ между Восточною и Западною Церквами, въ торжественномъ собраніи Западныхъ прелатовъ 6-го іюля 1274 года дали отъ имени греческой Церкви клятвенное обязательство на соединеніе съ римскою Церковью и признаніе главенства папы.

Но возвращеніи пословъ изъ Ліона, Императоръ приказалъ объявить унію съ римскою Церковью, и поминать имя папы на церковныхъ богослуженіяхъ. На престолъ патріаршества константинопольскаго возведенъ былъ Іоаннъ Веккъ, въ дарованіяхъ и энергичности котораго Императоръ надѣялся найдти сильную опору дѣлу уніи. Но народъ и духовенство продолжали относиться къ уніи также непріязненно, какъ и прежде. Православные греки не хотѣли молиться въ тѣхъ Церквахъ, гдѣ поминалось имя папы. Въ Константинополѣ возникли сильныя смуты и распри между православною и уніатскою партіями. Противъ Императора и патріарха стали распространяться недовольство и озлобленіе. Пользуясь такимъ замѣшательствомъ народнымъ, нѣкоторые изъ сильныхъ вельможъ, ненавидѣвшихъ Михаила Палео-

лога, стали возбуждать въ провинціяхъ открытые мятежи противъ императорской власти. Императоръ хотѣлъ силою заставить народъ повиноваться себѣ. Ссылки, пытки и казни усилились въ чрезвычайной степени. Съ другой стороны патріархъ Веккъ и другіе ученые приверженцы уніи (Константинъ Мелетиніомъ, Георгій Метохитъ и др.), старались дѣйствовать на народъ мѣрами убѣжденія; они распространяли такія мысли, что унія есть дѣло въ высокой степени нравственное и христіанское, и въ политическомъ отношеніи для грековъ весьма полезное, что римская Церковь такая же православная Церковь, какъ и греческая; что въ самомъ важномъ пунктѣ разногласія между греческою и римскою Церквами относительно исхожденія Св. Духа легко примирить ученіе той и другой Церкви, если принять для выраженія этого ученія такую формулу, что Духъ Святой исходитъ не просто отъ Отца, какъ читается въ греческомъ символѣ, и не отъ Отца и Сына, какъ учитъ Западная Церковь, а отъ Отца чрезъ Сына, какъ учили будто бы многіе древніе учители церковные, Восточные и Западные *). Но ни деспотическая на-

*) Дѣло, конечно, здѣсь было не въ томъ, какое выраженіе употреблять въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа „отъ Сына“ или „чрезъ Сына“ а въ томъ, какой смыслъ соединять съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ. Еслибы католики или уніяты разумѣли выраженіе „чрезъ Сына“ или „отъ Сына“ въ смыслѣ временнаго благодатнаго исхожденія Св. Духа на людей, гре-

стойчивость Императора, дѣйствовавшаго мѣрами насилія, ни убѣжденія уніятской партіи греческихъ богослововъ не подвигали впередъ дѣла уніи. Веккъ, разочарованный въ своихъ уніятскихъ стремленіяхъ и въ народной къ нему расположенности, оставилъ управленіе церковными дѣлами; самъ императоръ, утомленный пытками и казнями, въ послѣдніе годы своего правленія предоставилъ успѣхъ уніи на произволъ судьбы.

Между тѣмъ въ Римѣ ошибочно представляли, что въ греческой Церкви воля Императора можетъ сдѣлать все и отъ стараній Михаила Палеолога ожидали совсѣмъ не такихъ результатовъ. Такъ, не только надѣялись, что греческая Церковь, по волѣ Императора, безпрекословно признаетъ себя зависимою отъ папы, но думали даже, вопреки самымъ условіямъ Ліонскаго договора, по времени распространить въ ней всѣ новоизмышленные догматы и обряды западные, и утвердить на Востокѣ политическое вліяніе папъ въ такой же степени въ какой оно было въ то время на Западѣ. Съ этою цѣлью въ 1279-мъ году папа Николай III-й послалъ въ Константинополь своего легата, который былъ бы тамъ постояннымъ представителемъ

ческая Церковь могла бы согласиться на это. Но въ примѣненіи къ догмату о вѣчномъ ипостасномъ происхожденіи Святаго Духа выраженіе „чрезъ Сына,“ также какъ и „отъ Сына“ не могло найти себѣ основанія въ словѣ Божіемъ и ученіи древней Церкви.

его власти, и постепенно старался бы вводить въ греческую Церковь латинскіе догматы и обряды, и распространять свое вліяніе при дворѣ въ самыхъ политическихъ дѣлахъ. Но ближайшее ознакомленіе съ состояніемъ греческой Церкви и настроеніемъ греческаго народа на мѣстѣ должно было показать папскимъ уполномоченнымъ, что унія въ греческой Церкви въ сущности вовсе не существуетъ. Въ Римѣ стали высказываться недовольства и жалобы на Михаила Палеолога за невыполненныя обѣщанія. Императоръ продолжалъ расточать предъ папою новыя завѣренія въ своемъ усердіи къ дѣлу уніи. Наконецъ фальшъ и самообольщеніе съ той и другой стороны должны были разоблачиться. Папа Мартинъ IV въ 1281 году вновь положилъ проклятіе на Михаила Палеолога, какъ на лживаго обманщика и упорнаго ослушника римской Церкви. Императоръ, узнавъ объ этомъ, самъ, во время церковной службы, остановилъ діакона, хотѣвшаго, по уніятскому обычаю, поминать имя папы.

Такъ рушилась сама собою эта фальшивая сдѣлка, извѣстная подъ именемъ Ліонской Уніи, основанная на обманѣ и насиліи, и не имѣвшая себѣ никакой опоры въ убѣжденіяхъ и въ чувствахъ православнаго народа. Никакихъ добрыхъ положительныхъ результатовъ для возстановленія истиннаго міра между церквами она не принесла, — только еще болѣе возбудила въ Грекахъ непріязнь къ римской Церкви и недовѣріе ко всякимъ по-

пыткамъ на примиреніе съ нею въ будущемъ времени и оставила на будущія времена тяжелый урокъ относительно того, какъ несообразно въ великомъ дѣлѣ церковномъ водиться чуждыми Церкви интересами и побужденіями, полагаться на какія либо внѣшнія силы, дѣйствовать противными духу Церкви мѣрами принужденія и обмана и т. д.

Разстройство, произведенною этою уніею въ греческой имперіи и Церкви, было такъ сильно, и народное изліобленіе противъ нея такъ велико, что когда въ 1282 г. умеръ главный виновникъ ея, Императоръ Михаилъ Палеологъ, народъ не допустилъ, чтобы ему оказаны были почести царскаго погребенія, и отъ жены его и сына наслѣдника престола, Андроника, потребовалъ, чтобы они дали публичное завѣреніе въ своемъ несочувствіи дѣлу уніи, и постарались искоренить и загладить всѣ слѣды ея въ греческой Церкви. Въ 1283-мъ году въ Константинополѣ собранъ былъ для этой цѣли Соборъ; на немъ осуждено было главное латинское нововведеніе о происхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ примирительная уніятская формула о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца чрезъ Сына; патріархъ Веккъ и другіе главные виновники уніи низведены съ Церковныхъ степеней и посланы въ ссылку; патріархомъ сдѣланъ былъ ученый богословъ Григорій Кипрскій, давній противникъ Векка и его уніятскихъ мыслей. Всѣ учавствовавшіе въ уніи по увлеченію или

по принужденію должны были подвергнуться строгимъ эпитиміямъ. Церкви, въ которыхъ поминалось имя папы и совершалось уніятское богослуженіе, вновь освящены, какъ осквернённыя. При всемъ томъ порядокъ въ греческой Церкви, разстроенный въ нѣсколько лѣтъ насильственнаго распространенія уніи, ссылкою и низложеніемъ множества епископовъ, распрями духовенства и народа, не могъ быть возстановленъ въ цѣлые десятки лѣтъ.

V.

ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ РИМСКОЮ И ГРЕЧЕСКОЮ ЦЕРКВАМИ ВЪ XIV-МЪ И XV-МЪ СТОЛѢТІЯХЪ. ФЛОРЕНТІЙСКАЯ УНІЯ. ПАДЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Послѣ Ліонской Уніи на долго время въ грекахъ оставалась такая глубокая непріязнь къ латинству, что правительство византійское, не смотря на все свое стѣсненное положеніе и на представлявшіеся отъ союза съ Римомъ выгоды, долго не рѣшалось вступать съ папами въ новыя соглашенія о соединеніи Церквей, чтобы не вызвать раздраженія народнаго.

Между тѣмъ положеніе византійской имперіи было весьма стѣсненное. Наступали послѣднія времена ея существованія. Византійское правительство опасалось новыхъ нападеній съ Запада. Папы

Бонифацій VIII-й, Климентъ V и ихъ дальнѣйшіе преемники въ XIV-мъ вѣкѣ продолжали возбуждать Западныхъ государей и рыцарей къ крестовому походу на Востокъ противъ непокорныхъ грековъ. Правда, ихъ воззванія имѣли мало успѣха; вся опасность для византійской имперіи съ этой стороны ограничилась тѣмъ, что рыцари, Тампліеры, еще разъ въ 1306-мъ году завоевали и разграбили Ѳессалонику, несчастный городъ, болѣе всѣхъ другихъ греческихъ городовъ потерпѣвшій отъ насилій Западнаго крестоноснаго воинства. Но гораздо большая опасность, на которую вначалѣ византійское правительство обращало мало вниманія, но которая съ теченіемъ времени возрастала болѣе и болѣе, угрожала Греческой Имперіи съ Азіатскаго Востока. Въ сосѣдствѣ съ имперіею стали усиливаться новые завоеватели, османскіе Турки. Съ самаго начала XIV вѣка они стали нападать на византійскую имперію и затѣмъ до половины XV вѣка они отнимали у ней городъ за городомъ, область за областью, пока не положили конца ея существованію. Сильная опасность со стороны турокъ стали угрожать византійской имперіи со временъ султана Урхана, который въ 1339-мъ году взялъ Никомидію, и овладѣлъ азіатскими областями византійской имперіи.

Съ 1355 года Османы утвердились въ Европѣ. Въ 1369 г. султанъ Мурадъ утвердилъ уже столицу въ Адріанополѣ. Къ концу XIV-го вѣка, при

султанѣ Баязетѣ, Турки покорили Македонію, Ѳессалію, Элладу и Пелопонесъ. Византійская имперія съ начала XIV-го вѣка ограничивалась небольшою областью, прилегавшею къ Константинополю.

Византійское правительство можетъ быть спасло бы свою имперію отъ Турокъ, еслибы при самомъ первомъ напорѣ этой силы на Европу поспѣшило соединиться съ другими православнохристіанскими племенами, занимающими Юговостокъ Европы, съ Болгарами и Сербами. Но великое несчастье и вина Юговосточныхъ православныхъ племенъ заключались въ томъ, что они непрестанно враждовали между собою, и не только не соединялись въ виду общей опасности, но даже нерѣдко направляли другъ на друга силы враговъ. Это несчастіе сгубило всѣ Юговосточныя православныя государства. Первымъ изъ нихъ пала Болгарія, подчиненная ближайшимъ родственнымъ племенемъ, Сербовъ. За тѣмъ и Сербія, со всѣми подчиненными ей племенами, сдѣлалась достояніемъ Турокъ; затѣмъ пришла очередь и до византійской имперіи.

Византійское правительство, по старому предразсудку своему, полагало единственный источникъ спасенія на Западѣ, въ Римѣ. Но Западъ Европейскій, въ которомъ папство воспитало пренебреженіе и ненависть къ православному Востоку, не только съ равнодушіемъ, но иногда и съ злорадованіемъ смотрѣлъ на погибель православныхъ Восточныхъ государствъ, не обращая вниманія и

на то, что невѣрная сила, сокрушавшая ихъ, могла впослѣдствіи сдѣлаться опасною для всей христіанской Европы. На Западѣ говорили, что Востокъ схизматическій по справедливости терпитъ наказаніе Божіе отъ руки Турокъ за свое давнее упорство и непокорность римской Церкви. Сами папы, своими прежними воззваніями возбуждавшіе въ Западныхъ народахъ только непріязнь къ Востоку, не могли уже новыми воззваніями возбудить въ нихъ сострадание къ погибавшимъ православнымъ Восточнымъ племенамъ.

Въ виду народной непріязни къ латинству, византійское правительство на первыхъ порахъ таило свои новыя сношенія съ папами. Въ первый разъ послѣ несчастной Ліонской Уніи, Императоръ Андроникъ младшій въ 1339 году, по взятіи Никомидіи Турками, послалъ посольство на Западъ съ просьбою о помощи къ авиньонскому папѣ, Бенедикту XII. Посольство это было отправлено тайно отъ народа и возложено не на византійскаго грека, а на пришлеца, ученаго греческаго монаха изъ Калабріи, Варлаама, которой самъ въ послѣдствіи оказался виновникомъ большой Церковной смуты на Востокѣ, едва ли не какъ агентъ латинства. Варлаамъ въ двухъ замѣчательныхъ рѣчахъ при авиньонскомъ дворѣ развивалъ такія мысли, что Западные христіане непременно должны оказать Восточнымъ помощь противъ Турокъ, какъ по братскому христіанскому долгу, такъ и въ интересѣ своего собственнаго благосостоянія,

ибо опасность отъ Турокъ не одной византійской имперіи, а и всей христіанской Европѣ; что безкорыстною братскою помощію Западные христіане скорѣе всего могутъ привлечь къ себѣ Восточныхъ христіанъ, также какъ прежде они всего болѣе озлобили ихъ противъ себя насиліями и притѣсненіями; что до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ это озлобленіе, нечего и думать о соединеніи Церквей, а когда пройдетъ оно, легко будетъ устранить и всѣ другіе Церковные поводы къ разрыву. Безпристрастные доводы Варлаама мало, однакожъ, подѣйствовали на латинцевъ. Они отвѣчали ему: „а чтоже если мы подадимъ помощь грекамъ, и греки не присоединятся къ римской церкви?“

Въ 1350 году папа Климентъ IV-й самъ возобновилъ переговоры о соединеніи Церквей съ греческимъ Императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ. Но Кантакузенъ, твердо преданный ученію своей Церкви и мало нуждавшійся въ союзѣ съ папою (потому что онъ заключилъ союзъ съ Турками), довольно сухо отвѣчалъ папѣ, что соединеніе Церквей можетъ состояться не иначе, какъ послѣ тщательнаго обсужденія церковныхъ разногласій на Вселенскомъ Соборѣ,—не на такомъ Соборѣ, каковъ былъ при Михаилѣ Палеологѣ Ліонскій Соборъ, а на такомъ, на которомъ бы было совершенно свободно и безпристрастно изслѣдовано дѣло представителями всѣхъ восточныхъ патріарховъ и который бы былъ собранъ въ которомъ

нибудь изъ пограничныхъ городовъ, на срединѣ разстоянія между Римомъ и Византіею. Папы же въ то время высказывали такое убѣжденіе, что для соединенія греческой Церкви съ римскою нѣтъ надобности въ новомъ Соборѣ—такъ какъ на предшествовавшихъ соборахъ всѣ разногласія, существующія между Церквами, уже разрѣшены въ пользу римской Церкви и такимъ образомъ Грекамъ только остается безпрекословно принять всѣ ея мнѣнія.

Преемникъ Кантакузена, Іоаннъ VI-й Палеологъ, въ виду опасности отъ Турокъ, уже проникшихъ въ Европу, былъ гораздо болѣе своего предшественника податливъ на желанія папы. Онъ сначала въ 1355 году засылалъ пословъ къ Иннокентію VI-му; затѣмъ въ 1389 году самъ ѣздилъ въ Римъ; униженно цѣловалъ папскую туфлю; исповѣдывалъ предъ Урбаномъ VI-мъ латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына; обѣщалъ своихъ дѣтей воспитывать въ латинствѣ и одного изъ нихъ оставить заложникомъ въ Римѣ въ знакъ вѣрности; взялъ даже отъ папы переносный латинскій алтарь для отправленія латинскаго богослуженія при своемъ константинопольскомъ дворѣ.

Все это впрочемъ дѣлаемо было безъ всякаго участія со стороны народа и не имѣло никакого значенія для греческой Церкви. Въ политическомъ отношеніи униженіе императора предъ папою также не принесло никакой пользы Грекамъ. Папа

разослалъ воззванія къ рыцарямъ іоаннитскаго ордена, къ генуэзцамъ, венеціанцамъ, убѣждалъ ихъ подать помощь Грекамъ, соединиться для составленія новаго крестоваго похода на Востокъ; но убѣжденія папы не имѣли успѣха.

Подобно Іоанну VI, и его преемникъ Еммануилъ Палеологъ (1399—1425 гг.) ѣздилъ на Западъ въ Венецію, Францію, Англію, умолялъ о помощи папъ), Бонифація IX и Иннокентія VII, безъ всякаго успѣха. Бонифацій IX убѣждалъ западныхъ христіанъ подать помощь грекамъ во имя того, что они всѣтаки носятъ названія христіанъ, и въ той надеждѣ, что они за благодѣяніе, оказанное имъ, сдѣлаются покорными сынами римской Церкви, но его никто не слушалъ. А папа Иннокентій VII долженъ былъ прямо сказать самому Императору Еммануилу, что онъ ясно предвидитъ неминуемую и скорую погибель Византійской Имперіи безъ помощи европейскаго Запада, но ни чѣмъ не можетъ помочь этой бѣдѣ. Точно также не имѣло никакихъ важныхъ послѣдствій и посольство, отправленное Императоромъ Еммануиломъ въ 1414 году на Констанскій Соборъ для испрошенія помощи у западныхъ государей и переговоровъ о соединеніи Церквей.

Наконецъ, предпослѣдній изъ Палеологовъ, Іоаннъ VII, въ виду крайняго положенія имперіи, которая въ его время уже вся почти заключалась въ стѣнахъ одного Константинополя, окруженнаго со всѣхъ сторонъ турками, и не имѣла даже и 10.000

собственнаго войска, рѣшился, во что бы то ни стало, пріобрѣсть помощь съ Запада, и для этого рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ переговоры о соединеніи Церквей, сначала съ папою Мартиномъ IV, потомъ съ Евгеніемъ IV, который самъ прежде былъ легатомъ на Востокѣ, лично зналъ положеніе восточныхъ церквей, и тѣмъ ревностнѣе поэтому готовъ былъ стараться о подчиненіи ихъ своему вліянію.

Папы въ то время имѣли особенныя побужденія хлопотать о присоединеніи греческой церкви. Папская власть въ XIV вѣкѣ, вслѣдствіе долгихъ злоупотребленій, крайней распущенности авиньонскихъ папъ и соблазнительныхъ распрей между Римомъ и Авиньономъ во время такъ называемаго великаго раскола Западной Церкви (1378—1414 гг.), сильно поколебалась. Папы потеряли свое прежнее вліяніе на Западъ Европы; должны были въ своей же Церкви, въ средѣ своего латинскаго духовенства бороться съ сильною либеральною партіей, которая желала ограничить папскую власть властію вселенскихъ соборовъ и для этой цѣли держала уже два собора въ Пизѣ (въ 1408 г.) и въ Костанцѣ (въ 1414 г.), и вновь созывала соборъ въ Базелѣ (1431—1437 гг.). Папамъ нуженъ былъ какой нибудь особенно благопріятный случай, какое нибудь блистательное дѣло, которымъ бы они могли поднять свой упадавшій авторитетъ въ общественномъ мнѣніи Европы, и взять верхъ надъ враждебною имъ партіей. Такимъ блистательнымъ

дѣломъ представлялось папству присоединеніе греческой Церкви. Поэтому папа Евгеній IV со всѣмъ рвеніемъ схватился за предложеніе Іоанна Палеолога, и готовъ былъ даже сдѣлать значительныя пожертвованія и уступки, и надавать Грекамъ самыхъ щедрыхъ обѣщаній, съ тѣмъ только, чтобы достигнуть предполагаемаго соединенія церквей.

Между тѣмъ и члены враждебнаго папѣ Базельскаго собора, заслышавъ о намѣреніи греческаго Императора присоединиться къ римской Церкви, старались склонить его на свою сторону, и расточали предъ нимъ щедрыя обѣщанія. Папская и базельская партіи готовы были вступить въ открытую борьбу изъ-за того, кому достанется честь присоединенія греческой Церкви. Самъ Іоаннъ Палеологъ долго колебался, къ какой сторонѣ пристать. Наконецъ папа, надававшій ему болѣе льстивыхъ обѣщаній, склонилъ его на свою сторону.

Чтобы дать какой нибудь ходъ своимъ замысламъ въ народѣ, предубѣжденномъ противъ латинства и всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, Императоръ всячески старался о томъ, чтобы предполагаемое соединеніе не представлялось дѣломъ его личнаго произвола и политическихъ расчетовъ (какъ неудачная унія Михаила Палеолога), а свободнымъ дѣломъ самой Церкви, вызваннымъ искреннею ревностію о возстановленіи мира Церковнаго. Императоръ поэтому настаивалъ, чтобы это дѣло рѣшено было на Вселенскомъ Соборѣ, собранномъ со всею важностью и видимымъ безпристрастіемъ,

на подобіе древнихъ вселенскихъ Соборовъ, изъ представителей Западной и Восточной Церквей. А чтобы придать этому Собору болѣе политическаго значенія, Императоръ просилъ папу пригласить на него и Западныхъ государей или уполномоченныхъ пословъ отъ нихъ для соглашенія о поддержаніи падавшей греческой имперіи. Папа соглашался на требованія Императора тѣмъ охотнѣе, что для него представлялся случай созвать подъ своимъ предсѣдательствомъ торжественнѣйшій Вселенскій Соборъ и противупоставить его авторитетъ авторитету базельскаго Собора.

Долгое время шли переговоры о томъ, гдѣ собрать этотъ предполагаемый Соборъ. Греки не хотѣли, чтобы Соборъ былъ созванъ въ Римѣ, гдѣ значеніе и самостоятельность представителей ихъ Церкви могли быть совершенно подавлены вліяніемъ Западной партіи. Но такъ какъ нельзя было созвать Собора и въ Константинополѣ, угрожаемомъ Турками, то они требовали, чтобы Соборъ созванъ былъ въ какомъ-нибудь изъ италіянскихъ городовъ, ближайшихъ къ Востоку. Рѣшили наконецъ избрать для этого Феррару. Греки, при бѣдности своей, затруднялись тѣмъ, на что проѣхать въ Италію и жить тамъ. Папа взялся перевезти ихъ на своихъ собственныхъ судахъ и содержать на свой счетъ во время пребыванія ихъ въ Италіи.

Чтобы дать замышляемому дѣлу видъ полнѣйшаго безпристрастія, Императоръ приказалъ ра-

зослать посланія по всѣмъ Восточнымъ Церквамъ: чтобы каждый изъ восточныхъ патріарховъ назначилъ отъ себя по два полномочныхъ представителя на Соборъ; кромѣ собственно греческихъ епископовъ положено было пригласить представителей и изъ другихъ православныхъ, странъ—изъ Россіи *) Болгаріи, Сербіи, Румыніи, Грузіи и взять на Соборъ знаменитѣйшихъ греческихъ ученыхъ духовныхъ и свѣтскихъ. Впрочемъ число всѣхъ восточныхъ епископовъ назначенныхъ на Соборъ было не болѣе 25-ти; большая часть ихъ принадлежала къ константинопольской Церкви и нѣкоторые, вѣроятно, уже предварительно вошли въ соглашеніе съ Императоромъ относительно своихъ дѣйствій на Соборѣ; изъ другихъ Церквей, изъ цѣлыхъ обширныхъ православныхъ странъ назначено было по одному, по два представителя. Отъ восточныхъ патріарховъ представителями были назначены личности, предварительно указанныя самимъ Императоромъ и жившія въ Константинополѣ и послѣ, по усмотрѣнію императорской партіи, онѣ произвольно перечислялись отъ одного патріарха къ другому. Во главѣ всѣхъ представителей греческой

(*) Въ Россію незадолго передъ этимъ нарочно отправленъ былъ митрополитомъ, помимо желанія Великаго Князя и духовенства русскаго, Грекъ Исидоръ, втайнѣ предрасположенный къ Уніи; онъ самъ также, вопреки желанію, Великаго Князя и духовенства русскаго, отправился на Соборъ представителемъ за русскую Церковь и явился тамъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ соединенія.

Церкви, отправились на Соборъ самъ Императоръ и константинопольской патріархъ Іосифъ—человѣкъ престарѣлый, больной и слабохарактерный, въ которомъ Императоръ не надѣялся встрѣтить какого-либо противодѣйствія своимъ планамъ на соборѣ.

22-го ноября 1437 года греки отправились изъ Константинополя. 3-го марта 1438 года прибыли въ Италію. Съ самаго начала при свиданіи греческихъ епископовъ съ латинскими между ними поднялись недоразумѣнія и споры изъ за того, какія церемоніи должно соблюдать при встрѣчѣ патріарха съ папою: должны ли они встрѣтиться какъ равный съ равнымъ или какъ низшій съ высшимъ или гдѣ должно быть устроено на соборѣ мѣсто для греческаго патріарха—рядомъ съ папскимъ или въ нѣкоторомъ почтительномъ отдаленіи отъ него. Споры изъ за подобныхъ внѣшнихъ церемоній естественно не могли обѣщать мирныхъ соглашеній въ разсужденіяхъ о важнѣйшихъ предметахъ разномыслія церковнаго, о догматахъ церковныхъ, о правахъ и самостоятельности Церквей.

Далѣе греки, надѣявшіеся вліяніемъ Собора пріобрѣсти для своей Имперіи помощь съ Запада, скоро должны были увидѣть, что Соборъ этотъ на самомъ Западѣ не можетъ быть такъ вліятеленъ, какъ обѣщалъ имъ папа. Папа дѣйствительно приглашалъ на этотъ Соборъ Западныхъ государей; но они не явились и даже не присылали пословъ своихъ. Епископовъ со всей Запад-

ной Церкви собралось къ открытію Собора только 70, между тѣмъ какъ на другихъ Западныхъ, такъ называемыхъ Вселенскихъ Соборахъ, бывало ихъ до тысячи и болѣе. Большая часть Западныхъ епископовъ сочувствовало враждебному папѣ базельскому Собору. Тщетно папа гремѣлъ прещеніями противъ базельскаго Собора и приказывалъ присутствовавшимъ на немъ епископамъ перейти на Соборъ въ Феррару. Епископы базельскаго собора протестовали въ свою очередь противъ Собора феррарскаго и, подъ угрозой низложенія, требовали, чтобы папа распустилъ его. Далѣе съ первыхъ же мѣсяцевъ, послѣ прибытія Грековъ въ Италію, папа сталъ задерживать обѣщанное имъ содержаніе и это, въ продолженіи всего пребыванія грековъ въ Италіи, было употребляемо имъ какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ склонить грековъ къ покорности и соглашенію. Какъ скоро греки начинали о чемъ либо горячо спорить съ латинянами, имъ не давали содержанія; когда же они склонялись къ уступчивости, имъ выдавали жалованье, задержанное за цѣлые мѣсяцы, въ награду за послушаніе.

Лѣтомъ открылась въ Феррарѣ моровая язва и жертвою ея сдѣлались нѣкоторые изъ грековъ. Все это привело грековъ въ такое уныніе, что они стали просить Императора о возвращеніи въ Константинополь. Но имъ сказано было, что нечего думать о возвращеніи не пришедши къ какому либо соглашенію съ папою, да притомъ и

не на чѣмъ и не на что возвратиться (такъ какъ у нихъ не было ни своихъ судовъ, ни денегъ)! Нѣкоторые епископы тайно бѣжали изъ Италіи. Императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы изъ остальныхъ никто не былъ выпускаемъ изъ города. При такомъ положеніи дѣла, конечно, нельзя было думать о серьезномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи причинъ раздѣленія и мѣръ къ соединенію Церквей.

Тѣмъ не менѣе, чтобы дать дѣлу видъ настоящихъ соборныхъ разсужденій, начаты были между греческими и латинскими богословами совѣщанія о главныхъ предметахъ разномыслія между Церквами—сначала частныя съ іюня; потомъ торжественныя съ октября 1438 года. Съ той и другой стороны избраны были лучшіе ученые и ораторы для веденія совѣщаній. Изъ Грековъ преимущественно отличались митрополиты Маркъ ефесскій и Виссаріонъ никейскій (оба ученые и краснорѣчивые,—но одинъ твердо преданный православію, другой втайнѣ расположенный къ Уніи), и свѣтскіе ученые—Гемистъ—Плетонъ, Георгій—Схоларій, изъ Западныхъ богословъ кардиналы Юліанъ—Цезарини, Николай—Албергати и ученый испанскій докторъ доминиканецъ Іоаннъ Monte Nigro. Главными предметами споровъ были: латинское ученіе о чистилищѣ и прибавленіе къ Символу вѣры слова Filioque. Относительно перваго вопроса не пришли ни къ чему опредѣленному, во второмъ—греческіе богословы, основывалъ на

ясныхъ свидѣтельствахъ древнихъ Вселенскихъ Соборовъ и Св. Отцевъ, ясно доказали произвольность и несправедливость латинскаго прибавленія къ Символу. Западные богословы старались прекратить разсужденія объ этомъ вопросѣ, въ которомъ ясно чувствовали свою несостоятельность и на мѣсто изслѣдованія свидѣтельствъ древней исторіи, прямо говорившихъ противъ западнаго нововведенія, намѣренно старались перевести споръ въ пустыя, отвлеченныя, схоластическія умствованія. Императоръ греческій постоянно внушалъ своимъ епископамъ быть сдержаннѣе и уступчивѣе въ спорахъ съ латинянами и, чтобы они на самомъ дѣлѣ были сдержаннѣе и уступчивѣе, приказалъ за каждымъ совѣщаніемъ наблюдать своему свѣтскому чиновнику и обо всемъ доносить ему; а самымъ твердымъ и неприклонннымъ защитникамъ православія, каковъ былъ по преимуществу митрополитъ ефесскій Маркъ, прямо запрещаемо было являться на Соборъ и вступать въ состязанія.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, приверженцы Уніи, видѣли, что если даже совѣщанія соборныя будутъ продолжаться въ такомъ тонѣ, какъ они начались въ Феррарѣ, они никогда не приведутъ къ желаемой цѣли. Чтобы дать дѣлу другое направленіе, въ началѣ 1439 года, какъ бы изъ опасенія возобновленія въ Феррарѣ на лѣто моровой язвы, рѣшились перевести Соборъ далѣе въ глубь Италіи—во Флоренцію. Тамъ предположено было поставить Грековъ еще въ болѣе стѣсненное

положеніе, и волей—неволей вынудить ихъ къ покорности требованіямъ папскимъ. Для виду и здѣсь сдѣлано было нѣсколько открытыхъ совѣщаній объ исхожденіи Духа Святаго отъ Сына. Но эти совѣщанія не имѣли уже никакого серіознаго и искренняго значенія. Главный защитникъ православія, Маркъ ефесскій, на нихъ почти вовсе не являлся. Тайные руководители Уніи, каковы были: Виссаріонъ, митрополитъ никейскій и Исидоръ, русскій, въ Феррарѣ еще показывавшіе себя преданными православію, во Флоренціи явно перешли на сторону Уніи. Прочіе греческіе епископы принуждены были молчать: ораторствовали одни западные богословы о преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ.

Когда и такой способъ убѣжденія никого не убѣдилъ въ преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ, Императоръ приказалъ своимъ епископамъ составить такую формулу соединенія, въ которой бы искусно были примирены или скрыты разномыслія между Церквами, или предложенъ былъ бы какой нибудь способъ примирить Церкви, не касаясь вѣроисповѣдныхъ разностей между ними. Когда и это подало новый поводъ къ разнорѣчіямъ и спорамъ, приказано было, прекративъ всѣ разсужденія, прямо отбирать голоса, кто согласенъ на Унію и кто несогласенъ. Тогда начали дѣйствовать главные руководители уже давно замышленной Уніи: Виссаріонъ никейскій, Исидоръ русскій и императорскій духовникъ Григорій Мам-

ма. Фальшивыми убѣжденіями во имя спасенія отечества, льстивыми обѣщаніями, богатыми подарками, роскошными обѣдами, наконецъ угрозами и представленіемъ невозможности противорѣчить папѣ, живя на его счетъ въ Италіи, они стали переманивать одного епископа за другимъ на сторону Уніи. И когда почти всѣ дали вынужденное согласіе на нее, составленъ былъ актъ соединенія, въ которомъ, по настоятельному требованію папскому, признаны были всѣ незаконныя преимущества, усвоенныя на Западѣ римскому престолу и латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына; относительно прочихъ предметовъ разномыслія грекамъ предоставлялась свобода держаться своихъ древнихъ мнѣній, или слѣдовать ученію римской Церкви.

5-го Іюля 1439 года греческіе епископы, собравшись у Императора, подписали этотъ актъ измѣны православію. Недоставало подъ нимъ подписи патріарха константинопольскаго Іосифа, который не задолго передъ тѣмъ умеръ, и трехъ мѣстоблюстителей патріарховъ восточныхъ: Діонисія сардійскаго, Антонія ираклійскаго и Марка ефесскаго. Діонисій умеръ еще въ Феррарѣ; Антоній не явился на собраніе подъ предлогомъ болѣзни; Маркъ не хотѣлъ итти ни на какія сдѣлки съ латинствомъ. Антонія принудили подписаться на одрѣ болѣзни, но Марка не могли склонить на измѣну православію никакія убѣжденія и угрозы.

Когда принесли къ папѣ этотъ актъ, подписан-

ный греческими епископами, первый вопросъ его былъ: „Подписался ли ефесскій?“ и когда ему сказали, что нѣтъ, Евгеній произнесъ: „Ну такъ мы ничего не сдѣлали“. Въ этихъ словахъ папы вѣрно выразилось и значеніе Марка, главнаго представителя православія въ то время, и незначительность результатовъ, достигнутыхъ Соборомъ. Тѣмъ не менѣе актъ соединенія между греческою и римскою Церквами былъ торжественно объявленъ во флорентійскомъ Соборѣ 6-го іюля 1439 года. А незадолго передъ тѣмъ, 25-го іюня, на базельскомъ Соборѣ было произнесено осужденіе и отлученіе на папу Евгенія, и рѣшено избрать вмѣсто него другаго папу. Неискренность примиренія, заключеннаго во Флоренціи между греками и латинянами, стала обнаруживаться немедленно, когда греки еще были въ Италіи. По заключеніи примиренія между греками и латинцами начались новые споры. Тѣ самые изъ греческихъ епископовъ, которые дали согласіе на Унію, не хотѣли служить и причащаться вмѣстѣ съ латинскими епископами, не хотѣли поминать имени папскаго на богослуженіи. Папа, съ своей стороны, не дозволялъ грекамъ во Флоренціи открыто служить литургію, по греческому обряду.

Когда же греческіе епископы возвратились въ Константинополь, многіе изъ нихъ прямо объявили народу, что они вынуждены были во Флоренціи подписать согласіе на Унію, и горько раскаивались въ этомъ, какъ въ измѣнѣ православію.

Народъ сильно возмутился противъ папства, проклиналъ флорентійское соединеніе, и ублажалъ Марка—твердаго защитника православія. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и думать о распространеніи, ни даже объ обнародованіи Уніи. Пытались провести Унію въ народъ незамѣтно и постепенно; для этого на высшія мѣста церковныя старались возводить тайныхъ приверженцевъ Уніи; на самый патріаршій престолъ константинопольскій преемственно одинъ за другимъ возводимы были уніяты—Митрофанъ Кизическій и Григорій Мамма. Старались привлечь народъ въ Унію тѣмъ, что на первыхъ порахъ дозволяли всѣмъ послѣдователямъ Уніи безразлично содержать греческія мнѣнія и обряды или латинскія. Но твердые и прозорливые защитники православія, Маркъ ефесскій и его ученые послѣдователи: Геннадій Схоларій, сдѣлавшійся въ послѣдствіи однимъ изъ знаменитѣйшихъ патріарховъ константинопольскихъ; Сильвестръ Сиропулъ, написавшій исторію флорентійскаго Собора и другіе поборники православія тщательно разоблачали замыслы и интриги уніятской партіи, и утверждали въ народѣ преданность православію. Въ 1450 году три восточные патріарха: александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій со многими епископами составили въ Константинополѣ Соборъ, на которомъ низложили уніята патріарха Григорія Мамму, возвели на престолъ константинопольскій православнаго патріарха Аѳанасія, и произнесли отъ всей Восточной Церкви осужденіе

на флорентійскій Соборъ и на пріемлющихъ его неправое соединеніе. Самъ Императоръ Іоаннъ Палеологъ, главный виновникъ этой неудавшейся Уніи, еще прежде отрекся отъ нея предъ смертію своею въ 1448 году.

Уже при пріемникѣ Іоанна Палеолога, Константинѣ XI, когда Константинополь со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ турками, за нѣсколько мѣсяцевъ до паденія греческой Имперіи, прибылъ изъ Рима кардиналъ Исидоръ, бывшій митрополитъ русскій, и объявилъ въ храмѣ Св. Софіи декретъ флорентійскаго Собора 12-го декабря 1452 года. Греки разбѣжались изъ храма, и перестали посѣщать его, такъ какъ онъ, по ихъ убѣжденіямъ, былъ оскверненъ уніятствомъ. Только три епископа и нѣсколько священниковъ рѣшились принять Унію. Ненависть къ Уніи въ народѣ дошла до ожесточенія. Греки бѣгали отъ уніятскихъ священниковъ, какъ отъ зачумленныхъ и скорѣе соглашались умереть безъ покаянія, нежели принять напутствіе отъ кого либо изъ такихъ священниковъ. Въ Константинополѣ повсюду раздавались клики: „лучше достанемся туркамъ, чѣмъ папистамъ, лучше турецкая чалма, чѣмъ папская тіара“. Въ такихъ обстоятельствахъ Константинополь былъ взятъ Магометомъ II, 29 мая 1453 г. Унія флорентійская не только не предотвратила, но можетъ быть, напротивъ, ускорила паденіе греческой Имперіи, возбудивъ противъ грековъ особенную подозрительность со стороны турокъ, и,

увлекши народъ въ религіозныя волненія въ то время, когда ему нужно было сосредоточить всѣ остававшіяся у него силы на поддержаніе погибавшей свободы и народности.

Западъ не оказалъ никакой помощи погибавшему Константинополю. Правда, была послѣ флорентійскаго Собора сдѣлана къ этому одна попытка; но попытка эта кончилась въ высшей степени несчастливо. Воззванія папы Евгенія IV, и хлопоты одного изъ главныхъ дѣятелей флорентійской Уніи, кардинала Юліана Цезарини, равно какъ и сознаніе опасности, угрожавшей отъ турокъ всему Западу Европы, побудили, наконецъ, въ 1444 году одного молодого горячаго европейскаго Государя, Владислава Венгерскаго съ большимъ войскомъ выступить на борьбу противъ турокъ. Но войско это было разбито на голову подъ Варною; самъ Владиславъ былъ убитъ, также и кардиналъ Цезарини. Послѣ этого никто изъ европейскихъ государей не осмѣливался противостать сокрушительной силѣ турокъ.

Подобно тому какъ въ Греціи, и въ другихъ православныхъ странахъ—въ Россіи, Грузіи, Молдавіи, Сербіи, Болгаріи—флорентійская Унія не имѣла никакого успѣха. Въ Россіи, при первой попыткѣ возвратившагося изъ Италіи митрополита Исидора, помянуть имя папы на богослуженіи, великій князь и народъ такъ возстали противъ этого, что Исидоръ едва успѣлъ бѣгствомъ спастись отъ раздраженія народнаго. Онъ ушелъ въ Римъ

и тамъ умеръ кардиналомъ; точно также другой изъ греческихъ митрополитовъ, ревностный приверженецъ Уніи, Виссаріонъ никейскій, поселившись въ Италіи, не только въ награду за свою приверженность къ Уніи получилъ кардиналское достоинство, но и пріобрѣлъ даже себѣ такое уваженіе въ Западной Церкви, что его неоднократно хотѣли избрать папою. Такимъ образомъ всѣ результаты флорентійскаго Собора по отношенію къ Восточной Церкви, очевидно, были ничтожны; тѣмъ не менѣе, западные ученые богословы и историки доселѣ стараются представить эти результаты въ другомъ, совершенно невѣрномъ и преувеличенномъ видѣ. Они любятъ указывать на флорентійскій Соборъ во свидѣтельство того, что вотъ нѣкогда Восточная Церковь совершенно готова была признать главенство папы и даже латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, и признала бы, еслибы только не помѣшалъ этому одинъ человѣкъ, мятежный Маркъ ефесскій. Самый ходъ дѣла этого ясно показываетъ, на сколько флорентійское опредѣленіе могло служить выраженіемъ убѣжденій Восточной Церкви, и какъ вообще Восточная Церковь сама по себѣ далека была отъ всякихъ сдѣлокъ съ латинствомъ, предпринимавшихся во имя ея авторитета лишь нѣсколькими личностями, которыя руководились въ великомъ дѣлѣ церковномъ даже и не церковными, а политическими или своими личными интересами.

VI

ЛАТИНСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ВОСТОКѢ ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Послѣ паденія Константинополя, римская Церковь не оставила своихъ стремленій и надеждъ привлечь къ себѣ греческихъ христіанъ; только нашла нужнымъ, сообразно съ обстоятельствами, принять новые способы дѣйствій для достиженія своей цѣли. Заводить открытые переговоры о соединеніи Церквей, чрезъ посредство правительства уже магометанскаго, стало неудобно, (хотя папы, считавшіе себя главами и защитниками христіанства, и не стыдились очень скоро вступить въ политическія сношенія и сдѣлки съ султанами, которые открыто объявляли себя врагами христіанства). Собирать новые Соборы, для разсужденій о соединеніи Церквей и приглашать на нихъ бѣдныхъ угнетенныхъ Восточныхъ епископовъ, папамъ также казалось теперь уже неудобно, и, можетъ быть, унизительно для ихъ достоинства. Папы нашли удобнѣйшимъ дѣйствовать на греческихъ христіанъ путемъ насильственной пропаганды, не вступая ни въ какія сношенія съ самими представителями Восточной Церкви. Приверженцы папства, съ одной стороны, стали привлекать молодыхъ богатыхъ грековъ, лишенныхъ средствъ къ полученію

высшаго образованія въ своемъ отечествѣ въ западныя школы и университеты; здѣсь прельщали ихъ блескомъ западной цивилизаціи, внушали имъ мысль, что для грековъ единственная надежда на политическое возстановленіе—въ союзѣ съ Западомъ чрезъ принятіе латинства, и такимъ образомъ старались приготовить пропагандистовъ латинства на Востокѣ изъ самихъ же грековъ. Съ другой стороны стали отправляться на Востокъ цѣлыя толпы готовыхъ пропагандистовъ изъ западныхъ монаховъ—доминиканцевъ, францисканцевъ, бернардистовъ, лагаристовъ, и въ особенности іезуитовъ, которые болѣе всего сдѣлали зла Восточной Церкви. Западные пропагандисты дѣйствовали на Востокѣ иногда скрытно, переодѣтые—подъ видомъ простыхъ путешественниковъ, торговцевъ, или подъ видомъ врачей, домашнихъ учителей, проникали въ дома вліятельныхъ грековъ, старались вездѣ распространять склонность къ латинству, особенно между молодыми греками, поручаемыми ихъ воспитанію; распространяли въ народѣ книжки искусно пропитанныя латинскими и уніятскими мыслями; продавали по дешевымъ цѣнамъ и даромъ раздавали греческіе молитвенники, богослужебныя книги, проповѣди, катихизисы, перепечатанныя на Западѣ со вставками и измѣненіями въ духѣ латинства. При содѣйствіи пословъ католическихъ государствъ, они нерѣдко пріобрѣтали и открытое благоволеніе у турецкаго правительства; съ дозволенія его заводили свои мона-

стыри, коллегіи, школы, типографіи; имѣли своихъ епископовъ въ Греціи. Иногда даже, чрезъ подкупы и интриги, они успѣвали проводить своихъ приверженцевъ и на православные епископскіе престолы, даже на самый престолъ патріаршества константинопольскаго. Въ народѣ западные пропагандисты старались распространять склонность къ латинству обѣщаніями освобожденія, чрезъ посредство католическихъ державъ. Бывало и такъ, что іезуиты сами возбуждали между греками политическіе смуты, волненія, заговоры, и сами же доносили о нихъ турецкому правительству, въ надеждѣ воспользоваться тамими смутами для своихъ цѣлей. Вращаясь между римскимъ дворомъ, турецкимъ правительствомъ, послами западныхъ государствъ, греческою іерархіею, православнымъ народомъ, западные пропагандисты не стыдились для своихъ цѣлей приставать ко всѣмъ и обманывать всѣхъ, принимать на себя обязанности политическихъ агентовъ и шпіоновъ, то папскихъ, то султанскихъ, то какого либо изъ европейскихъ государствъ. При такой широкой свободѣ дѣйствія, западные пропагандисты производили не мало смутъ въ греческой Церкви, и иногда успѣвали оторгать некрѣпкихъ въ вѣрѣ чадъ ея къ латинству. Впрочемъ, вообще говоря, пріобрѣтенія латинской пропаганды на Востокѣ были незначительны. Въ большинствѣ грековъ несовѣстливыя дѣйствія латинской пропаганды не только не воспитывали расположенія, напротивъ, еще болѣе преж-

няго усиливали негодованіе и раздраженіе противъ латинства. Въ самомъ турецкомъ правительствѣ іезуитскія интриги нерѣдко возбуждали подозрѣнія и опасенія,—такъ что нерѣдко само турецкое правительство, независимо отъ стараній греческой іерархіи, находило нужнымъ ограничивать дѣйствія латинскихъ миссіонеровъ между греческими христіанами.

Дѣйствія латинской пропаганды на Востокѣ открылись скоро по завоеваніи Греціи турками—подъ конецъ XV вѣка. Они открылись первоначально на греческихъ островахъ Средиземнаго и Іоническаго морей—въ Критѣ, Кипрѣ, Корфу, и въ тѣхъ поселеніяхъ Морен и Эпира, которыя принадлежали венеціанской республикѣ. Пользуясь покровительствомъ венеціанскихъ властей, папскіе миссіонеры стали распространять здѣсь латинство между православными греками, и стѣснять православную Церковь. По этому поводу Св. Максимъ философъ, патріархъ константинопольскій, въ 1480 году писалъ посланіе къ венеціанскому правительству, въ которомъ просилъ его положить преграды насильственнымъ дѣйствіямъ латинской пропаганды, а въ 1484 году собралъ въ Константинополѣ Соборъ изъ православныхъ епископовъ, на которомъ, для предостереженія грековъ отъ прельщеній латинства, еще разъ подтверждено было осужденье на флорентійскую Унію, произнесенное въ 1450 году.

Съ особенною силою дѣйствія латинской про-

паганды на Востокѣ, открылись въ концѣ XVI вѣка; папа Григорій XIII (1572—1585 гг.), первый іезуитъ на папскомъ престолѣ, обратилъ всѣ виды римской политики на Востокъ къ распространенію латинства въ Греціи, Россіи и южныя славянскія страны. Его политикѣ слѣдовали и его преемники: знаменитый Сикстъ V (1585—1590 гг.), Климентъ VIII (1592—1605 гг.), Григорій XV (1621—1623 гг.) и др. Въ 1581 году была отправлена въ Константинополь цѣлая партія іезуитовъ; при содѣйствіи французскаго и австрійскаго посланниковъ при турецкомъ дворѣ, они успѣли исходатайствовать у турецкаго правительства позволеніе основать іезуитскій коллегіумъ въ самомъ Константинополѣ и дѣятельно повели свою пропаганду между греками. Однимъ изъ орудій пропаганды было въ то время распространеніе между восточными христіанами только что обнародованнаго тогда папою Григоріемъ XIII календаря. Іезуиты имѣли въ виду, начиная съ малыхъ и незначительныхъ нововведеній, постепенно привлекать восточныхъ христіанъ къ латинству и въ болѣе существенныхъ предметахъ вѣры. Тогдашній патріархъ константинопольскій мужественный и просвѣщенный Іеремія II, во время, проникъ замыслы іезуитовъ, собралъ въ Константинополѣ Соборъ (въ 1584 году), на которомъ и постановлено было не принимать въ Восточную Церковь новаго календаря. Іезуиты постарались отдѣлаться отъ проницательнаго противника; патріархъ Іеремія II

скоро свергнутъ былъ съ престола за порицанье будто бы турецкаго правительства. Послѣ него въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, по происканъ іезуитовъ, на константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ было нѣсколько такихъ патріарховъ, (Пахомій Лесбосскій, Рафаилъ, Неофитъ, Тимофѣй), которые если и не были тайными приверженцами латинства, по крайней мѣрѣ не противодѣйствовали замысламъ іезуитовъ. Іезуиты до того усилились въ Константинополѣ, что начали чрезъ своего ревностнаго приверженца, австрійскаго Императора Фердинанда II, ходатайствовать предъ турецкимъ правительствомъ о томъ, чтобы въ Константинополѣ позволено было жить латинскому патріарху. Ходатайство это, впрочемъ, осталось безъ успѣха. Мало того, около 1610 года турецкое правительство открыло, что іезуиты въ Константинополѣ служатъ агентами французскаго Короля Генриха IV, что они внушаютъ грекамъ несбытныя надежды на Францію и возбуждаютъ ихъ къ возмущеніямъ. Іезуитамъ угрожала смертная казнь или, по крайней мѣрѣ, изгнаніе изъ предѣловъ турецкаго государства. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, чрезъ ходатайство австрійскаго правительства и собственныя хитрости, они не только успѣли спастись, но и опять скоро по прежнему усилились въ Константинополѣ.

Утвердивъ центръ своей пропаганды на Востокѣ въ самомъ Константинополѣ, папы для той же цѣли открыли нѣсколько важныхъ учрежденій въ

Римѣ. При томъ же Григоріѣ XIII былъ основанъ въ Римѣ греческій коллегіумъ Св. Аѳанасія, въ которомъ предположено было давать высшее образованіе дѣтямъ богатыхъ грековъ, конечно въ духѣ латинства. Въ этомъ коллегіумѣ получили образованіе нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ изъ грековъ и русскихъ, которые сами сдѣлавшись отступниками отъ православія, стали всячески стараться о томъ, чтобы распространить латинство между своими единоплеменниками и изобрѣли для этой цѣли нѣсколько новыхъ особенныхъ пріемовъ. Замѣчательнѣйшіе изъ этихъ ученыхъ воспитанниковъ греческаго коллегіума были: Петръ Аркудій, Матвѣй Каріофилъ, Іоаннъ Каттуній, Франциск Кокка, Николай Аллеманъ, Каначчіо Росси, и, въ особенности, Левъ Аллаціи; они стали писать большія сочиненія на ту тему, что для Восточной Церкви очень легко соединиться съ римскою, потому что эти Церкви всегда будто-бы были согласны между собою во всемъ существенномъ (даже и въ тѣхъ западныхъ ученіяхъ, которыя всегда отвергала Восточная Церковь—напр. въ ученіи о папской власти, объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына и т. д.). Довольно близкое знакомство съ Восточною Церковью и обширная ученость давали этимъ сочиненіямъ видъ правдоподобія и убѣдительности. Для подтвержденія своихъ мыслей, они также старались разыскивать и издавать старыя памятники греческой литературы, въ какомъ нибудь отношеніи благопріят-

ствующія мысли объ Уніи съ Римомъ, выискивать въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ слѣды согласія съ латинскими мнѣніями, а, въ случаѣ надобности, не стѣснялись сами выдумывать и выдавать за древнія какія либо свидѣтельства въ пользу латинства; вставлять благопріятствующія латинству выраженія въ греческія богослужебныя книги, и въ сочиненія древнихъ греческихъ церковныхъ учителей, перепечатываемыя и издаваемыя на Западѣ и т. д. При такихъ ученыхъ пособіяхъ латинская пропаганда могла надѣяться еще успѣшнѣе вести свою дѣятельность по отношенію къ Восточной Церкви.

При папѣ Григоріѣ XV въ Римѣ положено было начало громадному миссіонерскому учрежденію, извѣстному подъ названіемъ „Congregatio propagandae fidei". Это учрежденіе въ теченіи времени пріобрѣло огромнѣйшія средства для своего поддержанія и распространенія. Оно раздѣлено было на нѣсколько отдѣленій, въ которыхъ предположено готовить миссіонеровъ для распространенія христіанства (католическаго) во всѣхъ странахъ свѣта. Въ немъ, между прочимъ, обращено было большое вниманіе на приготовленіе миссіонеровъ къ распространенію латинства между восточными христіанами, какъ православными такъ и принадлежащими къ различнымъ сектамъ—между несторіанами, армянами, маронитами и др.

При такихъ широкихъ средствахъ и усиленныхъ дѣйствіяхъ латинской пропаганды, представителямъ

Восточной Церкви съ своей стороны нужно было усилить бдительность и направить силы къ отраженію вліяній латинства. Къ счастію для греческой Церкви, въ ней во время самаго крайняго ослабленія и униженія и самыхъ усиленныхъ дѣйствій латинской пропаганды появлялись такіе пастыри, которые умѣли проникать хитрые замыслы іезуитовъ: посвящали всѣ свои силы на борьбу съ ними, и, хотя сами нерѣдко должны были жертвовать спокойствіемъ, честью и жизнію въ этой борьбѣ, однако, успѣвали во время отклонять отъ греческой Церкви, угрожавшую ей опасность со стороны латинства. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ пастырей въ первой половинѣ XVI вѣка былъ Кириллъ—Лукарисъ, патріархъ, сначала александрійской, потомъ константинопольской Церкви. Послѣ пятнадцатилѣтняго управленія александрійскою Церковію, вступивъ въ 1622 году на патріаршій престолъ константинопольскій, Кириллъ Лукарисъ направилъ всѣ свои силы на борьбу съ іезуитствомъ, въ то время сильнымъ въ Константинополѣ. Онъ былъ человѣкъ образованный, много учился, много путешествовалъ по Европѣ въ молодые годы; находился въ сношеніяхъ со многими знаменитыми учеными европейскихъ университетовъ. Онъ понималъ, что успѣхъ іезуитской пропаганды на Востокѣ всего болѣе разсчитанъ на упадкѣ образованія между греками, и потому всячески старался поднять образованіе въ православномъ народѣ, поддерживалъ сношенія съ западно-европейскими учеными,

посылалъ молодыхъ даровитыхъ людей въ западные университеты (изъ нихъ образовались твердые и ученые поборники православія, каковъ напримѣръ былъ одинъ изъ учениковъ Кирилла, Митрофанъ Критопулъ, въ послѣдствіи патріархъ александрійскій). Въ самомъ Константинополѣ Кириллъ основалъ типографію, съ цѣлію печатать въ ней сочиненія противъ латинства, для противодѣйствія сочиненіямъ, распространяемымъ іезуитами; дѣло это поручено было надзору ученаго греческаго монаха Григорія Метаксы. Съ другой стороны, зная, что успѣхъ іезуитства много поддерживается пособіемъ политической силы, Кириллъ старался, съ своей стороны, противопоставить имъ другую политическую силу. Вліяніе іезуитовъ при султанскомъ дворѣ поддерживалось послами католическихъ государствъ—Французскаго и Австрійскаго. Для противодѣйствія имъ Кириллъ сблизился съ представителями протестантскихъ державъ—Англіи и Голландіи. Съ этого времени успѣхи латинства на Востокѣ и самое положеніе православной Церкви въ Греціи много зависѣли отъ того, какая политическая сила брала перевѣсъ при султанскомъ дворѣ, попеременно поддающемся вліянію то католическихъ, то протестантскихъ державъ. Политика Кирилла иногда имѣла такой успѣхъ, что дѣйствія іезуитовъ въ Константинополѣ были совершенно стѣснены, и даже, однажды, въ 1628 году, ему едва не удалось выхлопотать у правительства указъ объ изгнаніи

іезуитовъ изъ Константинополя. Въ свою очередь іезуиты направляли всѣ свои усилія противъ Кирилла; пятнадцать лѣтъ патріаршества Кириллова въ константинопольской Церкви прошло въ непрерывной борьбѣ. Были попытки привлечь Кирилла на сторону папы мирными соглашеніями. Отъ самого папы Урбана VIII былъ подсылаемъ къ нему легатъ Россіи (воспитанникъ коллегіи Св. Аѳанасія) съ предложеніемъ вступить въ союзъ съ Римомъ на условіяхъ флорентійскаго единенія. Но когда эта попытка не удалась, іезуиты повели борьбу съ Кирилломъ въ самомъ Константинополѣ. Четыре раза патріархъ Кириллъ Лукарисъ былъ свергаемъ съ престола и на мѣсто его происками іезуитовъ, были возводимы приверженцы ихъ—Григорій Амассійскій, Кириллъ Контарисъ, Аѳанасій Пателларій. Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ двѣнадцать разъ турецкимъ правительствомъ, которое попеременно поддавалось вліянію то той, то другой партіи, производимы были перемѣны на патріаршемъ престолѣ: то возводимъ былъ Кириллъ Лукарисъ, то кто-либо изъ упомянутыхъ приверженцевъ іезуитской партіи, пока наконецъ іезуитамъ не удалось отдѣлаться отъ Кирилла совершенно. Орудіемъ іезуитскихъ дѣйствій противъ Кирилла былъ прежде всего подкупъ. Зная жадность турецкаго правительства къ деньгамъ, и, пользуясь тѣмъ постыднымъ обычаемъ, что турецкое правительство всегда брало большія деньги при возведеніи новаго патріарха на константино-

польскій престолъ, іезуиты старались возвышать эту позорную цѣну съ тѣмъ, чтобы низвергнуть съ патріаршаго престола своего врага и возвести на него кого-либо изъ своихъ приверженцевъ. А турецкое правительство радо было случаю каждый годъ мѣнять патріарховъ и получать при этомъ новые и все большіе и большіе взносы; плата за патріаршее достоинство достигла до самой высокой цѣны, и патріаршая каѳедра вошла въ неоплатные долги. Другое еще болѣе сильное орудіе, пущенное въ ходъ іезуитами въ борьбѣ съ Кирилломъ, была клевета. Они представляли турецкому правительству въ неблагопріятномъ свѣтѣ сношенія Кирилла съ западными протестантскими учеными,—дружбу его съ англійскимъ и голландскимъ посольствомъ,—обвиняли его въ политическихъ замыслахъ, въ измѣнѣ. Въ проповѣдяхъ, говоренныхъ Кирилломъ, въ сочиненіяхъ, печатавшихся въ его типографіи, они выписывали мѣста, направленныя противъ магометанской религіи и, являясь непризванными ревнителями сей послѣдней, представляли эти мѣста на видъ турецкому правительству. Слѣдствіемъ этого было то, что раздраженные турки разрушили основанную Кирилломъ типографію и едва не убили самого Кирилла за оскорбленіе магометанской религіи. Не довольствуясь наговорами на Кирилла предъ турецкимъ правительствомъ, іезуиты старались оклеветать его предъ самою православною церковію. Сношенія Кирилла съ западными протестантскими

учеными, дружбу его съ послами протестантскихъ государствъ іезуиты старались объяснить тѣмъ, что Кириллъ самъ держится протестантскихъ убѣжденій. Въ 1632 году напечатано было въ Женевѣ, подъ именемъ Кирилла Лукариса „Исповѣданіе вѣры", написанное въ кальвинистскомъ духѣ. Протестанты обрадовались этому сочиненію, видя въ немъ выраженіе сочувствія восточной Церкви къ протестанству и стали поддерживать молву, что это „Исповѣданіе" дѣйствительно написано Кирилломъ. Іезуиты, являясь на этотъ разъ ревнителями уже не магометанства, а православія, обратили этотъ случай въ новое обвиненіе противъ Кирилла. Кириллъ не сталъ гласно протестовать противъ приписываемыхъ ему протестантскихъ воззрѣній, вѣроятно для того, чтобы не потерять поддержки англійскаго и голландскаго посольствъ. При содѣйствіи іезуитовъ, это произвело большую смуту въ восточной Церкви. Многіе изъ православныхъ стали подозрѣвать Кирилла въ не православіи. Въ 1632 году Кириллъ Лукарисъ былъ низвергнутъ съ престола. Поставленный на его мѣсто приверженецъ іезуитовъ, Кириллъ Контарисъ, въ 1635 году, собралъ въ Константинополѣ Соборъ, на которомъ предалъ проклятію кальвинистское исповѣданіе вѣры, и Кирилла Лукариса, какъ его составителя. На другихъ православныхъ Соборахъ, собиравшихся по этому дѣлу (два раза въ Яссахъ подъ предсѣдательствомъ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго въ 1630 году и Парѳенія

константинопольскаго въ 1642 году, и окончательно на іерусалимскомъ Соборѣ подъ предсѣдательствомъ ученаго патріарха Досиѳея) Кириллъ Лукарисъ былъ оправданъ отъ этихъ обвиненій на томъ основаніи, что въ другихъ сочиненіяхъ Кирилла, кромѣ приписаннаго ему „Исповѣданія вѣры“, и въ личныхъ бесѣдахъ его всегда выражалось чистое православное ученіе. * Какъ бы то ни было, Кириллъ Лукарисъ и послѣ 1637 года еще три раза былъ на константинопольскомъ престолѣ, до самой смерти не переставалъ бороться съ іезуитами. Послѣднее обвиненіе іезуитовъ противъ него было основано на томъ, что Кириллъ находился въ сношеніяхъ съ юго-западною Россіею, которая тогда въ церковныхъ дѣлахъ за-

---

* Вопросъ о личныхъ убѣжденіяхъ Кирилла Лукариса до сихъ поръ остается спорнымъ. Католическіе и протестантскіе писатели твердо стоятъ на томъ, что Кириллъ былъ кальвинистъ. Большая часть греческихъ писателей, мнѣніе которыхъ въ этомъ случаѣ имѣетъ, кажется, болѣе основаній, защищаютъ православіе Кирилла. Какъ бы то ни было, если бы на самомъ дѣлѣ личныя убѣжденія Кирилла Лукариса были сомнительны, это не наводитъ никакого пятна на греческую Церковь (какъ этого хотѣлось бы ея западнымъ недругамъ), точно также какъ не бросаютъ ни малѣйшей тѣни на православіе ея интриги Кирилла Лукариса и другихъ подобныхъ ему личностей. Греческая Церковь торжественно нѣсколько разъ засвидѣтельствовала свое отреченіе отъ кальвинскихъ мыслей, выраженныхъ въ „Исповѣданіи“ приписываемомъ Кириллу Лукарису.

висѣла отъ константинопольскаго патріарха. Іезуиты вывели изъ этого такое обвиненіе, что Кириллъ подстрекаетъ казаковъ къ нападеніямъ на Турецкую Имперію. Турецкое правительство повѣрило этому доносу и знаменитый Кириллъ Лукарисъ въ 1638 году былъ въ послѣдній разъ низвергнутъ съ патріаршескаго престола, заточенъ въ крѣпость, удавленъ тамъ и трупъ его былъ брошенъ въ море.

Подобнымъ же образомъ, и послѣ Кирилла Лукариса, іезуиты старались раздѣлываться съ тѣми изъ патріарховъ константинопольскихъ, въ которыхъ видѣли наиболѣе ревностныхъ противниковъ ихъ замысламъ. Такъ, въ 1650 году патріархъ константинопольскій Парѳеній II, по проискамъ іезуитовъ обвиненный въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, отправленъ въ заточеніе, на пути убитъ и брошенъ въ море. Въ 1657 году одинъ изъ іезуитскихъ аббатовъ представилъ визирю письмо патріарха Парѳенія III къ валахскому господарю, въ которомъ патріархъ просилъ господаря прислать денегъ на уплату патріаршаго долга, присовокупляя въ увѣщаніе ему такія слова: „прійдетъ царствіе Божіе, въ которомъ милостивые получатъ воздаяніе.“ Іезуитъ объяснилъ турецкому правительству, что подъ именемъ царствія Божія здѣсь высказывается надежда на русское царство. Вслѣдствіе этого приказано было уважаемаго народомъ патріарха Парѳенія повѣсить на воротахъ Константинополя; опозоренный трупъ его три дня

оставался на глазахъ народа и затѣмъ брошенъ въ море.

Раздѣливаясь подобнымъ образомъ съ своими православными противниками, іезуиты также старались отдѣлаться отъ другой партіи, противодѣйствовавшей имъ—протестантской, которая не мало стѣсняла свободу ихъ дѣйствій въ Константинополѣ. Около 1670 года іезуиты чрезъ французскаго посланника стали хлопатать предъ турецкимъ правительствомъ, чтобы оно выслало изъ своихъ владѣній гугенотовъ, переселившихся отъ гоненій Людовика XIV изъ Франціи въ Турцію. Но турецкое правительство, находя свои выгоды во взаимномъ соперничествѣ католиковъ и протестантовъ, отвѣчало фраацузскому посланнику, что оно согласится выслать гугенотовъ изъ своихъ владѣній развѣ только вмѣстѣ съ іезуитами. Это взаимное соперничество двухъ западныхъ исповѣданій, доходившее нерѣдко до самыхъ мелочныхъ интригъ, унижая ихъ въ глазахъ самой Порты, не мало предохраняло греческихъ христіанъ отъ прельщеній пропаганды того и другаго исповѣданій.

Подъ конецъ XVII и въ началѣ XVIII вѣка іезуитская пропаганда между греками, сирійцами, и въ особенности армянами до того усилилась и сдѣлалась открытою, что само турецкое правительство нашло необходимымъ ограничить ее. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ іезуитскіе коллегіумы были закрыты; іезуитамъ угрожало совершенное изгнаніе

изъ турецкихъ владѣній. Въ 1694 и за тѣмъ въ 1707 годахъ турецкое правительство обнародавало два указа (хатти-шерифъ), въ которыхъ строжайшимъ обвазомъ запрещалась пропаганда латинства; за отступленіе въ латинство въ указѣ 1707 года назначалась ссылка на галеры, а за увлеченіе другихъ въ латинство смертная казнь. Іезуиты старались увѣрять турецкое правительство въ превосходствѣ латинства предъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями, въ особенности предъ такимъ, напримѣръ, какъ армянское монофизитство. Но турецкое правительство, на судъ котораго отдавалось іезуитами сравненіе христіанскихъ исповѣданій, совершенно справедливо съ своей точки зрѣнія отвѣчало имъ: „намъ все равно какъ бы христіане не почитали своего Христа, но іезуиты во владѣніяхъ султана служатъ агентами и шпіонами папы и другихъ враждебныхъ Турціи западныхъ государствъ; они возмущаютъ нашихъ подданныхъ; на нихъ жалуются всѣ восточные христіане—и православные, и армяне и маронпты". Потому и признано необходимымъ ограничить пропаганду латинства.

Тѣмъ, не менѣе, стѣсненная въ Константинополѣ, пропаганда іезуитовъ успѣшно продолжала свои дѣйствія на греческихъ островахъ и въ Малой Азіи. Проповѣдуя христіанство евреямъ и туркамъ въ Малой Азіи, латинскіе миссіонеры всюду старались совращать и православныхъ христіанъ, увѣряя ихъ въ томъ, что римская Церковь буд-

тобы совершенно согласна въ своемъ ученіи съ греческою Церковію и отличается отъ ней только большимъ могуществомъ и большею снисходительностію въ церковныхъ требованіяхъ и предписаніяхъ,—напр. относительно постовъ. По этому случаю патріархи восточные: александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха Іереміи III, и въ присутствіи многихъ греческихъ епископовъ, нашли нужнымъ въ 1672 году, собрать въ Константинополѣ Соборъ. На этомъ Соборѣ осуждено было римское ученіе о главенствѣ папы надъ Церковью христіанскою, о непогрѣшимости папы и его притязаніяхъ на свѣтскую власть. Также осуждены были и другія важнѣйшія нововведенія латинства; прибавленіе къ Символу Вѣры слова „Filioque“, употребленіе опрѣсноковъ въ евхаристіи, причащеніе мірянъ подъ однимъ видомъ, запрещеніе міропомазанія священникамъ, лишеніе причащенія младенцевъ, ученіе о чистилищѣ, постъ въ субботу. На патріарха Іеремію III также сдѣланъ былъ доносъ Портѣ въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, находившимся тогда во враждѣ съ Турціею; вѣроятно это было не безъ содѣйствія іезуитовъ. Турецкое правительство, впрочемъ, не обратило большаго вниманія на этотъ доносъ. Іеремія былъ оставленъ на престолѣ; только долженъ былъ по этому случаю уплатить 50,000 піастровъ штрафа.

Въ половинѣ XVIII столѣтія въ Римѣ особенно

усилились хлопоты о присоединеніи греческихъ христіанъ къ римской Церкви—при папѣ Бенедиктѣ XIV. Выходя изъ того предположенія, что незначительные успѣхи латинской пропаганды на Востокѣ зависятъ отъ того, что римскіе миссіонеры не умѣютъ обращаться съ греческими христіанами, и отталкиваютъ ихъ отъ себя своею жестокостію и нетерпимостью, папа Бенедиктъ XIV училъ своихъ миссіонеровъ обращаться съ греками, какъ можно мягче, и относиться съ полною терпимостію ко всѣмъ греческимъ обрядамъ. Онъ издалъ даже въ 1755 году на этотъ предметъ нарочитую буллу. (Allatae Sunt), въ которой называлъ греческіе обряды достопочтенными обрядами, и старался увѣрить восточныхъ христіанъ, будто римская Церковь всегда относилась съ любовію и уваженіемъ къ ихъ обрядамъ. Льстивыя прельщенія латинства также мало, впрочемъ, имѣли вліянія на греческихъ христіанъ, какъ и прежнія насильственныя дѣйствія его. Между греками въ половинѣ XVIII вѣка до такой степени усилилась опять ненависть къ латинству, что самъ народъ сталъ требовать отъ іерархіи возстановленія употреблявшагося на Востокѣ въ средніе вѣка, и потомъ прекращеннаго, обычая, перекрещивать латинцевъ при обращеніи въ православіе,—чтобы знали латинцы, что въ православной Греціи смотрятъ на нихъ, какъ на некрещенныхъ язычниковъ. Одинъ изступленный монахъ греческій сталъ распространять въ народѣ, что самъ Богъ внушилъ ему про-

повѣдывать о перекрещиваніи еретиковъ обращающихся въ православную вѣру. Патріарха константинопольскаго Паисія II въ 1752 году народъ изгналъ изъ патріаршескаго дома, по подозрѣнію, что онъ благосклонно относится къ латинству. При преемникѣ его Кириллѣ V дѣйствительно возстановленъ былъ опять въ греческой Церкви обычай перекрещиванія латинцевъ, который держится тамъ и до настоящаго времени. А при одномъ изъ преемниковъ Кирилла,—Самуилѣ I (одномъ изъ самыхъ энергическихъ патріарховъ константинопольскихъ) на греческомъ островѣ Хіосѣ, по распоряженію самаго турецкаго правительства, были заперты латинскіе храмы и изгнаны латинскіе миссіонеры.

Таковы были отношенія между греческою и римскою Церквами со времени паденія Константинополя до текущаго столѣтія.

VII

НОВѢЙШІЯ ПРИТЯЗАНІЯ ПАПСТВА НА ВОСТОЧНУЮ ЦЕРКОВЬ ПРИ ПАПѢ ПІѢ IX.

Въ текущемъ XIX столѣтіи особенною ревностію къ распространенію на Востокѣ римскаго вліянія отличается правленіе нынѣшняго папы Пія IX. Хотя, можетъ быть, въ настоящее время, въ

самомъ Римѣ менѣе, чѣмъ когда нибудь, остается надежды на подчиненіе Восточной Церкви римскому господству, тѣмъ не менѣе папа Пій IX, во все свое правленіе, изъ всѣхъ силъ старающійся показывать, что не смотря на жалкое положеніе папства въ настоящее время, онъ признаетъ и удерживаетъ за собою всѣ прежнія права и притязанія своихъ предшественниковъ, старается, подобно имъ, отъ времени до времени заявлять, что римская Церковь и въ настоящее время не оставляетъ властолюбивыхъ притязаній на Восточную Церковь.

Въ самомъ началѣ своего управленія Пій IX, отправляя на Востокъ своего легата архіепископа Иннокентія для переговоровъ съ Портою по дѣламъ политическимъ, вмѣстѣ съ нимъ 6-го января 1848 года послалъ окружное посланіе ко всѣмъ находящимся во владѣніяхъ султана восточнымъ христіанамъ съ приглашеніемъ къ соединенію. Посланіе это было обращено ко всѣмъ христіанскимъ восточнымъ сектамъ, но, главнымъ образомъ, въ немъ имѣлась въ виду православная греческая Церковь. Въ посланіи расточались похвалы просвѣщенію и благочестію древняго православнаго Востока; высказывалась отеческая скорбь о настоящемъ отчужденіи его отъ попеченія и надзора римской Церкви; указывались примѣры, съ какимъ почтеніемъ и любовію древніе знаменитые пастыри Востока относились къ римской Церкви; приводились доказательства въ пользу главенства

папскаго, давнымъ давно извѣстныя и опровергнутыя на Востокѣ, и въ заключеніе высказывалась надежда на поспѣшное и рѣшительное „безъ всякаго отлагательства“ обращеніе восточныхъ христіанъ къ римской Церкви. Надежда эта, однакожъ, не оправдалась. Посланіе папы мало произвело вліянія на восточныхъ христіанъ.

Въ отвѣтъ на папское посланіе константинопольскій патріархъ Анѳимъ, съ подчиненными ему епископами константинопольскаго Собора, составилъ свое *Окружное Посланіе* отъ лица *Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ*. Въ этомъ посланіи тщательно разобраны представленныя папою основанія римскаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и власти папской; римская Церковь за свои нововведенія прямо названа еретичествующею, и посланіе Пія IX подвергнуто Соборному осужденію. Всѣмъ православнымъ христіанамъ внушалось всячески беречься отъ прельщеній папизма, и хранить православную вѣру, по преемству имъ преданную, чистою и неповрежденною, какъ истекла она изъ устъ первыхъ служителей Слова, дабы и въ грядущія поколѣнія передать ее безъ всякаго измѣненія, дабы и онѣ не постыдно и безъ упрека могли говорить о вѣрѣ своихъ предковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самому папѣ въ этомъ посланіи косвенно внушалось, чтобы онъ не надѣялся на успѣхъ своего обращенія къ восточнымъ христіанамъ, что православныхъ христіанъ никто не мо-

жетъ отклонить отъ вѣры ихъ предковъ, подобно тому какъ и предковъ не могли отклонить отъ нея ни какія ихъ прельщенія,—что въ православной Церкви невозможны никакія сдѣлки и соглашенія съ неправославіемъ, такъ какъ въ ней ни патріархи, ни Соборы никогда не могли внести ничего новаго, такъ какъ въ православной Церкви хранитель вѣры есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцевъ, какъ это испытали многіе изъ папъ и латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія нисколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ; напротивъ въ западной Церкви, какъ прежніе папы могли удобно по своему произволу и насильственно вводить разныя новизны, такъ нынѣшнему папѣ, если онъ дѣйствительно ревнуетъ объ истинной вѣрѣ и единеніи Церкви нужно было бы предпринять всѣ возможныя усилія къ тому, чтобы возстановить древнюю чистоту православія. Тогда онъ по истинѣ былъ бы началовождемъ богоугоднаго предпріятія, начальникомъ въ *мирѣ* и епископомъ *въ правдѣ*, и православные епископы готовы были бы не только оказывать ему всякую почесть, воздаваемую его древнимъ православнымъ предшественникамъ, но и лобызать святую руку, отершую слезы матери Церкви. Это посланіе было подписано патріархами александрійскимъ, антіохійскимъ, іерусалимскимъ, двадцатью девятью епископами—членами

константинопольскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго Сунодовъ, и распубликовано во всей православной Восточной Церкви отъ 6 мая 1848 года. Въ Русской Церкви оно также было переведено и напечатано „съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Сунода". *) Кромѣ того написано было на посланіе папы нѣсколько частныхъ опроверженій весьма обстоятельныхъ.

Двадцать лѣтъ послѣ этого папа не дѣлалъ новыхъ обращеній къ Восточнымъ христіанамъ, и только въ своей консисторіи неоднократно высказывалъ жалобы на то, что греки не внялн его отеческому призыву и медлятъ обращеніемъ къ римской Церкви. Въ 1868 году, созывая новый *Вселенскій Соборъ* въ Римѣ, папа 8 сентября опубликовалъ новое посланіе *къ епископамъ восточнаго обряда, не находящимся въ общеніи съ апостольскимъ престоломъ*, въ которомъ онъ съ прежними сожалѣніями о гибельности разрыва церковнаго, но уже безъ всякихъ новыхъ разъясненій своихъ правъ и безъ всякихъ опредѣленныхъ условій относительно соединенія, прямо приглашаетъ восточныхъ христіанъ, *отторгнутыхъ кознями діавола отъ общенія съ святою римскою Церковію, обратиться къ единому твердому и непоколебимому камню, на которомъ Христосъ утвердилъ Церковь, къ средоточію католической истины и*

*) Русскій переводъ посланія въ полномъ его видѣ печатается въ приложеніи къ этой книжкѣ подъ № 2-мъ.

единства, т. е. къ папской власти и римской Церкви, и увѣщеваетъ восточныхъ епископовъ прибыть для возстановленія союза на созываемый имъ Вселенскій Соборъ, подобно тому, какъ нѣкогда греческіе епископы являлись на ліонскій и флорентійскій Соборы. Понятно какое впечатлѣніе должно было произвести на Востокѣ это новое посланіе папы. Константинопольскій патріархъ Григорій, заранѣе узнавшій содержаніе его изъ газетъ, отказался принять его, а посламъ папскимъ явившимся къ нему съ этимъ посланіемъ словесно объяснилъ, что „такъ, какъ папа въ своемъ посланіи не отступается отъ своихъ старыхъ принциповъ, противныхъ Восточной Церкви, а Восточная Церковь тѣмъ болѣе не имѣетъ никакого основанія отступаться отъ своихъ древнихъ началъ, то между ними никакихъ новыхъ соглашеній и переговоровъ быть не можетъ, никакое разсужденіе и согласіе невозможны тамъ, гдѣ нѣтъ взаимнаго расположенія къ нему, проистекающаго изъ согласія убѣжденій. На предложенія папскія Восточная Церковь въ 1848 году дала отвѣтъ, въ которомъ прямо и ясно показано различіе между ея апостольскими началами и принципами Рима. Повторять еще разъ этотъ отвѣтъ значило бы растравлять застарѣлыя раны и раздражать затихшую ненависть. Соединеніе Церквей возможно только подъ условіемъ возвращенія всѣхъ къ древнему каѳолическому православію, отъ котораго мало по малу удалился Римъ, образовавъ пропасть раздѣляющую

его съ православнымъ міромъ нововведенными догматами и правилами, неимѣющими основанія въ священномъ преданіи. Поэтому если западные епископы, имѣя сомнѣніе въ какихъ нибудь изъ своихъ догматовъ, хотятъ собраться, чтобы пересмотрѣть ихъ, пусть они это дѣлаютъ, когда и какъ хотятъ. Но православные христіане не имѣютъ никакого сомнѣнія о преданныхъ имъ догматахъ вѣры; поэтому восточные епископы неимѣютъ никакой надобности ѣхать на Соборъ, созываемый папою, тѣмъ болѣе, что Соборъ, который хотятъ называть *Вселенскимъ*, созывается со всѣмъ не такъ, какъ созывались древніе Вселенскіе Соборы". Въ подобномъ же духѣ отвѣчалъ на приглашеніе папы александрійскій патріархъ.

Во всѣхъ новыхъ обращеніяхъ папы къ восточнымъ христіанамъ замѣчательно то, что римская Церковь доселѣ не оставляетъ своего гордаго самоувѣреннаго тона по отношенію къ восточной Церкви. Папа приглашаетъ къ соединенію греческую Церковь не на правахъ равенства, а на условіяхъ подчиненія; онъ ищетъ въ восточной Церкви не общенія, а господства, и смотритъ на восточныхъ христіанъ и на восточныхъ епископовъ не какъ на братьевъ, а какъ на непокорныхъ подданныхъ, отложившихся отъ его власти; онъ приглашаетъ ихъ собственно не къ братскому соединенію, а къ рабскому подчиненію себѣ. Въ самыхъ сожалѣніяхъ папы о несчастномъ разрывѣ Церквей и о бѣдствіяхъ, постигшихъ послѣ него православный

Востокъ, высказывается несправедливая и обидная для восточныхъ христіанъ мысль, будто не западная, а восточная Церковь была единственною виновницею разрыва и она же несетъ на себѣ всѣ несчастныя послѣдствія его. Подобнымъ отношеніемъ къ дѣлу, подобными приглашеніями къ соединенію римская Церковь, конечно, не можетъ привлечь къ себѣ; скорѣе еще болѣе можетъ возбуждать противъ себя восточныхъ христіанъ. Понятно, что до тѣхъ поръ, пока въ Римѣ неизмѣнится такое отношеніе къ восточнымъ Церквамъ и къ вопросу о соединеніи, никакихъ искреннихъ и серьезныхъ переговоровъ о соединеніи съ римскою Церковію у восточныхъ Церквей быть не можетъ.

Помимо этихъ открытыхъ торжественныхъ приглашеній къ соединенію, которыя въ настоящее время едвали возбуждаютъ какую нибудь надежду на успѣхъ въ самомъ Римѣ и дѣлаются больше для вида и тона, чтобы показать міру, что папа, и, въ настоящее время, при всѣхъ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не падаетъ духомъ и не думаетъ отказываться отъ своихъ прежнихъ притязаній на восточную Церковь, точно также какъ и отъ правъ собирать вселенскіе Соборы и объявлять новые догматы вѣры, въ римской Церкви, въ правленіе Пія IX были придумываемы и даже приводимы въ дѣйствіе и другія мѣры и предположенія къ распространенію папскаго вліянія въ восточныхъ Церквахъ. На такія мѣры не мало

возбуждали римскую Церковь въ послѣднее время отступники отъ православія изъ грековъ и русскихъ, которые сами, сдѣлавшись измѣнниками отечественной вѣры, мечтали и другихъ своихъ соотечественниковъ увлечь въ послушаніе папству.

Въ пятидесятыхъ годахъ ревностнымъ дѣятелемъ по вопросу о соединеніи Церквей явился въ Римѣ знатный и ученый грекъ Питциніосъ, по личнымъ неудовольствіямъ съ патріархомъ константинопольскимъ перешедшій въ Римъ Въ 1853 году онъ представилъ папѣ проектъ, въ которомъ, изобразивъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ жалкое состояніе восточныхъ Церквей, находящихся въ разрывѣ съ Римомъ и непрактичность всѣхъ доселѣ употребляемыхъ мѣръ латинской пропаганды на Востокѣ, предлагалъ новыя мѣры къ возсоединенію Церквей. Въ сущности предложенія Питциніоса мало заключали въ себѣ новаго. Онъ выражалъ ту мысль, что для соединенія Церквей необходимо созвать вселенскій Соборъ, при содѣйствіи кого-либо изъ сильныхъ государей европейскихъ—русскаго императора Николая Павловича или французскаго Наполеона III, такъ какъ и въ древности вселенскіе Соборы созывались императорами. На этомъ Соборѣ должны быть разсмотрѣны и порѣшены догматическія и обрядовыя разности между восточною и западною Церквами. Но прежде вселенскаго Собора, дабы подготовить къ нему христіанъ восточныхъ и за-

падныхъ, необходимо основать восточное христіанское общество, которое бы, имѣя своихъ членовъ на Западѣ и на Востокѣ, содѣйствовало дѣлу Уніи нравственно и матеріально. Папа утвердилъ предложеніе Питциніоса и въ 1855 году открытъ былъ въ Римѣ центральный комитетъ восточнаго христіанскаго Общества, состоящій изъ 12-ти духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, и ученыхъ богослововъ римской Церкви, подъ предсѣдательствомъ самого Питциніоса. Питциніосъ старался дѣйствовать въ пользу Уніи не только личнымъ вліяніемъ, но и ученими сочиненіями. Въ 1855 году издано было имъ въ Римѣ, съ одобренія папскаго, сочиненіе „Восточная Церковь“ (L'église orientale), написанное въ духѣ прежней іезуитско-уніатской ученой школы Льва Аллація съ братіею. Онъ старался показать въ этомъ сочиненіи, что соединеніе восточной Церкви съ римскою не представляетъ никакихъ существенныхъ затрудненій; что восточная Церковь искони находилась въ союзѣ съ римскою, признавала авторитетъ папы и въ другихъ догматахъ была согласна съ римскою Церковію; что причиною раздѣленія Церквей были не какія-либо существенныя догматическія разногласія, а личное честолюбіе патріарховъ греческихъ, каковы были Фотій, Керулларій и др.; что греки и послѣ раздѣленія всегда желали соединиться съ римскою Церковью, и соединились было съ нею на флорентійскомъ Соборѣ, только этому опять помѣшала

гордость и строптивость Марка Ефесскаго; что отдѣленіе отъ римской Церкви принесло грекамъ неисчислимыя бѣдствія въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. При этомъ Питцииіосъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ невѣжество, суевѣріе и нравственный упадокъ своихъ соотечественниковъ, грековъ, продажность, интриганство и различныя злоупотребленія греческой іерархіи и т. д. При всемъ томъ усердіе Питцииіоса мало принесло плодовъ. Къ шестидесятымъ годамъ основанное имъ христіанское восточное Общество потеряло въ Римѣ всякій кредитъ. Самъ Питцииіосъ, пожившій вблизи римскаго двора, разочаровался въ своемъ увлеченіи римскою Церковію. Въ 1860 году онъ издалъ въ Парижѣ новое сочиненіе „Романизмъ“ (Le Romanisme), въ которомъ изобразилъ темныя стороны папства еще въ гораздо болѣе рѣзкихъ чертахъ, нежели въ какихъ описывалъ прежде своихъ соотечественниковъ, грековъ. Главныя положенія этого сочиненія слѣдующія: „существенный характеръ романизма заключается въ стремленіи къ всемірному преобладанію: это стремленіе не есть стремленіе христіанское; между христіанствомъ и романизмомъ такая же противоположность, какъ между свѣтомъ и тьмою. Романизмъ—стремленіе языческое,“ въ первыя времена христіанства онъ ознаменовалъ себя кровавыми преслѣдованіями, воздвигнутыми въ Римѣ противъ христіанъ. Съ раздѣленія Церквей—съ

X вѣка, и, въ особенности, со временъ Гильдебранда, романизмъ утвердился на папскомъ престолѣ и сообщилъ римской Церкви тотъ же характеръ, какой имѣла древняя Римская Имперія. Основныя черты этого характера—насиліе, коварство, ложь, униженіе всякихъ человѣческихъ правъ, подавленіе свободы, употребленіе всевозможныхъ, хотя бы безнравственныхъ средствъ къ распространенію повсюду своего господства. Питциніосъ раскрываетъ эти характеристическія черты романизма въ исторіи Западной Церкви и въ отношеніяхъ ея къ Восточнымъ Церквамъ, и выводитъ отсюда такое убѣжденіе, что здѣсь то и заключается существенное препятствіе къ соединенію Восточной Церкви съ Западною, такъ какъ Восточная Церковь, держащаяся на другихъ началахъ свободы и братства, никогда не можетъ подчиниться насилію римскому. Такое лестное для римской Церкви сочиненіе прежній ревностный прозелитъ ея назвалъ *политическимъ новымъ завѣтомъ христіанства.*

Одновременно съ грекомъ—ренегатомъ много хлопоталъ на Западѣ о присоединеніи къ Риму Восточныхъ Церквей русскій ренегатъ іезуитъ князь Гагаринъ. Вниманіе этого прозелита латинства естественно обращено было болѣе на его соотечественниковъ русскихъ, также какъ у Питциніоса на грековъ. Въ 1856 году онъ издалъ въ Парижѣ брошюру „Станетъ ли Россія католическою?“ („La Russie sera-t-elle-catholique?“) Въ этой

брошюрѣ онъ увѣщеваетъ своихъ соотечественниковъ, русскихъ, принять Унію съ римскою Церковію, такъ какъ эта Унія будетъ весьма выгодна и для русскаго правительства, которое въ католицизмѣ найдетъ вѣрнѣйшее средство противъ всякихъ революціонныхъ замысловъ и для русскаго духовенства, которое въ союзѣ съ Римомъ получитъ больше вліянія и самостоятельности, и, конечно, для самого папы. При взаимномъ соглашеніи папы, Русскаго Императора и Русскаго Сунода, Унія, по мнѣнію Гагарина, не представляетъ никакихъ затрудненій; что касается до разности въ обрядахъ, то папа, конечно, оставитъ русскимъ неприкосновенность ихъ восточнаго обряда, а о разности въ догматахъ нечего и говорить,—она касается только нѣсколькихъ пунктовъ римскаго ученія, относительно которыхъ, притомъ, на древнихъ вселенскихъ Соборахъ, такъ уважаемыхъ русскою Церковію, не было высказано ничего опредѣленнаго; поэтому русская Церковь по отношенію къ этимъ разностямъ можетъ держаться совершенно свободно. Предложеніе князя—іезуита своею нравственною безцеремонностію возмутило многихъ образованныхъ русскихъ людей. Въ отвѣтъ ему, въ нѣсколькихъ статьяхъ и брошюрахъ, было высказано, что руководствоваться въ рѣшеніи вопросовъ религіозныхъ соображеніями выгодъ недобросовѣстно и самыя выгоды, обѣщаемыя Гагариннымъ отъ Уніи, фальшивы; католицизмъ не можетъ назваться охраною государствъ отъ рево-

люціи; напротивъ революціи всего чаще случаются именно въ католическихъ государствахъ, и, между прочимъ, въ собственномъ государствѣ папы; союзъ съ Римомъ не можетъ дать православному духовенству большей самостоятельности, а напротивъ угрожаетъ ему папскимъ деспотизмомъ; соединеніе Церквей ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сдѣлано соглашеніемъ папы русскаго государства и духовенства (если бы таковое и могло состояться), такъ какъ это касается всего православнаго народа, который къ вопросамъ вѣры относится гораздо искреннѣе и серьезнѣе, нежели князь—іезуитъ; въ дѣлѣ соединенія Церквей важнѣйшій вопросъ касается разностей догматическихъ, и этихъ разностей поэтому никакъ нельзя оставлять въ сторонѣ; догматическія нововведенія римской Церкви Восточная Церковь положительно признаетъ произволомъ и заблужденіемъ, противнымъ ученію древней Церкви, хотя объ нихъ и не было прямо говорено на древнихъ Соборахъ; что касается, наконецъ, до разности въ обрядахъ, то и въ этомъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ весьма трудно довѣряться терпимости и добросовѣстности папской, которая всегда на первый разъ обѣщаетъ народамъ, соединяющимся съ римскою Церковію, широкую свободу, а потомъ разными хитрыми и недобросовѣстными мѣрами старается въ нихъ подавлять всякія проявленія свободы.... Эти справедливыя внушенія не охладили въ Гагаринѣ усердія къ уніатской пропагандѣ.

Въ 1862 году онъ опубликовалъ новый проектъ Уніи (L'avenir de l'eglise grecque-unie), въ которомъ обращаетъ свое вниманіе уже не на одну русскую, а вообще на Восточную Церковь. Указывая недостаточность мѣръ, предпринимаемыхъ въ прежнія времена къ распространенію латинства на Востокѣ, онъ предлагаетъ свои мѣры, въ сущности также не новыя, для іезуитовъ. Прежніе латинскіе миссіонеры на Востокѣ, выходившіе съ Запада, мало знакомые съ воззрѣніями и бытомъ восточныхъ христіанъ, по признанію князя Гагарина, не только мало помогали, но иногда и вредили дѣлу Уніи; Гагаринъ рекомендуетъ римской Церкви воспитать новыхъ миссіонеровъ Уніи изъ самихъ же грековъ и на самомъ Востокѣ, дабы потомъ чрезъ нихъ распространять уніатскую пропаганду между ихъ соотечественниками. Для этой цѣли онъ совѣтуетъ открыть въ самомъ Константинополѣ центральную семинарію для образованія уніатскаго клира изъ всѣхъ восточныхъ націй. Настоятелями и учителями въ этой семинаріи должны быть люди, несомнительно преданные римской Церкви, но такіе, которые бы согласились въ виду восточныхъ христіанъ сами во всемъ слѣдовать восточнымъ обрядамъ. Такимъ образомъ они могутъ отклонить отъ себя тѣ подозрѣнія и предубѣжденія, какія имѣютъ восточные христіане противъ латинскихъ миссіонеровъ. Проектъ достойный римской Церкви и ея ревностнаго прозелита!...

Не мало также отъ партіи русскихъ ренегатовъ, перешедшихъ въ латинство, (Голицынъ, Мартыновъ, Шуваловъ), выпущено было другихъ сочиненій по различнымъ богословскимъ и церковно-историческимъ вопросамъ,—съ цѣлію разъяснить восточнымъ христіанамъ, что для восточной и преимущественно для русской Церкви нѣтъ существенныхъ препятствій къ соединенію съ римскою Церковію, такъ какъ въ ней всегда будто бы была склонность къ такому союзу, что въ самыхъ богослужебныхъ книгахъ Восточной Церкви есть доказательства въ пользу латинскихъ догматовъ о главенствѣ папы, объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына, о чистилищѣ, о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, что опредѣленія флорентійскаго Собора обязательны для Восточной Церкви, что Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянскихъ племенъ, были приверженцы римской Церкви, что русская Церковь также основана была римскими миссіонерами и долгое время (вѣка до XV до митрополита Іоны или около того) находилась въ союзѣ съ римскою Церковію и т. д. Всѣ эти мнѣнія, основанныя на самомъ произвольномъ истолкованіи историческихъ фактовъ, много разъ и вполнѣ основательно были опровергаемы православными писателями; тѣмъ не менѣе усердные прозелиты латинства не перестаютъ при всякомъ удобномъ случаѣ распространять ихъ и доселѣ, чтобы колебать совѣсть нетвердыхъ въ вѣрѣ и мало знакомыхъ съ исторіею Церкви сво-

ихъ прежнихъ соотечественниковъ. Не мало также въ первые годы папства Пія IX хлопоталъ въ Римѣ и въ Парижѣ объ усиленіи средствъ латинской пропаганды на Востокѣ одинъ полякъ или точнѣе сказать—ополяченный русскій изъ западнаго края Ипполитъ Терлецкій, въ 1831 году, послѣ неудавшагося польскаго возстанія, бѣжавшій изъ Россіи и сдѣлавшійся за границей уніатскимъ священникомъ. Въ 1846 году онъ прибылъ въ Римъ, и здѣсь, при содѣйствіи нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, русской католички княгини Зинаиды Волконской и нѣкоторыхъ католическихъ епископовъ, представилъ папѣ новый проектъ распространенія Уніи на Востокѣ. Главная причина малыхъ успѣховъ Уніи между восточными христіанами заключалась, по мнѣнію Терлецкаго въ томъ, что въ римской Церкви все еще недостаточно показывалось терпимости къ обрядамъ восточныхъ христіанъ. Нужно, чтобы обряды всѣхъ христіанскихъ восточныхъ обществъ пользовались совершенною равноправностію какъ между собою, такъ и съ римскимъ обрядомъ. На этомъ основаніи, по мысли Терлецкаго, открытъ былъ въ іюнѣ 1847 года *Комитетъ для уравненія обрядовъ*, членами котораго были епископы всѣхъ восточныхъ уніатскихъ Церквей — греко-уніатской, армяно-уніатской, маронитской, мелхитской. Въ такомъ же духѣ Терлецкій предложилъ устроить коллегію для образованія миссіонеровъ на Востокѣ, въ которой бы могли приготовляться къ миссіонерству

способные молодые люди изъ всѣхъ восточныхъ племенъ—изъ грековъ, русскихъ, армянъ, сирійцевъ, коптовъ и т. д. Набравши для своей цѣли довольно денегъ, Терлецкій самъ отправился на Востокъ разыскивать способныхъ молодыхъ людей для приготовленія къ миссіонерству, и щедрыми обѣщаніями успѣлъ привлечь къ этому дѣлу нѣсколько человѣкъ. Революція 1848 года разстроила планы Терлецкаго и помѣшала ему устроить коллегію въ Римѣ. Тогда онъ перенесъ свою дѣятельность въ Парижъ и здѣсь также нашелъ сильныхъ покровителей своему дѣлу въ лицѣ главы польскихъ эмигрантовъ, князя Чарторыйскаго, французскаго графа Монталамбера, парижскаго архіепископа Сибура, знаменитаго проповѣдника Лакордера и др. Въ началѣ дѣло Терлецкаго пошло довольно успѣшно и ему удалось открыть въ Парижѣ свою коллегію, и новый комитетъ для соединенія Церквей, состоящій большею частію изъ проживающихъ въ Парижѣ польскихъ эмигрантовъ. Но потомъ матеріальныя средства Терлецкаго истощились; въ коллегію его никто не шелъ учиться и предпріятіе Терлецкаго также, какъ и предпріятіе Пиччиніоса, надѣлавшее въ началѣ много шуму, кончилось ничѣмъ.

Испытывая неудачи новыхъ проэктовъ и плановъ къ распространенію своего вліянія на Востокѣ, папа Пій IX заботился также и объ усиленіи старыхъ уже испытанныхъ средствъ и ору-

дій латинской пропаганды. Главнымъ изъ такихъ орудій остается доселѣ Congregatio propagandae fidei. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ папа образовалъ особенную коммиссію изъ членовъ пропаганды для обсужденія мѣръ къ успѣшнѣйшему распространенію католицизма на Востокѣ. Коммиссія признала нужнымъ учредить въ Римѣ новую постоянную конгрегацію для спеціальнаго завѣдыванія дѣлами восточной пропаганды. Объ открытіи этого новаго учрежденія папа опубликовалъ особенною буллою 6 января 1862 года. „Съ первыхъ дней нашего первосвященства, говорится въ этой буллѣ, мы обратили свои взоры на Востокъ и пламенно молились благому и милосердному Богу объ утвержденіи въ вѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ единеніи съ апостольскимъ престоломъ, и о возвращеніи въ лоно римской Церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія, тѣхъ восточныхъ христіанъ, которые отъ нея отчуждены... Мы понимаемъ, что наше апостольское призваніе возлагаетъ на насъ обязанность посвящать нашу отеческую заботливость и усугубленныя усилія на духовное благо Востока... Поэтому, будучи въ высшей степени озабочены духовнымъ благомъ восточныхъ христіанъ, и будучи при томъ готовы на всякое предпріятіе для этой цѣли, мы учреждаемъ, нынѣшними своими апостольскими опредѣленіями, постоянную Конгрегацію для спеціальнаго завѣдыванія дѣлами пропаганды въ Восточныхъ Церквахъ. Новая Конгрегація, по усмотрѣнію кардинала—

префекта пропаганды, составится изъ достаточнаго количества кардиналовъ, и будетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ совѣтниковъ и своего секретаря... Съ этою цѣлію признается нужнымъ созвать въ Римѣ нѣсколько духовныхъ лицъ, извѣстнымъ по своимъ познаніямъ въ языкахъ и дѣлахъ Востока, которыхъ содѣйствіе можетъ принести большую пользу новой Конгрегаціи. Конгрегація эта будетъ носить названіе „Конгрегаціи пропаганды для дѣлъ восточнаго обряда“.

Какъ идутъ дѣла этого новаго учрежденія, направленнаго противъ самостоятельности Восточныхъ Церквей, и имѣетъ ли оно какіе нибудь успѣхи мало извѣстно. Папство не перестаетъ обольщать себя надеждами на распространеніе своего вліянія на Востокѣ. На Западѣ отъ времени разглашаютъ слухи, что дѣла римской пропаганды идутъ ревностно и неутомимо, и имѣютъ свои результаты. Тѣмъ не менѣе, помимо частныхъ уклоненій къ католицизму изъ среды православія, возможныхъ конечно между людьми слабо преданными своей вѣрѣ, или увлекающимися какими либо фальшивыми расчетами, вообще говоря, римская пропаганда на Востокѣ теперь менѣе, чѣмъ когда либо, можетъ расчитывать на значительные успѣхи. Если и въ прежнія времени при самомъ блестящемъ развитіи папскаго могущества, и самомъ крайнемъ положеніи православнаго Востока, Восточная Церковь, при помощи Божіей, неизмѣнно сохранила въ продолженіи многихъ вѣковъ свя-

той залогъ православія—твердость вѣры и самостоятельность церковнаго управленія,—то тѣмъ менѣе можетъ надѣяться папство поколебать ея самостоятельность въ настоящее время, когда самостоятельность самаго папства такъ сильно колеблется на самомъ Западѣ Европы.

VIII

ЛАТИНСКАЯ ПРОПАГАНДА ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ СТРАНАХЪ. СТАРАНІЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ О ПОДЧИНЕНІИ ПОДЪ ЕЯ ВЛАСТЬ СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, ПРИ САМОМЪ ОБРАЩЕНІИ ИХЪ ВЪ ХРИСТІАНСТВО.

Еще болѣе, чѣмъ грекамъ, пришлось терпѣть отъ властолюбивыхъ латинскихъ притязаній славянамъ. Славянскія племена, раскинувшіяся на обширнѣйшихъ пространствахъ въ срединѣ между округами константинопольскаго и римскаго патріахатовъ—между Восточною и Западною Церковью, издавна обращали на себя вниманіе той и другой, и въ продолженіе многихъ вѣковъ были предметомъ постоянной борьбы между ними. Славянскія племена обнаруживали особенную склонность къ Восточной Церкви, такъ, что православіе можно назвать по преимуществу ихъ роднымъ любимымъ исповѣданіемъ. Тѣмъ не менѣе Западная Церковь никогда не оставляла надежды и стре-

мленій привлечь ихъ на свою сторону, и въ значительной степени успѣла въ этомъ. Въ самомъ началѣ своей христіанской исторіи, всѣ славяне исповѣдывали православную вѣру съ восточнымъ обрядомъ. Теперь, кромѣ славянъ населяющихъ Россію, цѣлая половина остальныхъ перешла къ Западной Церкви. Въ настоящее время, кромѣ русскихъ, только южные болгары и сербы остаются православными; большая часть западныхъ (поляки, чехи, моравцы, словаки, хорваты) сдѣлались католиками; нѣкоторые, чрезъ католицизмъ, перешли въ протестанство. Такимъ образомъ Западная Церковь въ средѣ славянскаго міра оторвала отъ православія цѣлыя племена—цѣлые милліоны славянскаго населенія. Какимъ образомъ это совершилось? Въ настоящее время, когда наука только что стала обращать вниманіе на исторію славянъ, еще мало разслѣдованы темные пути латинской пропаганды въ средѣ славянскаго міра; тѣмъ не менѣе, по самой обширности результатовъ, достигнутыхъ здѣсь Западною Церковію, можно предполагать, какихъ хитростей, усилій и насилій стоило здѣсь западной пропагандѣ отторженіе отъ православія нѣсколькихъ странъ и народовъ.

Проповѣдь христіанская между славянами, жившими близко къ границамъ восточной и западной Имперіи, начала распространятся очень рано—въ самые первые вѣка христіанской исторіи. И въ то время, когда еще Западная и Восточная Цер-

ковь были совершенно согласны между собою въ своемъ духѣ и въ своихъ вѣрованіяхъ; славяне не дѣлали различія между ними, и принимали христіанство, откуда какому племени было ближе и удобнѣе—славяне, жившіе по берегамъ Чернаго моря и Дуная отъ миссіонеровъ греческихъ, а тѣ, которые жили около Адріатическаго моря—отъ миссіонеровъ латинскихъ. У тѣхъ и другихъ было уже нѣсколько епископскихъ каѳедръ; изъ нихъ восточные примыкали къ округу константинопольскаго патріарха, а западные къ римскому округу.

Христіанство между славянами въ началѣ было очень непрочно. Христіанскія населенія составляли слабое меньшинство среди преобладающаго язычества. Почему христіанство въ то время не было принимаемо у славянъ цѣлыми племенами, существенною причиною этому, между прочимъ, было то, что славяне тогда не слышали христіанской проповѣди на своемъ языкѣ; тѣ изъ нихъ, которые принимали христіанство отъ восточныхъ священниковъ, должны были принимать греческое богослуженіе, а отъ западныхъ—латинское. Славянамъ не хотѣлось подчиняться ни греческому, ни римскому вліянію, и большинство ихъ предпочитало оставаться язычниками; меньшинство, принявшее христіанскую вѣру, было, поэтому, слабо. Почти нѣтъ извѣстій, чтобы славяне—христіане были стѣсняемы въ исповѣданіи своей вѣры своими единоплеменниками славянами—язычниками. Но когда въ ихъ страны приходили новыя силы

ныя варварскія племена, и покоряли ихъ себѣ, они нерѣдко подавляли у нихъ христіанство. Такъ у западныхъ славянъ Паннонскихъ, христіанство въ V вѣкѣ было подавлено гуннами; у южныхъ славянъ придунайскихъ успѣхи христіанства въ VII вѣкѣ были на время задержаны пришлымъ племенемъ болгарскимъ, (болгары пришедшіе въ дунайскія страны отъ береговъ Камы и Волги, были по происхожденію своему не славянскаго племени, и уже, въ послѣдствіи, поселившись между покоренными ими славянами, они слились съ ними).

Въ такомъ положеніи находилось христіанство у славянъ IX вѣка. Съ IX вѣка открылось особенно сильное вліяніе христіанства на славянскія страны—съ Востока и съ Запада. И такъ, какъ въ это время уже начинала обозначаться существенная разность въ характерѣ и направленіи Восточной и Западной Церкви,—Восточная Церковь по отношенію къ славянамъ являлась развивающею, духовнопросвѣтительною, Западная же подавляющею политически завоевательною силою, то славяне съ этого времени стали обнаруживать явное сочувствіе къ Восточной Церкви, а отъ Западной стали отвращаться. На Востокѣ къ славянамъ придунайскимъ христіанство проникало отъ греческой Церкви черезъ частныхъ людей мирнымъ путемъ;—при частыхъ столкновеніяхъ болгаровъ съ греками, отъ греческихъ плѣнныхъ, забираемыхъ въ плѣнъ болгарскими войсками; на-

конецъ, изъ тѣхъ славянскихъ поселеній, которыя сохранили остатки издавна принятаго ими христіанства и подъ владычествомъ болгаровъ, христіянство распространилось въ земляхъ занятыхъ болгарами—незамѣтно, но постоянно, такъ. что къ половинѣ IX вѣка само правительство болгарское, въ началѣ противодѣйствовавшее христіанству, начало склоняться къ нему. На Западѣ—къ паннонцамъ, моравамъ, чехамъ и прибалтійскимъ вендамъ. Христіанство шло отъ Западной Церкви правительственнымъ путемъ, завоевательною политическою силою. Карлъ Великій, усердный приверженецъ и въ тоже время самовластный распорядитель Западной Церкви, другъ и союзникъ папъ, покорившій своей власти германскія племена, и насильственнымъ образомъ утвердившій христіанство у тѣхъ изъ нихъ, которыя доселѣ еще находились въ язычествѣ, захотѣлъ распространить свои завоевательныя и миссіонерскія стремленія и на сосѣдственныя съ ними западныя славянскія страны. Его примѣру слѣдовали его преемники, и съ этого времени западныя славянскія страны стали подвергаться постоянному политическому и религіозному гнету со стороны западной *священной* римской Имперіи, представители которой (западные Императоры), при всѣхъ своихъ нерѣдкихъ частныхъ несогласіяхъ съ папами, считали однакожъ своею обязанностію распространять, сколь возможно далѣе, духовное господство римской Церкви. Въ земляхъ славянскихъ стали появлять-

ся нѣмецкія войска и вмѣстѣ съ ними латинскіе миссіонеры; проповѣдь латинства шла повсюду съ распространеніемъ политическаго вліянія нѣмцевъ въ славянскихъ странахъ. Какъ скоро гдѣ утверждалось господство нѣмцевъ, воздвигались латинскіе храмы, поставлялись латинскіе священники, и даже учреждались цѣлыя епископіи для такихъ славянскихъ странъ (напр. для прибалтійскихъ вендовъ), въ которыхъ еще совсѣмъ не было распространено христіанство (по извѣстному обычаю римской Церкви поставлять епископовъ in partibus infidelium, т. е. для странъ вовсе непринадлежащихъ къ римской Церкви, но въ которыхъ она заранѣе надѣется впослѣдствіи утвердить свое господство). Вожди славянскіе съ своими дружинами, попадавшіе въ плѣнъ къ нѣмцамъ, заставляемы были силою принимать христіанство. Понятно, однакожъ, что такой способъ латинской пропаганды не могъ внушить западнымъ славянамъ расположенія къ римской Церкви. Поэтому не смотря на всѣ старанія западныхъ миссіонеровъ, подкрѣпляемыхъ военною силою,—несмотря и на то, что у западныхъ славянъ была уже достаточно подготовлена почва къ принятію христіанства, и было расположеніе къ нему,—христіанство подвигалось у нихъ очень туго. Славяне, въ особенности прибалтійскіе венды, которые всего болѣе подвергались гнету нѣмцевъ, ожесточенно сопротивлялись распространенію латинства,—убивали латинскихъ миссіонеровъ, изгоняли латинскихъ

священниковъ, неистово ругались надъ христіанскимъ богослуженіемъ, не смотря на то, что духъ религіознаго преслѣдованія вообще былъ чуждъ славянскимъ племенамъ. Славяне видѣли здѣсь не религіозную, а больше политическую борьбу. Отстаивая свое старое язычество противъ латинской пропаганды, славяне вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивали свою народную самостоятельность противъ господства нѣмцевъ.

Между тѣмъ около половины IX вѣка отъ Восточной Церкви, изъ подъ руководства тогдашняго знаменитаго представителя ея, патріарха Фотія, вышли въ среду славянскаго міра два великіе проповѣдника—Св. Солунскіе братья Кириллъ и Меѳодій, которые обратились къ славянамъ съ проповѣдью слова Божія на ихъ родномъ языкѣ; которые составили для славянъ, соотвѣтствующую свойствамъ ихъ языка азбуку; перевели важнѣйшія священныя и богослужебныя книги на славянскій языкъ, и всюду гдѣ ни проповѣдывали, вводили православное богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Радостная вѣсть объ этомъ быстро распространилась по всѣмъ южнымъ и западнымъ племенамъ славянскимъ, и славяне другъ предъ другомъ спѣшили призывать къ себѣ проповѣдниковъ святой истины на родномъ языкѣ. Свв. Кириллъ и Меѳодій сначала насадили христіанство въ южныхъ предѣлахъ Россіи—въ Тавридѣ, гдѣ подъ владычествомъ турецкаго племени хазаръ жили русскія славянскія племена, и около своего род-

наго города Солуня между македонскими славянами. За тѣмъ Борисъ, князь болгарскій, призвалъ къ себѣ Св. Меѳодія, и принялъ отъ него христіанство. Далѣе вѣсть о благословенной дѣятельности святыхъ братьевъ проникла и къ западнымъ славянамъ. И западные славяне такъ несочувственно слушавшіе приходившихъ къ нимъ латинскихъ проповѣдниковъ, теперь сами стали звать къ себѣ проповѣдниковъ съ Востока. Въ 862 году князья моравскіе Ростиславъ и Святополкъ и паннонскій Коцелъ прислали въ Византію просить къ себѣ проповѣдниковъ, которые могутъ возвѣщать славянамъ величіе Божіе на ихъ родномъ языкѣ. Успѣшно распространилась христіанская проповѣдь въ Моравіи и Панноніи и свв. проповѣдники успѣли даже въ короткое время изъ среды самихъ славянъ приготовить себѣ надежныхъ помощниковъ—учениковъ, которые могли бы продолжать ихъ дѣло послѣ смерти ихъ. Отсюда христіанская вѣра проникла въ Богемію (при князѣ Борпвоѣ и его женѣ Людмиллѣ) и на берега Вислы (въ Польшу). И сербы, занимающіе обширное пространство земли между Адріатическимъ моремъ и Дунаемъ (нынѣшнюю Далмацію, Кроацію, Черногорію, Герцеговину, Боснію и собственно такъ называемую Сербію), у которыхъ доселѣ христіанство держалось только по мѣстамъ довольно слабо, услышавъ о славянской проповѣди Свв. Кирилла и Меѳодія, приняли теперь большинствомъ православную вѣру съ славянскимъ богослуженіе-

емъ, вмѣстѣ съ подчиненіемъ вліянію константинопольскаго Императора Василія, македонскаго славянина по происхожденію.

Такимъ образомъ, почти весь славянскій міръ (кромѣ внутреннихъ странъ Россіи и прибалтійскихъ славянъ, до которыхъ не дошла проповѣдь Свв. Кирилла и Меѳодія) огласился звуками православнаго богослуженія на славянскомъ языкѣ.

Въ Западной Церкви не могли не обратить вниманія на быстрые успѣхи христіанской проповѣди между славянами, и папамъ, конечно, очень лестно было воспользоваться плодами проповѣди Свв. Кирилла и Меѳодія, какъ нерѣдко они пользовались плодами проповѣди знаменитыхъ миссіонеровъ, хотя не ими посланныхъ на дѣло проповѣди. По отношенію къ западнымъ славянамъ, папы могли достигнуть этого довольно легко. Кириллъ и Меѳодій, насаждая христіанство въ Панноніи, Моравіи и Богеміи, не старались и не считали себя въ правѣ по іерархическому управленію отторгать эти страны отъ Западной Церкви, въ которой тогда только что начали возникать неправославныя нововведенія, но которая еще не считалась неправославною, и не разрывала союза съ другими православными Восточными Церквами. По вызову папъ, Кириллъ и Меѳодій безпрекословно ходили въ Римъ давать отчетъ въ своей проповѣди и искать защиты противъ интригъ и притѣсненій мѣстнаго нѣмецкаго духовенства. Папы Андріанъ II, Іоаннъ VIII въ свою очередь всячески стара-

лись ласкать Свв. Кирилла и Меѳодія точно также, какъ ласкали они германскаго просвѣтителя Бонифація и скандинавскаго Анегарія, съ расчетомъ пользоваться плодами дѣятельности знаменитыхъ проповѣдниковъ. И хотя проповѣдь Кирилла и Меѳодія, вполнѣ согласная съ духомъ и началами Восточной Церкви, противорѣчила тѣмъ новымъ ученіямъ и стремленіямъ, какія въ то время начинали распространяться на Западѣ, папы намѣренно старались не обращать на это вниманія. Мѣстные нѣмецкіе епископы, ближайшимъ образомъ заинтересованные въ успѣхѣ вліянія надъ славянскими племенами, и глубоко озлобленные быстрыми успѣхами проповѣди Кирилла и Меѳодія въ тѣхъ странахъ, гдѣ они въ продолженіе долгаго времени не успѣли ничего сдѣлать, вступили съ ними въ ожесточенную борьбу, постоянно интриговали противъ нихъ при дворѣ нѣмецкихъ Императоровъ и моравскихъ князей, неоднократно доносили въ Римъ, что Кириллъ и Меѳодій распространяютъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, между тѣмъ, какъ въ Западной Церкви уже начиналъ входить въ силу принципъ не допускать въ церковномъ употребленіи живыхъ народныхъ нарѣчій,—что они учатъ объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца, между тѣмъ, какъ на Западѣ уже начало распространяться чтеніе Символа вѣры съ прибавленіемъ „и Сына“ (Filioque),—что это можетъ имѣть послѣдствіемъ отторженіе западныхъ славянъ изъ подъ власти папской; но папы, которые были

хитрѣе и дальновиднѣе нѣмецкихъ епископовъ, намѣренно, какъ бы не придавали никакого значенія этимъ донесеніямъ и обвиненіямъ и продолжали ласкать солунскихъ проповѣдниковъ, даже сами намѣренно, вопреки своимъ принципамъ, одобряли сдѣланный свв. братьями переводъ святыхъ книгъ на славянскій языкъ, благословляли совершеніе славянскаго богослуженія, высказывали даже сомнѣніе въ законности западнаго прибавленія filioque (Іоаннъ VIII); писали за Кирилла и Меѳодія лестныя ходатайственныя письма къ нѣмецкому Императору, къ паннонскому и моравскому князьямъ; грозили нѣмецкимъ епископамъ запрещеніемъ, если они будутъ притѣснять Св. Меѳодія, и т. д. Слѣдствіемъ всего этого было между прочимъ то, что западныя славянскія страны, съ самаго начала своей христіанской исторіи, стали въ исключительное религіозное положеніе. По духу своего исповѣданія—по неискаженному Символу вѣры, по обрядамъ принесеннымъ отъ Восточной Церкви, по богослуженію на народномъ языкѣ, они внутренно сроднились съ православною Восточною Церковію, но по внѣшнему іерархическому управленію, они стали въ тѣсную зависимость отъ римской Церкви, которая въ то время уже начинала отступать отъ православія, но отъ славянъ, такъ сказать, скрывала свои неправославныя тенденціи

Между тѣмъ, недовольствуясь подчиненіемъ западныхъ славянъ, римская Церковь простирала свои виды и на юго-восточныя славянскія страны,

въ которыхъ издавна христіанство было распространено греческими миссіонерами, и которымъ по самому географическому положенію всего удобнѣе было въ церковномъ отношеніи пристать къ округу константинопольскаго патріарха. Папа Николай I, услышавъ объ обращеніи болгарскаго князя Бориса, завидовалъ тому, что Болгарія присоединилась къ греческой Церкви, и сначала сталъ просить константинопольскаго патріарха Фотія добровольно уступить ему Болгарію на томъ основаніи, что Болгарія, по древнему государственному раздѣленію Римской Имперіи, входя въ составъ иллирійскаго округа, причислялась къ западной половинѣ Имперіи и слѣдовательно къ округу Западной Церкви. Подъ условіемъ уступки Болгаріи папа, между прочимъ, обѣщалъ на первыхъ порахъ признать Фотія законнымъ константинопольскимъ патріархомъ. Но когда патріархъ Фотій высказалъ папѣ, что онъ не намѣренъ и не считаетъ себя въ правѣ уступить римской Церкви Болгарію, въ Римѣ стали громить Фотія анаѳемами, а въ Болгарію изъ Рима стали появляться миссіонеры, которые злонамѣренно старались возбудить болгаръ противъ грековъ, внушая имъ сомнѣнія о законности правъ константинопольскаго патріарха и православія греческихъ обрядовъ, и обѣщали имъ большія политическія выгоды и церковную самостоятельность въ союзѣ съ Римомъ. Болгаровъ на первыхъ порахъ, казалось, не трудно было отвратить отъ греческой Церкви

потому, что болгары часто находились въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ греками, и могли опасаться того, какъ бы чрезъ церковную связь съ Византіею, не подпасть политическому вліянію грековъ. По внушенію римскихъ агентовъ, князь Борисъ рѣшился было изгнать изъ своей земли греческихъ священниковъ и заключить союзъ съ папою. Папа прислалъ въ Болгарію своихъ епископовъ и священниковъ. Замѣчательно, что здѣсь римскіе миссіонеры дѣйствовали совершенно вопреки папской политикѣ, въ то время выказывавшейся въ Моравіи и, Панноніи. Тамъ римская Церковь, полагаясь на іерархическое подчиненіе Риму западныхъ славянъ, и стараясь, какъ можно крѣпче привязать ихъ къ себѣ, позволяла имъ до времени исповѣдывать неповрежденный восточный Символъ, совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ и держаться восточныхъ обрядовъ. Здѣсь напротивъ, расчитывая на племенную непріязнь болгаровъ къ грекамъ и всячески стараясь сдѣлать ее какъ можно болѣе сильною, римскіе миссіонеры (вѣроятно не безъ соизволенія папскаго), на первыхъ же порахъ старались искоренить всякіе слѣды греческаго церковнаго вліянія въ болгарской странѣ. Они сразу стали вводить здѣсь и совершеніе богослуженія на латинскомъ языкѣ, и чтеніе Символа съ прибавленіемъ filioque, и безбрачіе духовенства, и соблюденіе постовъ по западному обычаю, и даже стали вновь муропомазывать болгаръ, уже муропомазанныхъ греческими

священниками, увѣряя ихъ, что муропомазаніе, совершаемое простымъ священникомъ недѣйствительно. Духъ недобросовѣстной и притязательной римской пропаганды скоро сталъ ясенъ для болгаръ; окружное посланіе Фотія, написанное поэтому поводу, раскрыло неправославныя нововведенія Западной Церкви, и князь Борисъ, на дѣлѣ увидѣвшій не искренность папскихъ прельщеній и обѣщаній, рѣшился разорвать союзъ съ Западною Церковію. На константинопольскомъ Соборѣ 869 года при патріархѣ Игнатѣ, не смотря на всѣ возраженія папскихъ легатовъ, новоустроенная болгарская Церковь навсегда закрѣпила духовную связь съ православною Восточною Церковію.

Такимъ образомъ въ церковной исторіи западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ, съ самаго начала ихъ обращенія въ христіанство, обозначилось то различіе, что южные славяне не только приняли православную вѣру отъ Восточной Церкви, но и вступили съ нею въ тѣсный іерархическій союзъ; западные же славяне, хотя также первоначально приняли чистую православную вѣру съ восточными обрядами и славянскимъ богослуженіемъ; но, по іерархическому управленію, примкнули къ римской Церкви, неправославіе которой имъ было мало тогда замѣтно, какъ не вполнѣ оно замѣтно было еще и всему православному Востоку. Слѣдствіемъ этого различія въ дальнѣйшей судьбѣ славянскихъ племенъ было, между прочимъ, то, что южные славяне, находясь въ жи-

вомъ союзѣ всего православнаго восточнаго міра, болѣе и болѣе укрѣплялись въ православіи, несмотря на всѣ происки и усилія латинской пропаганды; западные же славяне, увлекаемые общимъ теченіемъ западно-европейской жизни, болѣе и болѣе стали заражаться неправославіемъ Западной Церкви, несмотря на всю свою непріязнь къ латинству.

IX.

СУДЬБА ХРИСТІАНСТВА У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ ПОСЛѢ СВ. МЕѲОДІЯ. НАСИЛЬСТВЕННОЕ УТВЕРЖДЕНІЕ ЛАТИНСТВА У ПРИБАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ, ПОЛЯКОВЪ, ЧЕХОВЪ, ВЕНГРОВЪ, ХОРВАТОВЪ, ГАЛИЦКИХЪ И УГОРСКИХЪ РУССКИХЪ. ПОСЛѢДСТВІЯ ВЛІЯНІЯ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ ДЛЯ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Послѣ величайшей въ исторіи славянства эпохи Свв. Кирилла и Меѳодія, на время объединившей почти всѣ славянскія племена единствомъ чистой вѣры и духовнаго просвѣщенія, исторія южныхъ и западныхъ славянъ, раздѣленныхъ внѣшнимъ образомъ чрезъ вторженіе мадьяръ въ среду славянскаго міра въ началѣ X вѣка, пошла опять особыми путями. Юго-восточные славяне стали въ живое соприкосновеніе съ православнымъ восточнымъ міромъ; западные славяне не могли не

увлечься общимъ теченіемъ исторической жизни западно-европейскихъ католическихъ племенъ. По своимъ церковнымъ отношеніямъ юго-восточные славяне находились въ живой связи съ греческою Церковью, пребывавшею въ неизмѣнномъ православіи; западные же славяне подчинялись римской Церкви, которая съ X вѣка все болѣе и болѣе отступала отъ православія. Слѣдствіемъ этого было то, что славяне юго-восточные съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе укрѣплялись въ православіи; западные же мало по малу стали поддаваться неправославнымъ римскимъ нововведеніямъ, принимать латинское богослуженіе, вмѣсто славянскаго, западные обряды вмѣсто восточныхъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что это искорененіе православія латинствомъ и въ западныхъ славянскихъ странахъ совершалось медленно и съ большимъ трудомъ. Славяне, изначала полюбившіе православную вѣру съ восточнымъ обрядомъ и богослуженіемъ на родномъ языкѣ, сколько могли, отстаивали свою духовную самостоятельность противъ притязаній латинства; римскія нововведенія утверждались здѣсь съ большимъ трудомъ и позже, чѣмъ во всѣхъ другихъ западныхъ странахъ. Римской пропагандѣ нужно было въ продолженіи многихъ вѣковъ употреблять всевозможныя хитрости и насилія, чтобы привлечь западныхъ славянъ къ католицизму, и при всемъ томъ она далеко не вполнѣ достигла своей цѣли. Немногіе изъ славянъ (поляки, отчасти хорваты) сдѣлались хо-

рошими католиками, горячо преданными римской Церкви; въ большей части другихъ племенъ католицизмъ утвердился непрочно и готовъ былъ колебаться при всякомъ новомъ неблагопріятномъ для Рима движеніи исторической жизни, и почти во всѣхъ славянскихъ странахъ въ большей или меньшей степени сохранились слѣды сочувствія къ православной Церкви, къ восточнымъ обрядамъ, къ богослуженію на родномъ славянскомъ языкѣ. Замѣчательно также и то, что во всѣхъ западнославянскихъ странахъ искорененіе православія латинствомъ шло рука объ руку съ подавленіемъ самой славянской народности. Гдѣ болѣе утвердился католицизмъ, тамъ болѣе измѣнились свойства народнаго характера, народнаго быта, кореннаго славянскаго языка, тамъ болѣе вторгнулось въ народную жизнь славянскую чуждыхъ элементовъ романогерманскаго быта; тамъ менѣе поэтому осталось и залоговъ къ нравственному и политическому возстановленію славянской народности, въ духѣ коренныхъ самостоятельныхъ славянскихъ началъ.

Скорѣе всего католицизмъ утвердился въ тѣхъ западно-славянскихъ странахъ, которыя были дальше отъ восточныхъ Церквей и болѣе находились въ сношеніяхъ съ западно-европейскими романогерманскими государствами, — у прибалтійскихъ славянъ и поляковъ.

Прибалтійскіе славяне—венды, поморяне, стодоряне, бодричи, лютичи и др., занимавшіе боль-

шую часть земель нынѣшняго Прусскаго государства, и бывшіе когда-то самыми богатыми, могущественными и развитыми изъ всѣхъ племенъ славянскихъ, стали подпадать вліянію нѣмцевъ и католицизма, со временъ Карла Великаго, и за тѣмъ постепенно были подавляемы имъ въ продолженіи IX, X и XI вѣковъ. Нѣмецкіе государи посылали къ нимъ вооруженныя войска и вмѣстѣ съ ними латинскихъ проповѣдниковъ, для утвержденія между ними своего религіознаго и политическаго вліянія. Славяне въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ ожесточенно отстаивали свою вѣру и народность, но наконецъ должны были уступить силѣ. Въ XI и XII вѣкахъ земли прибалтійскихъ славянъ были завоеваны сосѣдними католическими владѣтелями: нѣмецкими, польскими, датскими; вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалась въ нихъ и католическая вѣра насильственными средствами. Но утвержденіе католицизма и иноплеменнаго господства сопровождалось здѣсь совершеннымъ паденіемъ славянской народности. Самая энергическая часть славянскаго населенія была истреблена въ вѣковыхъ кровопролитныхъ войнахъ съ нѣмцами за независимость.—Оставшіяся за тѣмъ славянскія семьи и общины, смѣшавшись съ разселившимися между ними нѣмцами, стали постепенно подчиняться вліянію нѣмцевъ, и мало-по-малу совершенно утратили сознаніе самобытности своего племени, народные нравы и обычаи, самый языкъ народный. Слѣды сильной и широко распро-

страненной здѣсь нѣкогда славянской народности сохранились только въ нѣсколькихъ славянскихъ наименованіяхъ мѣстностей и то искаженныхъ нѣмцами, и въ небольшихъ остаткахъ славянскихъ населеній въ нынѣшней Пруссіи и Саксоніи. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы и господство католицизма распространеннаго насиліемъ, утвердилось здѣсь прочно. Въ этихъ странахъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, въ средніе вѣка удерживалась приверженность къ древнимъ языческимъ суевѣріямъ и непріязнь къ латинскому духовенству. Въ XVI вѣкѣ протестантизмъ распространился здѣсь скорѣе всѣхъ другихъ странъ.

Въ Польшѣ начала православія съ славянскимъ богослуженіемъ и восточными обрядами, заложенные при Св. Меѳодіѣ, держались также не долго. Благопріятнымъ временемъ для распространенія православія было здѣсь царствованіе князя Мечислава, который, вступивъ въ бракъ съ чешскою княжною Дубравкою, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Богеміею, тогда православною страною. Но затѣмъ, уже при сынѣ Мечислава и Дубравки, первомъ польскомъ Королѣ Болеславѣ храбромъ, сталъ утверждаться здѣсь католицизмъ. Болеславъ завелъ связи съ нѣмецкими Государями и съ папою. Въ Польшѣ явился изъ Богеміи епископъ Войтѣхъ, ярый проповѣдникъ латинства и гонитель православія во всѣхъ западныхъ славянскихъ странахъ. Съ благословенія папы, въ Польшѣ основаны были латинское епископство въ По-

знани и архіепископство въ Гнѣзнѣ. Послѣдующіе польскіе государи стали еще болѣе сближаться съ западною Европою, и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь болѣе и болѣе распространялся католицизмъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши славянское богослуженіе и восточные обряды держались до XIII и XIV вѣковъ; и вообще Польшу даже до XVI вѣка нельзя было назвать вполнѣ преданною католицизму страною. Здѣсь сохранялась еще въ значительной степени религіозная свобода, съ наклонностью поддаваться всякимъ вліяніямъ враждебнымъ католицизму. Уже съ XVI и съ XVII вѣковъ, съ того особенно времени какъ іезуиты были введены въ Польшу Королемъ Сигизмундомъ III, получили большое вліяніе при дворѣ и захватили въ свои руки воспитаніе польской аристократіи, Польша въ лицѣ высшихъ классовъ своего населенія сдѣлалась самою ревностною болѣе всякихъ другихъ европейскихъ странъ католическою страною, способною къ самому крайнему фанатизму. Въ ней начались ожесточенныя преслѣдованія на всѣ другія христіанскія исповѣданія. Она сдѣлалась разсадникомъ и центромъ латинской пропаганды въ другія восточныя страны, между прочимъ въ Россію. Такое сильное католическое вліяніе и для польскаго народа не обошлось, конечно, даромъ. Поляки не утратили, подобно прибалтійскимъ славянамъ, внѣшнихъ признаковъ славянской народности; за то іезуитское вліяніе въ высшихъ классахъ польскаго населенія воспитало

такія свойства, которыя нравственно исказили ихъ народный характеръ, сгубили политическую жизнь Польши, и поставили поляковъ въ самыя ненормальныя и непріязненныя отношенія къ другимъ славянскимъ племенамъ. Въ Польшѣ развились: крайняя религіозная нетерпимость, чрезмѣрное возвышеніе высшихъ классовъ народа съ крайнимъ униженіемъ и подавленіемъ низшихъ. Кощунственное смѣшеніе религіозныхъ побужденій и интересовъ съ политическими; темное политическое коварство, разрѣшающее пользоваться самыми незаконными и преступными средствами для достиженія задуманныхъ цѣлей—все это не природныя славянскія, а по преимуществу, можно сказать, католическія свойства. Поляки задались призваніемъ быть проводниками западнаго, между прочимъ католическаго, вліянія въ другія славянскія страны, и въ иныхъ случаяхъ стали заявлять себя открытыми врагами національныхъ славянскихъ интересовъ, преслѣдователями своихъ единоплеменниковъ—славянъ. Отсюда происходитъ и ихъ исключительное ненормальное положеніе въ средѣ другихъ славянскихъ племенъ, и особенное сочувствіе къ нимъ со стороны западныхъ, особенно католическихъ народовъ, и ихъ ожесточенная вѣковая вражда съ Россіею—главною представительницею православія и славянской народности на Востокѣ. При всемъ томъ, конечно, и Польшу нельзя еще считать совершенно погибшею для православія и славянства страною. Въ развитіи низ-

шихъ классовъ народа, не столько еще испорченныхъ іезуитскими вліяніями, и въ сближеніи ихъ съ народомъ русскимъ, есть залогъ къ возвращенію польскаго племени въ среду другихъ славянскихъ племенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду православія.

Въ Богеміи православная вѣра съ славянскимъ богослуженіемъ, принятая отъ Св. Меѳодія при князѣ Боривоѣ, держалась уже крѣпче, и только, послѣ многовѣковой борьбы, должна была уступить мѣсто насильственному вліянію латинства. Первые христіанскія князья Богеміи, Боривой и его жена Св. Людмилла, ихъ дѣти Спитигнѣвъ и Вратиславъ и особенно внукъ Св. Вечеславъ были приверженцами православной вѣры; при нихъ совершалась въ Церквахъ богемскихъ славянская служба. По управленію церковному Богемія хотя и подчинялась власти нѣмецкаго регенбургскаго епископа, но главнымъ источникомъ духовнаго просвѣщенія была для ней Моравія, бывшая тогда главнымъ центромъ православія на Западѣ, и имѣвшая своихъ славянскихъ епископовъ. Латинство стало усиливаться въ Богеміи подъ конецъ X вѣка при князѣ Болеславѣ II, когда Богемія стала болѣе втягиваться въ интересы западно-европейской жизни. При немъ открыто было въ Прагѣ, съ благословенія папы, латинское епископство, и основались въ Богеміи первые латинскіе монастыри; при немъ, по повелѣнію папы, въ церквахъ богемскихъ стало распространяться латинское богослуженіе,

на мѣсто славянскаго. Особенно ревностнымъ дѣятелемъ въ распространеніи латинства явился второй пражскій епископъ Адальбертъ или Войтѣхъ, родомъ чехъ—славянинъ, но воспитанный нѣмцами. Онъ всюду искоренялъ православіе наравнѣ съ остатками самаго язычества, и старался распространять латинство не только въ Богеміи, но и въ другихъ сосѣдственныхъ странахъ—у поляковъ, моравцевъ, венгровъ, прибалтійскихъ славянъ, у которыхъ, наконецъ, и жизнь положилъ за свою ревность къ латинству. При всемъ томъ, латинское богослуженіе принималось въ Чехіи съ несочувствіемъ. Чешскіе князья и священники неоднократно просили у папъ разрѣшенія совершать службу по славянски, и, хотя папы этого не позволяли, славянское богослуженіе съ восточными обрядами продолжало держаться въ нѣкоторыхъ чешскихъ Церквахъ. Главнымъ оплотомъ православія былъ здѣсь Еммаусскій монастырь на рѣкѣ Сазавѣ, основанный въ половинѣ XI вѣка замѣчательнымъ чешскимъ подвижникомъ Св. Прокопіемъ Хатунскимъ. Нѣмцы нѣсколько разъ разоряли этотъ монастырь, разгоняли изъ него славянскихъ монаховъ, сожигали славянскія рукописи, и вводили богослуженіе по латинскому обряду. Но преданіямъ Св. Прокопія долго поддерживали въ Еммаусскомъ монастырѣ приверженность къ восточнымъ обрядамъ. Въ концѣ XI вѣка (1096 года) папа Григорій VII окончательно запретилъ въ Богеміи совершеніе славянскаго богослуженія. Но

вытѣсненныя изъ храмовъ славянскія пѣснопѣнія хранились въ памяти народной, и долго еще чешскій народъ, среди непонятныхъ звуковъ латинскаго богослуженія, любилъ повторять родное ему „Господи помилуй“. Въ народѣ хранилась память о старой чистой вѣрѣ Св. Меѳодія, которую онъ различалъ отъ вѣры латинской. Между тѣмъ правительство и высшая іерархія въ Чехіи были уже совершенно на сторонѣ латинства. Въ XII, XIII и XIV вѣкахъ въ Чехіи болѣе и болѣе принимались латинскія нововведенія; распространялись католическіе монастыри; вводилась католическая инквизиція. Въ народѣ на все это смотрѣли съ крайнимъ несочувствіемъ. Почти каждое нововведеніе принималось не иначе, какъ послѣ значительнаго сопротивленія. Такъ обычай безбрачія духовенства былъ введенъ въ Богемію уже болѣе столѣтія спустя послѣ распространенія его въ другихъ западныхъ странахъ, и римской кардиналъ, присланный отъ папы Целистина III для введенія этого обычая въ Чехіи, едва не былъ побитъ камнями. Еще съ большимъ негодованіемъ приняты были въ Чехіи: отнятіе евхаристической чаши у мірянъ, запрещеніе причащать младенцевъ и введеніе инквизиціи. Непріязнь народа къ латинству сказывалась между прочимъ въ томъ, что въ Чехіи съ сочувствіемъ принимались всяческія ученія и секты, враждебныя папству, особенно такія, которыя обращались къ народу съ проповѣдью на народномъ языкѣ. Катары, вальденсы, лоллар-

ды, преслѣдуемые въ другихъ странахъ, находили себѣ убѣжище и сочувствіе въ Чехіи. Наконецъ, когда на Западѣ Европы сдѣлались возможны открытые протесты противъ папства, чехи первые выступили съ сильнѣйшимъ протестомъ въ извѣстномъ гусситскомъ движеніи. Гусситское движенье въ Чехіи имѣло не религіозный только, но и національный смыслъ; чехи возставали въ немъ противъ господства папы, и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ вліянія нѣмцевъ. Съ религіозной собственно стороны въ гусситскомъ движеньи сказывались протестъ противъ католицизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе возвратиться къ древнему православію— къ родной нѣкогда чехамъ и еще не совсѣмъ забытой вѣрѣ Св. Меѳодія. Возставая противъ римской Церкви, чешскіе учители того времени высказывали сочувствіе къ Церкви восточной, и нерѣдко, въ обличенье незаконныхъ нововведеній и притязаній латинства, прямо ссылались на греческіе ученія и уставы. Въ собственныхъ понятіяхъ своихъ о Церкви, объ іерархіи, о таинствахъ, о почитаніи святыхъ, даже въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа гусситы болѣе всѣхъ другихъ западныхъ обществъ приближались къ ученію Восточной Церкви. Наконецъ между чехами обнаружилось прямое желаніе соединиться съ православною Восточною Церковью. Нѣкоторые изъ учителей чешскихъ предпринимали путешествіе на Востокъ, съ цѣлію ознакомиться ближе съ состояніемъ Восточной Церкви. Въ 1450 и 1452 годахъ

чехи посылали посольство въ Константинополь съ исповѣданіемъ вѣры и предложеніемъ соединенія. Въ Константинополѣ одобрили ихъ исповѣданіе, и изъявили радостную готовность принять чеховъ въ общеніе православія. Но несчастныя въ-то время политическія обстоятельства православнаго Востока помѣшали чехамъ соединиться съ Восточною Церковью. Оставшись одинокими на Западѣ съ своими стремленіями и раздѣлившись на нѣсколько партій, они не могли выдержать неравную борьбу со всею латинскою и нѣмецкою Европой, и сохранить свою политическую и религіозную самостоятельность. Папы и западные государи соединенными силами поднимали противъ Чехіи нѣсколько крестовыхъ походовъ. Новыя ученія, распространявшіяся на Западѣ Европы, колебали нравственную самостоятельность убѣжденій чешскихъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ остатковъ гусситской партіи въ такъ называемыхъ „общинахъ богемскихъ и моравскихъ братьевъ“, большая часть чеховъ была снова обращена въ католицизмъ; другая, по несочувствію къ католицизму, пристала къ протестантскому движенію. Чехія сдѣлалась главнымъ поприщемъ ожесточенной борьбы между католичествомъ и протестанствомъ, и болѣе всѣхъ странъ Западной Европы пострадала отъ нея. Наконецъ, съ подданствомъ чеховъ (съ половины XVI вѣка) габсбургскому правительству, которое всегда отличалось особенною приверженностью къ католициз-

му, совершилось въ Чехіи давно желанное папствомъ утвержденіе католицизма. При Императорѣ Фердинандѣ II, послѣ несчастной для чеховъ битвы при Бѣлой Горѣ (8 ноября 1620 года), въ которой чехи въ послѣдній разъ пытались отстоять свою самостоятельность, католическая вѣра была объявлена въ Чехіи не только господствующею, но единственно терпимою. Всѣ члены *Общества братьевъ* были изгнаны изъ Чехіи; протестантамъ объявленъ былъ полугодовой срокъ обратиться въ католицизмъ, или выселиться изъ страны; всѣ храмы были обращены въ католическіе; большая часть знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей чешской страны казнены; другіе бѣжали; имѣнія ихъ конфискованы правительствомъ. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ католицизма, приняты были всѣ мѣры къ подавленію національной самостоятельности чеховъ. Престолъ королевства чешскаго, бывшій доселѣ избирательнымъ, объявленъ наслѣдственнымъ въ фамиліи Габсбурговъ; употребленіе чешскаго языка въ школахъ и судахъ стѣснено; высшія должности въ странѣ замѣщены нѣмцами. Во время тридцатилѣтней войны чешская страна подвергнута была всѣмъ тягостямъ и бѣдствіямъ военнаго насилія, ограблена и разорена. Населеніе страны уменьшилось почти въ четверо; изъ трехъ милліоновъ народа въ Чехіи осталось только восемьсотъ тысячъ. Въ Чехіи вновь было распространено до двухъсотъ католическихъ монастырей. Іезуиты получили сильнѣйшее вліяніе въ

странѣ, захватили въ свои руки народное воспитаніе и направили всѣ силы къ тому, чтобы окончательно подавить въ народѣ сознаніе своей самостоятельности, истребить памятники его древней исторіи и литературы, совершенно передѣлать чешскую исторію на свой образецъ. Такими-то средствами наконецъ Чехія была сдѣлана католическою страною. Но и то, какъ оказалось, не совсѣмъ и не навсегда. Съ конца прошлаго вѣка, когда національность чешская была повидимому совсѣмъ уже убита, и высшіе классы въ ней совершенно уже онѣмечились, благодаря пробудившемуся въ Европѣ стремленію къ возстановленію подавленныхъ національностей и низшихъ классовъ народа, благодаря оживленной и усердной дѣятельности многихъ ученыхъ чешскихъ патріотовъ Добравскаго, Шафарика, Ганки, Палацкаго, Колара и другихъ), въ Чехіи вновь стало пробуждаться сознаніе національной самостоятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу начинаетъ въ ней обнаруживаться и реакція противъ католицизма. Какъ скоро дана была чехамъ большая свобода вѣроисповѣданія, опять появились между ними и протестанты, и приверженцы гусситства, и начинаетъ опять показываться нѣкоторое сочувствіе къ православію. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ народной самостоятельности, католицизмъ долженъ ослабѣвать въ Чехіи болѣе и болѣе; ибо не могутъ чехи долго оставаться искренними привер-

женцами того исповѣданія, которое сдѣлало такъ много зла ихъ народности.

Далѣе къ Югу—въ славянскихъ земляхъ нынѣшней Австрійской Имперіи—тамъ гдѣ было главное поприще проповѣди Свв. Кирилла и Меѳодія, въ Моравіи, Панноніи и близкихъ къ нимъ земляхъ западныхъ сербовъ—въ Кроаціи и Далмаціи—православіе еще дальше и крѣпче выдерживало борьбу съ латинствомъ, и, несмотря на всѣ усилія латинской пропаганды, доселѣ не мало оставило своихъ слѣдовъ. Въ Моравіи и Панноніи, немедленно послѣ смерти Св. Меѳодія, поднялась сильная борьба противъ православія со стороны латинства. Главнымъ представителемъ православія здѣсь былъ Гораздъ, ученикъ Св. Меѳодія, который долженъ былъ остаться послѣ него архіепископомъ въ моравскомъ Велеградѣ; во главѣ латинской партіи стоялъ швабъ Вихингъ, епископъ Нитры, еще при жизни Св. Меѳодія постоянно интриговавшій противъ него, и послѣ его смерти, продолжавшій свою интригу противъ его учениковъ. Вихингъ наклеветалъ моравскому князю Святополку, что славянскіе учителя проповѣдуютъ нечистое ученіе, возмущаютъ народъ, и, получивъ отъ князя дозволеніе, воздвигъ на нихъ жестокое гоненіе. Славянскихъ священниковъ выгоняли изъ домовъ, лишали имущества, сажали въ темницы, мучили, вынуждали отрекаться отъ восточныхъ обрядовъ. Ближайшихъ учениковъ Св. Меѳодія—Горазда, Климента и другихъ послѣ восьмидесяти-

дневныхъ истязаній въ тюрьмѣ, въ сопровожденіи солдатъ, вывели за границу, и прогнали за Дунай разными дорогами (они нашли себѣ пріютъ и покровительство въ православной Болгаріи). Но и послѣ изгнанія учениковъ Св. Меѳодія, нѣмцамъ неудалось скоро истребить здѣсь слѣды его проповѣди. Самъ Вихингъ—врагъ православія и славянства—скоро былъ изгнанъ изъ Моравіи. Въ Моравіи и Панноніи продолжало держаться славянское богослуженіе съ восточными обрядами и славянскою іерархіей. Но въ началѣ X столѣтія моравскіе и паннонскіе славяне потеряли свою политическую самостоятельность. Большая часть ихъ странъ, за исключеніемъ сѣверныхъ областей, отошедшихъ къ Богеміи, были завоеваны венграми—воинственнымъ народомъ чудскаго племени, пришедшимъ съ Востока. Венгры, въ то время, были язычники; но, поселившись между православными славянами, они и сами скоро стали поддаваться вліянію православія. Первые князья венгерскіе—Гюлай, Бульчи, Гейза (около половины X вѣка) приняли христіанство отъ Восточной Церкви. Напротивъ, проповѣдниковъ латинскихъ они старались не допускать въ свои владѣнія, подозрѣвая въ нихъ шпіоновъ германскаго правительства. Сближеніе венгровъ съ нѣмцами и съ латинствомъ началось со времени перваго венгерскаго Короля Св. Стефана (царствовалъ съ 997 до 1038 года), который женился на дочери германскаго Императора Генриха II—Гизели. Гизель была рев-

ностная католичка; вмѣстѣ съ нею пришло въ страну много латинскихъ священниковъ, и она всячески, при помощи интригъ и преступленій, старалась, чтобы престолъ вонгерскій послѣ Стефана былъ занятъ приверженцемъ католицизма. Но когда, по ея интригамъ, владѣтелемъ Венгріи былъ провозглашенъ племянникъ Стефана, сынъ венеціанскаго дожа—Петръ, и съ нимъ еще пришли въ страну итальянскіе священники, венгры взбунтовались, убили князя Петра, прогнали латинскихъ священниковъ, и возвели на престолъ православнаго князя Андрея (1046 г.), взявъ съ него клятву, что онъ не будетъ стѣснять ихъ въ отправленіи прежнихъ обрядовъ. Такъ сильна была между венграми и подвластными имъ славянами приверженность къ православію уже въ половинѣ одинадцатаго вѣка. Такая приверженность не могла скоро ослабѣть, и есть несомнѣнные факты, показывающіе, что въ Венгріи и въ XII вѣкѣ держались и были преобладающими обряды восточные: духовенство было женатое, посты соблюдались строго по восточнымъ обычаямъ, литургія совершалась на квасномъ хлѣбѣ и съ проскомидіей, причащеніе преподавалось подъ двумя видами, святыя иконы и священныя облаченія дѣлались по образцамъ греческимъ, въ монастыряхъ держался греческій уставъ и т. д. Связь съ православіемъ поддерживалась тѣмъ, что короли венгерскіе находились въ близкихъ сношеніяхъ съ императорами византійскими (напр. Бэла III

воспитывался въ Константинополѣ и при воцареніи своемъ далъ обѣщаніе греческому императору Еммануилу Комнину поддерживать православіе въ своей странѣ). Но въ началѣ XIII столѣтія главный оплотъ православія—Константинополь былъ взятъ латинянами—крестоносцами. На Востокѣ, также какъ и на Западѣ, повсюду стало распространяться вліяніе латинской политики. Венгерское правительство не было сильно сопротивляться этому вліянію, и скоро втянулось въ интересы папской политики такъ сильно, что напр. венгерскіе короли Эмерикъ и Бэло IV въ тринадцатомъ вѣкѣ являются уже гонителями православія въ своей странѣ, и изъявляютъ готовность, по внушенію папъ, итти крестовымъ походомъ въ восточныя славянскія страны для распространенія латинства между сербами и болгарами. Народъ, сохранявшій приверженность къ восточнымъ обрядамъ, конечно, не могъ сочувствовать такой политикѣ правительства; тѣмъ не менѣе, однакожъ, латинство, при пособіи политической силы, стало болѣе проникать въ страну. Папы съ XIII вѣка стали употреблять новый пріемъ для привлеченія въ Западную Церковь христіанъ восточнаго исповѣданія. Убѣдившись въ томъ, что прямое и принудительное распространеніе латинскаго богослуженія и западныхъ обрядовъ между этими племенами только болѣе возбуждаетъ ихъ противъ римской Церкви, папы, со временъ Иннокентія III и Латеранскаго Собора 1214 года, стали привлекать

православныя племена тѣмъ, что оставляли имъ до времени и прежніе обряды и богослуженіе на народномъ языкѣ, требовали отъ нихъ только преданности и подчиненія епископамъ, поставляемымъ отъ Рима. Въ будущемъ можно было расчитывать, что эти епископы, постепенно постановляя вездѣ единомысленныхъ съ собою священниковъ, мало по малу будутъ распространять въ народѣ и латинское богослуженіе, и латинскіе обряды. А народъ, мало свѣдующій въ дѣлахъ вѣры, увлекаемый предательскимъ вліяніемъ іерархіи, можетъ и не замѣтить, какъ у него обряды восточные будутъ вытѣсняться западными. Такимъ-то образомъ постепенно латинство было распространено въ странахъ, занятыхъ венграми. Нужно впрочемъ сказать, что и венгры, и живущіе около нихъ славяне, долго не могли сдѣлаться вполнѣ хорошими католиками. Въ этихъ странахъ также довольно сильно сказывалось сочувствіе къ оппозиціи противъ папства, что свидѣтельствовало о нетвердости ихъ католицизма. Въ XVI вѣкѣ Венгрія была сильно волнуема протестантствомъ, социніанствомъ, идеями враждебными папству. Католицизмъ утвердился и здѣсь прочно только тогда, когда Венгрія, вмѣстѣ съ Чехіей, подчинилась власти габсбургскаго правительства и подпала всѣмъ кознямъ и насиліямъ іезуитскаго вліянія. Въ послѣдніе вѣка венгры стали заявлять себя ревностными католиками, и сдѣлались, подобно полякамъ, въ рукахъ нѣмцевъ и іезуитовъ ору-

діемъ къ угнетенію православія и славянской народности въ близъ лежащихъ къ нимъ, и подчиняющихся ихъ вліянію, славянскихъ странахъ.

Подобнымъ же образомъ православіе было вытѣсняемо латинствомъ и во всѣхъ другихъ славянскихъ странахъ, въ различныя времена присоединявшихся къ Венгріи и Австріи. Въ XII вѣкѣ присоединились къ Венгріи земли иллирійскихъ сербовъ, Далмація и Кроація. Здѣсь также была распространена православная вѣра, едвали не ранѣе всѣхъ другихъ племенъ славянскихъ. При Кириллѣ и Меѳодіѣ, эти племена приняли славянское богослуженіе, и, хотя по управленію церковному, причислялись къ округу римскаго папы, тѣмъ не менѣе долго хранили у себя приверженность къ восточнымъ обрядамъ. Здѣсь славянская народность, приверженная къ православію должна была столкнуться уже не съ нѣмецкою, а съ итальянскою народностью, еще болѣе нѣмецкой приверженною къ католичеству. Папы въ X и XI вѣкахъ употребляли всевозможныя усилія къ тому, чтобы утвердить латинство въ Далмаціи и Кроаціи,—собирали Соборы (въ Сплѣтѣ Соборы 925, 928 и 1059 г.), запрещали славянское богослуженіе, запечатывали православные церкви, не позволяли поставлять во священники никого изъ знающихъ славянскій языкъ, посылали архіепископскіе палліумы далматскимъ епископамъ и королевскія короны хорватскимъ князьямъ, подъ условіемъ искорененія въ народѣ обрядовъ не со-

гласныхъ съ обрядами римской Церкви. Но всѣ эти насильственныя мѣры мало имѣли успѣха. Въ XIII вѣкѣ папы вынуждены были дозволить иллирскимъ сербамъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ,—но съ тѣмъ, чтобы книги церковныя были писаны у нихъ не кирилловскими письменами, употреблявшимися у всѣхъ православныхъ славянъ,—но другими, такъ называемыми глаголицкими, въ точности неизвѣстно когда изобрѣтенными, но которыя западная пропаганда въ средніе вѣка избрала средствомъ къ тому, чтобы отвлекать западныхъ славянъ отъ литературнаго общенія съ православными восточными славянами. Глаголицкія письмена въ богослужебныхъ книгахъ мало по малу были измѣняемы латинскими,—потомъ въ самый составъ православныхъ богослужебныхъ книгъ вносились латинскія молитвы и пѣснопѣнія;—наконецъ, славянское богослуженіе и совсѣмъ замѣнялось латинскимъ. Разумѣется, все это могло совершиться не иначе, какъ въ очень продолжительный періодъ времени; и при всемъ томъ латинской пропагандѣ, со всѣми ея хитростями и насиліями, все-таки не удалось обратить въ латинство всѣхъ иллирскихъ сербовъ. Въ Кроаціи и Далмаціи доселѣ существуютъ цѣлыя православныя епископства, въ которыхъ не смотря на всѣ стѣсненныя обстоятельства и совершенное разобщеніе отъ православнаго восточнаго міра, твердо хранится православная вѣра, съ восточными обрядами, съ богослу-

женіемъ на славянскомъ языкѣ—по книгамъ, получаемымъ изъ восточныхъ славянскихъ странъ. Въ самыхъ окатоличенныхъ хорватахъ и далматинцахъ приверженность къ богослуженію на народномъ языкѣ держится еще такъ сильно, что римская Церковь уже въ позднѣйшіе вѣка, даже въ прошломъ столѣтіи, изъ опасенья, какъ-бы хорваты и далматы, по любви къ народному языку, не стали обращаться въ православіе,—неоднократно позволяли дѣлать для нихъ новыя изданія славянскихъ богослужебныхъ книгъ въ *глаголическихъ письменахъ*, и разумѣется съ разными искаженіями.

Точно также дѣйствовала латинская пропаганда между русскими поселеніями, издавна находившимися въ венгерскихъ (угорскихъ) земляхъ, потомъ въ XV и XVI вѣкахъ увеличившимися отъ новыхъ переселенцевъ, приходившихъ сюда изъ западной Россіи отъ притѣсненій литовскаго и польскаго правительства, и въ Галичинѣ (старой Червонной Руси) присоединенной къ Австрійской Имперіи отъ Польши. Русскіе, живущіе въ Угорщинѣ, не смотря на свое разобщеніе съ другими православными восточными церквами и происки латинства, въ продолженіи многихъ вѣковъ, хранили свое православіе. Угорскіе епархіи Пряшевская и Мукачевская только въ прошломъ столѣтіи разными стѣсненіями и обольщеніями были привлечены въ Унію. Въ Галичинѣ хотя стала распространяться Унія

еще со временъ Брестскаго Собора съ конца XVI столѣтія, какъ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ; тѣмъ не менѣе пока Галичина оставалась подъ властью Польши, въ ней еще было православіе довольно сильно; окончательное утвержденіе уніятства и здѣсь послѣдовало уже въ прошломъ столѣтіи, подъ управленіемъ австрійскаго правительства. Римская Церковь, обѣщавшая всѣмъ западно-русскимъ уніатамъ оставить неприкосновенными православные восточные обряды съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они признавали подданство папѣ, тѣмъ не менѣе однакожь всегда сильно старалась въ западно-русскихъ областяхъ и доселѣ старается въ уніатскихъ церквахъ галичины и угорщины постепенно подмѣнять восточные обряды, молитвы, святцы западными. Общая тактика, посредствомъ которой западная пропаганда мало по малу успѣваетъ переводить живущихъ подъ австрійскимъ господствомъ русскихъ изъ православія въ уніатство, а изъ уніатства въ латинство, опять состоитъ въ томъ, что католическое правительство всегда усердно старается высшія іерархическія мѣста въ этихъ странахъ замѣщать своими ревностными агентами; при этомъ иногда такъ бываетъ, что прямо подчиняютъ католическимъ архіепископамъ уніатскихъ епископовъ, а уніатскимъ епископамъ православныхъ священниковъ. Католицизмъ такимъ образомъ незамѣтно распространяется сверху внизъ; архіепископы стараются вездѣ имѣть единомысленныхъ себѣ епископовъ, а епи-

скопы подбираютъ таковыхъ же священниковъ. Народъ, хотя и приверженный къ своей старой православной вѣрѣ, но мало свѣдущій въ дѣлахъ религіозныхъ, и намѣренно оставляемый въ невѣжествѣ католическою іерархіей, самъ того не замѣчая, мало по малу подпадаетъ вліянію латинства. Латинскіе агенты, утверждая въ народѣ уніатство съ примѣсью настоящихъ латинскихъ обрядовъ, тѣмъ не менѣе стараются держать народъ въ такомъ заблужденіи, что это то и есть его старая настоящая православная вѣра, а та напротивъ, которую исповѣдуютъ въ русскомъ государствѣ, есть совсѣмъ другая, не православная, схизматическая, искаженная. Разумѣется, и здѣсь между галицкими и угорскими русскими подавленіе православія вездѣ сопровождается подавленіемъ самой народности русской. Ревностными помощниками іезуитамъ австрійскому правительству въ этомъ дѣлѣ являются поляки и мадъяры.

Такими-то способами римская Церковь успѣла почти всѣхъ западныхъ славянъ, составляющихъ до нынѣ болѣе двадцати милліоновъ населенія, преимущественно въ австрійскихъ владѣніяхъ, славянъ, бывшихъ когда-то православными, составлявшихъ родное давнее достояніе Восточной Церкви, постепенно оторгнуть отъ православія. Многіе изъ нихъ сдѣлались настоящими католиками, болѣе или менѣе ревностными; другіе чрезъ католицизмъ перешли въ протестантство. У иныхъ католической пропагандѣ въ продолженіи нѣсколь-

кихъ вѣковъ удалось заложить только начало перехода къ католицизму,—Унію. Тѣмъ не менѣе, однакожь, при всѣхъ насиліяхъ, при всѣхъ хитростяхъ, латинской пропагандѣ все еще не удалось даже и доселѣ истребить между западными славянами слѣды православія. Въ Далмаціи, въ Кроаціи—между сербами, въ Буковинѣ и Венгріи—между русскими остаются еще православныя епископства. Православные сербы, живущіе въ южныхъ областяхъ Венгріи, и на такъ называемой Военной Границѣ, остаются православными. Во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ существуетъ 13 православныхъ епархій, находящихся подъ верховнымъ вѣденіемъ сербскаго Карловицкаго митрополита, которому недавно австрійское правительство дало титулъ патріарха. Между многими галицкими и угорскими русскими уніатство держится только по неволѣ, а многіе изъ нихъ въ простомъ народѣ даже и не знаютъ, что они уніаты, искренно продолжая считать свою вѣру настоящею православною старою русскою вѣрою.

Въ послѣднее время между всѣми почти западно-славянскими племенами стало обнаруживаться довольно сильное національное движеніе. Стѣсняемые со всѣхъ сторонъ нѣмцами—въ Чехіи и Моравіи, мадъярами—въ Славоніи и Кроаціи, италіянцами—въ Далмаціи, поляками—въ Галичинѣ, увлекаемые съ другой стороны повсюду пробуждающимися идеями свободы и народности, западные славяне почувствовали необходимость сильнѣе укрѣ-

нить основы своей національности и тѣснѣе соединиться между собою. Повсюду распространяется уваженіе къ славнѣйшимъ представителямъ славянской національности въ вѣкахъ древнихъ; стремленіе къ взаимному сближенію, къ изученію родного языка и минувшихъ судебъ славянской исторіи; заводятся національныя школы, ученыя общества, начинаетъ развиваться литература на различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Католическая Церковь не могла, конечно, остаться невнимательною къ этимъ движеніямъ тѣмъ болѣе, что движенія эти обѣщаютъ въ будущемъ принять неблагопріятное для католицизма направленіе. Агенты латинства, гдѣ можно, всячески стараются подавить эти движенія; являются на славянъ первыми доносчиками и стражами предъ правительствомъ; возбуждаютъ опасенія предъ славянскимъ движеніемъ въ общественномъ мнѣніи и западноевропейской политикѣ; болѣе и болѣе направляютъ на славянъ: нѣмцевъ, мадъяръ, поляковъ и наконецъ самихъ славянъ стараются всячески разъединить и перессорить, внушая имъ различныя недоразумѣнія и предубѣжденія другъ противъ друга. Съ другой стороны: тамъ, гдѣ подавить славянское національное движеніе оказывается труднымъ, являются іезуитскія попытки овладѣть этимъ движеніемъ, дать ему католическое знамя, католическое направленіе, обратить его въ пользу католической Церкви. Во главѣ движенія являются помѣстамъ тайные агенты латинства и стараются дать

ему направленіе непріязненное по отношенію къ православному Востоку. На ряду съ добросовѣстными изслѣдованіями древнихъ судебъ славянской исторіи, являются исполненныя всѣми аттрибутами учености, но проникнутыя католическими тенденціями, сочиненія, въ которыхъ исторія славянства представляется въ искаженномъ видѣ. Является въ католической Церкви небывалое доселѣ уваженіе къ чтимымъ всѣми славянами именамъ Свв. Кирилла и Меѳодія; строются храмы; пишутся изслѣдованія; составляются ученыя іезуитскія общества въ честь ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется въ ученомъ мірѣ мнѣніе, что Кириллъ и Меѳодій оставили славянскому міру не ту азбуку, которою пишутся книги у православныхъ восточныхъ славянъ—у русскихъ, сербовъ и болгаровъ— *не Кириллицу, а Глаголицу*, которая издавна служила для римской пропаганды средствомъ къ отторженію западныхъ славянъ отъ Востока и отъ православія. И вмѣстѣ съ тѣмъ между славянами, приверженными къ родному языку и желающими возстановленія его при церковномъ богослуженіи, проводится такая мысль, что теперь уже древне-славянскій богослужебный языкъ Свв. Кирилла и Меѳодія, (который можетъ служить крѣпчайшимъ залогомъ единенія для славянъ западныхъ и восточныхъ) слишкомъ устарѣлъ, что теперь лучше каждому славянскому племени употреблять священныя книги на своемъ мѣстномъ нарѣчіи, чтобы такимъ образомъ между западными

славянами не употреблялись древлеславянскія богослужебныя книги православной Восточной Церкви. Является стремленіе ослабить возникающую самобытную славянскую литературу раздробленіемъ на множество мѣстныхъ отраслей, и тѣмъ вновь разъединить племена славянскія; западныхъ сербовъ стараются увѣрить, что у нихъ языкъ не тотъ, какой у православныхъ восточныхъ сербовъ, и потому имъ нужно имѣть свою особенную литературу *иллирскую*; моравцевъ хотятъ оторвать отъ литературнаго общенія съ чехами; для галицкихъ русскихъ также составляется особенная письменность, особенная литература, чтобы они меньше имѣли общенія съ православною Россіей. Подъ видомъ упрощенія письменности являются попытки для различныхъ славянскихъ нарѣчій составлять новыя азбуки и мѣстное правописаніе, чтобы болѣе вводить умственное разъединеніе въ славянскій міръ. Наконецъ всѣмъ западнымъ славянамъ, при всякомъ удобномъ случаѣ внушается предубѣжденіе противъ православной Россіи и русской Церкви, а также и противъ Церкви греческой. Временно всѣ эти вражескіе обманы и внушенія имѣютъ успѣхъ. Иногда самые замѣчательные дѣятели славянской науки и славянскаго національнаго движенія, (какъ, напримѣръ, знаменитый чешскій ученый Копытаръ, сербскій поэтъ Вукъ Караджичъ, хорватскій публицистъ Гай, большая часть польскихъ писателей) являются вольными и невольными орудіями іезуитскихъ замысловъ.

Тѣмъ не менѣе истина по времени все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ обманами; славянская самобытность развивается; славянское единство крѣпнетъ, и въ будущемъ развитіе славянской самобытности и славянскаго единенія несомнѣнно болѣе обѣщаетъ благопріятныхъ результатовъ для Восточной Церкви, а не для Западной.

X.

ЛАТИНСКАЯ ПРОПАГАНДА ВЪ ВОСТОЧНЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ СТРАНАХЪ—У СЕРБОВЪ, БОЛГАРОВЪ И РУССКИХЪ.

И между восточными славянскими племенами—сербами, болгарами, русскими,—римская Церковь, съ самого начала ихъ обращенія въ христіанство, въ продолженіе многихъ вѣковъ, пыталась распространить свое вліяніе. Для этого она пользовалась своими обычными средствами—старалась привлекать восточныхъ славянъ къ союзу съ западными государями, прельщала князей ихъ царскими коронами и архіереевъ архіепископскими палліумами, возбуждала католическихъ государей къ крестовымъ походамъ на славянскія земли, посылала отряды монаховъ распространять латинство въ славянскихъ странахъ, пользовалась въ особенности политическими несчастіями, которымъ подпадалъ православный Востокъ, указывая ему единственное

спасеніе въ союзѣ съ Западомъ. Но всѣ эти мѣры мало имѣли успѣха. Восточные славяне оставались вѣрны принятому ими православію. Если нѣкоторые изъ государей ихъ, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и не желая раздражать противъ себя европейскій Западъ, выказывали иногда склонность къ союзу съ Римомъ, для народа это имѣло мало значенія. Въ большей части случаевъ восточные славяне выказывали такую твердую приверженность къ православію и такое несочувствіе къ латинству, что скорѣе готовы были подпадать къ самымъ тяжелымъ политическимъ бѣдствіямъ, нежели склоняться на союзъ съ Римомъ. И твердое національное чувство въ этомъ случаѣ не обманывало ихъ. Никакія политическія бѣдствія, никакой гнетъ чужаго и самого варварскаго господства не сдѣлали на Востокѣ столько вреда славянской національности, сколько повредило ей вліяніе латинства на Западѣ. Православіе всегда было для восточныхъ славянъ крѣпчайшею опорою народной самостоятельности,— такъ что они послѣ самаго тяжелаго многовѣковаго рабства вновь могли выступать на поприще исторической жизни съ крѣпкими еще силами, съ надеждами на будущее, не утративъ, подобно западнымъ славянамъ, коренныхъ свойствъ своей народности подъ чуждымъ вліяніемъ. Вмѣстѣ съ православными догматами и обрядами Восточной Церкви всегда сохранялись у нихъ, какъ крѣпчайшіе залоги подкрѣпленія и оживленія народ-

наго духа, богослуженіе на родномъ языкѣ, и національная письменность, завѣщанная отъ первыхъ великихъ учителей славянства—Свв. Кирилла и Меѳодія.

Восточныхъ сербовъ (т. е. населявшихъ нынѣшнее княжество Сербское, Боснію, Герцеговину, Черногорію римская Церковь стала привлекать къ себѣ, вмѣстѣ съ западными сербами, далматскими и хорватскими), какъ только они утвердились въ странахъ, ими занимаемыхъ съ конца VII вѣка и въ началѣ до XII вѣка, когда Сербія еще не имѣла твердаго политическаго устройства и была раздѣлена на множество мелкихъ владѣній, изъ которыхъ одни больше примыкали къ Византійской Имперіи, а другія къ западнымъ государствамъ, римская церковь могла расчитывать между ними на нѣкоторый успѣхъ. Нѣкоторые изъ предводителей и князей сербскихъ, обольщаемые папскими обѣщаніями, находившіе политическія выгоды въ союзѣ съ Западомъ, и опасавшіеся политическаго вліянія Византіи, соглашались признать въ своихъ владѣніяхъ господство папы, удерживая, однакожъ, славянское богослуженіе, принятое при Св. Меѳодіѣ. Такъ въ концѣ XI вѣка Григорію VII удалось склонить на свою сторону сильнѣйшаго изъ властителей сербскихъ, великаго жупана Діоклеи или Зеты (нынѣшней Черногоріи) Михаила Воиславича; архіепископъ Діоклейскій получилъ при этомъ pallium отъ папы. При всемъ томъ сербы болѣе сочувствовали Восточной Цер-

кви, нежели Западной. Во второй половинѣ XII вѣка между сербскими князьями явился человѣкъ рѣшительный и сильный, твердо укрѣпившій православіе въ сербской землѣ и давшій всей исторіи сербской твердое, опредѣленное направленіе—это былъ Св. Стефанъ-Неманя, владѣлецъ не очень значительной доселѣ сербской области—Расы, мало по малу подчинившій себѣ и другихъ сербскихъ властителей. Онъ въ малолѣтствѣ крещенъ былъ латинскимъ священникомъ, но потомъ самъ въ зрѣломъ возрастѣ, по убѣжденію, перешелъ въ православіе, рѣшившись даже принять вновь крещеніе отъ православнаго епископа (какъ было тогда въ обычаѣ въ Восточной Церкви перекрещивать латинцевъ, обращающихся въ православіе). Стефанъ-Неманя ревностно старался искоренять латинство и другія ереси, бывшія въ сербскихъ земляхъ (аріанскую, богомильскую), и утверждать повсюду православіе. Подъ конецъ жизни онъ принялъ монашество на Аѳонѣ съ именемъ Сумеона и послѣ смерти, какъ угодникъ Божій, прославленъ даромъ чудотвореній.

По смерти Св. Сумеона-Немани новыя опасности стали угрожать православію въ сербской землѣ. Между двумя сыновьями его—Волканомъ, владѣвшимъ сѣверо-западными сербскими землями и Стефаномъ, который послѣ отца остался великимъ жупаномъ восточной Сербіи, открылись междоусобія. Волканъ сталъ склоняться къ Западу и получивъ королевскій вѣнецъ отъ папы Иннокентія III,

объявилъ себя приверженцемъ римской Церкви. Стефанъ находясь въ трудныхъ обстоятельствахъ, стѣсняемый братомъ и склоняемый убѣжденіями жены своей, дочери венеціанскаго дожа Дондоло, также вынужденъ былъ, по крайней мѣрѣ, наружно показывать расположеніе къ союзу съ Римомъ. Между тѣмъ православію угрожали опасности на всемъ Востокѣ. Константинополь былъ взятъ крестоносцами, которые старались распространить вліяніе латинства и на сосѣдственныя славянскія страны. Съ сѣвера венгерскіе короли, по внушеніямъ папы, готовы были итти крестовымъ походомъ на южныхъ славянъ. Могущественнѣйшій изъ папъ Иннокентій III заявлялъ открытыя притязанія быть властителемъ всего міра и посылалъ на Востокъ цѣлыя толпы нищенствующихъ монаховъ, только что образовавшихся тогда, и пламенѣвшихъ всѣмъ усердіемъ къ папству. Въ это время, повидимому, папству былъ самый благопріятный случай подчинить своему вліянію Сербію вмѣстѣ съ другими восточными странами. Спасителемъ религіозной и національной самостоятельности сербскаго народа явился въ это время третій сынъ Стефана-Немани, Ростиславъ, съ юныхъ лѣтъ принявшій иночество на Аѳонѣ подъ именемъ Саввы. Узнавши объ опасностяхъ, грозившихъ отечеству, Св. Савва оставилъ свое уединеніе, перенесъ въ Сербію мощи уважаемаго народомъ, отца своего Св. Симеона Мироточиваго, примирилъ братьевъ— Стефана и Волкана, убѣдилъ того и другаго от-

стать отъ союза съ латинянами и прошелъ всю Сербію съ проповѣдью православія. Отвлекая народъ отъ Запада, Св. Савва старался тѣснѣе сблизить его съ православнымъ Востокомъ, и для этого поддерживалъ постоянныя сношенія съ греческою Церковію, съ Палестиною, съ Аѳономъ. Дабы неудобства сношеній съ греческимъ патріархомъ, переселившимся по взятіи Константинополя крестоносцами въ Никею, или племенныя предубѣжденія противъ грековъ, не возбуждали благопріятныхъ для латинства недоразумѣній между сербскою и греческою Церквами, Св. Савва убѣдилъ никейскаго патріарха согласиться на то, чтобы сербская Церковь, оставаясь православною, имѣла свое отдѣльное отъ греческой Церкви управленіе. Патріархъ Германъ его самого посвятилъ первымъ самостоятельнымъ архіепископомъ сербскимъ. Дабы неустройства церковныя и недостатокъ образованія въ духовенствѣ и народѣ не облегчали западной пропагандѣ путь къ распространенію вліянія между сербами, Св. Савва старался устроить внутренній порядокъ церковный и возвысить образованіе въ сербскомъ народѣ. Дабы, наконецъ, сербскіе князья не соблазнялись къ латинству блескомъ королевскихъ коронъ, разсылаемыхъ изъ Рима, Св. Савва вопреки распространившемуся тогда по всей Европѣ предразсудку, будто только папа можетъ давать царскія короны, самъ короновалъ старшаго брата своего Стефана порвовѣнчаннымъ королемъ Сербіи и установилъ, чтобы и на будущее время

сербскіе государи были вѣнчаемы на царство сербскими же архіепископами. Народъ сербскій Св. Савву за его великія заслуги Церкви и отечеству достойно называетъ своимъ просвѣтителемъ и почитаетъ, какъ великаго угодника Божія, не престающаго и послѣ смерти быть заступникомъ и покровителемъ сербской земли. Послѣ Св. Саввы православіе все болѣе и болѣе утверждалось въ Сербіи и политическое могущество ея возрастало. Преемники Стефана Первовѣнчаннаго, короли сербскіе—Владиславъ, Урошъ Великій, Милутинъ, Стефанъ Деганскій (всѣ они признаются святыми въ сербской Церкви) отличались усердіемъ къ православной Церкви, строили храмы и монастыри, дѣлали богатыя пожертвованія не только въ Церкви сербскія, но и въ чужія православныя страны—на Аѳонъ и въ Палестину, старались поддерживать православіе и въ западныхъ сербскихъ странахъ, поддающихся вліянію латинства—въ Далмаціи и Дубровникѣ (Рагузѣ). При послѣднемъ сильномъ сербскомъ государѣ изъ рода Неманичей—Стефанѣ-Душанѣ (въ половинѣ XIV вѣка) Сербія достигла высшей степени политическаго могущества и полной церковной самостоятельности; въ сербской Церкви явились свои патріархи. Въ это время папамъ трудно было расчитывать на успѣхъ своего вліянія въ Сербіи. Между тѣмъ, однакожъ, они не оставляли своихъ притязаній на нее, и при всякомъ удобномъ случаѣ предлагали сербскимъ государямъ соединеніе съ римскою Церковію. Такъ,

въ концѣ XIII вѣка и въ началѣ XIV вѣка, послѣ неудавшейся въ греческой Церкви ліонской Уніи, папы старались завязать сношенія съ сербскимъ королемъ Милутиномъ, когда у него возникли несогласія съ старшимъ братомъ Драгутиномъ, и когда замѣтили, что эти сношенія мало имѣютъ успѣха, стали возбуждать королей сицилійскаго и венгерскаго къ крестовому походу на Сербію. Милутинъ, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, поддерживалъ переписку съ папою, но не придавалъ ей никакого значенія, оставаясь до конца жизни преданнымъ православной Церкви, и заботясь о поддержаніи православія даже во всѣхъ окрестныхъ земляхъ. Въ половинѣ XIV вѣка, когда турки стали вторгаться въ Европу,—папы, при содѣйствіи венгерскаго короля Людовика, старались возбудить Стефана-Душана къ крестовому походу на турокъ. Душанъ, имѣвшій виды утвердить свое господство на всемъ юго-востокѣ Европы, не прочь былъ воспользоваться помощью съ Запада противъ турокъ, но на столько далекъ былъ чрезъ политическій союзъ входить въ какія нибудь религіозныя сдѣлки съ латинствомъ, что подданныхъ своихъ, осмѣливающихся принять латинство лишалъ гражданскихъ правъ, а распространителей латинства опредѣлялъ ссылать въ рудокопни. (Между тѣмъ лживые латинскіе писатели не перестаютъ до настоящаго времени увѣрять будто сербскіе короли Милутинъ и Стефанъ-Душанъ находились въ религіозномъ союзѣ съ римскою Церковію). Когда

послѣ Душана (въ концѣ XIV вѣка и въ началѣ XV вѣка), Сербское царство стало ослабѣвать и турки болѣе и болѣе утверждались въ Европѣ, для папъ настало болѣе благопріятное время склонять сербовъ, вмѣстѣ съ греками, къ союзу съ римскою Церковію, обѣщаніемъ помощи противъ турокъ. Но большая часть сербовъ, также какъ и грековъ, скорѣе готовы были подпасть подъ политическое господство турокъ, нежели согласиться на религіозный союзъ съ Римомъ. Послѣдній сербскій властитель, Юрій Бранковичъ, послѣ флорентійскаго Собора, согласился было вступить въ союзъ противъ турокъ съ венгерскимъ королемъ Владиславомъ и воеводою Гуніядомъ; но когда сообразилъ, что этотъ союзъ заправляется папскими агентами и направляется къ распространенію латинства на Востокѣ, то самъ перешелъ на сторону турокъ, убѣжденный, какъ говоритъ сербское преданіе, что отъ турокъ сербамъ болѣе можно ожидать религіозной терпимости и уваженія къ православію, чѣмъ отъ католиковъ. Наконецъ, когда турки заняли уже почти весь юго-восточный полуостровъ Европы и Сербія теряла послѣдніе остатки своей самостоятельности, сербская княгиня Елена рѣшилась предложить свои земли въ полное подданство папѣ и вступить въ союзъ съ римскою Церковію на условіяхъ флорентійскаго договора. Но сербы возмутились противъ такого рѣшенія, сами призвали въ свои владѣнія турокъ, и княгиня—преда-

тельница должна была удалиться изъ своей земли на Западъ.

Послѣ паденія Сербскаго царства, латинская пропаганда, хотя и продолжала раскидывать свои сѣти между сербами, также мало имѣла успѣха. Понятіе о православной вѣрѣ у сербовъ слилось съ самымъ понятіемъ о сербской народности. У нихъ только того и называютъ сербомъ, кто исповѣдуетъ православную вѣру; серба, принявшаго латинство, такъ и называютъ латиняномъ, а принявшаго магометанство туркомъ, и на самомъ дѣлѣ сербы, дѣлающіеся латинянами или магометанами, скоро какъ бы перестаютъ быть сербами; теряютъ свойства своей народности, и какъ ожесточенные ренегаты, дѣлаются злыми врагами своихъ прежнихъ единоплеменниковъ. Приверженность къ православію до настоящаго времени держится крѣпко, какъ у тѣхъ сербовъ, которые остаются подъ турецкимъ господствомъ—въ такъ-называемой Старой Сербіи и Герцеговинѣ, такъ и у тѣхъ, которые, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, освободились отъ турокъ и образовали самостоятельное сербское княжество, и еще болѣе у сербовъ черногорскихъ, которые составляли небольшое владѣніе, управлявшееся до послѣдняго времени князьями-епископами, успѣвали въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій отстаивать свою независимость и отъ турокъ, и отъ австрійцевъ, и отъ козней папской пропаганды. Въ концѣ XVII вѣка 37.000 сербскихъ семействъ вмѣстѣ съ пра-

вославнымъ сербскимъ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ, отъ притѣсненій турецкихъ, рѣшились переселиться въ австрійскія владѣнія. Австрійское правительство предоставило имъ поселиться на такъ-называемой Военной Границѣ и въ южныхъ областяхъ Венгріи, съ обѣщаніемъ свободы вѣроисповѣданія и неприкосновенности національныхъ правъ. Здѣсь сербы еще болѣе должны были подвергнуться вліянію латинской пропаганды. Тѣмъ не менѣе они сохраняютъ свое православіе и даютъ опору для поддержанія православія и тѣмъ своимъ единоплеменникамъ, которые составляютъ остатокъ православія въ олатыненныхъ западно-сербскихъ странахъ—Кроаціи и Далмаціи.

Только въ одной изъ южно-сербскихъ областей латинской пропагандѣ удалось имѣть довольно значительные успѣхи—въ Босніи. Боснія издавна въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ болѣе другихъ областей была разъединена съ прочими сербскими православными землями. Православіе распространилось здѣсь въ тѣже времена, какъ у другихъ сербовъ, но издавна было стѣсняемо различными ересями. Здѣсь держались долго остатки язычества и были сильны аріанство и богомильство. Изъ самихъ бановъ и кралей Босніи нѣкоторые покровительствовали богомильству. Св. Стефанъ-Неманя, подчинивши себѣ земли боснійскихъ сербовъ, старался искоренить между ними ложныя ученія и утвердить православіе. Но, когда послѣ его смерти, Боснія опять отдѣлилась отъ Сербіи,

православіе опять стало здѣсь ослабѣвать. Между тѣмъ папство, мало имѣя успѣха между твердыми въ православіи жителями восточной Сербіи, направило свою пропаганду, по преимуществу, на Боснію и на нее же направило политическую силу своихъ ревностныхъ приверженцевъ—венгерскихъ королей. Босняки, частію по собственной нетвердости въ вѣрѣ, частію по причинѣ стѣсненій отъ венгровъ, стали большими массами принимать католичество. Но какъ не твердо было ихъ обращеніе къ католичеству, оказалось въ послѣдствіи. Когда турки въ концѣ XV вѣка утверждали свое владычество между юго-восточными славянскими племенами и угрожали венгерскимъ и австрійскимъ владѣніямъ, папы, обнадеженные подданствомъ послѣдняго боснійскаго короля Стефана Томашевича, стали призывать босняковъ къ крестовому походу противъ турокъ. Но совершенно напрасно; босняки возмутились, убили своего краля—латынянина, сами призвали въ свои земли турокъ, передали имъ до 70 крѣпостей, и многіе изъ католицизма и богомильства перешли въ магометанство. Здѣсь и въ настоящее время населеніе раздѣляется почти поровну между православіемъ съ одной стороны, и католицизмомъ и магометанствомъ съ другой. Католическая пропаганда и теперь здѣсь дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сербскихъ областяхъ.

Въ сербскихъ земляхъ, въ настоящее время пользующихся независимостью, т. е. въ княже-

ствахъ—Сербскомъ и Черногорскомъ, надежды папства въ послѣднее время нѣсколько оживлены тѣмъ, что правительства этихъ областей стали болѣе сноситься съ западными государствами, поддаваться вліянію западно-европейской политики и цивилизаціи, посылать молодыхъ людей для образованія въ западно-европейскіе университеты, принимать съ себѣ иностранцевъ. Западная пропаганда, привыкшая пользоваться всякими средствами къ распространенію своего вліянія, можетъ видѣть въ этомъ благопріятныя условія къ тому, чтобы поколебать въ сербахъ ихъ исконную преданность къ православію. Но нужно надѣяться, что сербы, не поддававшіеся прельщеніямъ католицизма прежде, будутъ остерегаться ихъ и теперь. Обязанные православію сохраненіемъ народной самостоятельности въ самыя тяжкія времена своей исторической жизни, они, конечно, не станутъ измѣнять ему; напротивъ, будутъ стараться о возвращеніи къ нему отпадшихъ братьевъ своихъ, когда ихъ политическая самостоятельность получитъ болѣе прочности, и единство національное для укрѣпленія своего будетъ существенно нуждаться въ единствѣ религіозномъ.

Болгаровъ римская Церковь старалась привлечь къ себѣ, при самомъ обращеніи ихъ въ христіанство. Иза-за нихъ главнымъ образомъ произошли споры и столкновенія съ константинопольскою Церковію при патріархѣ Фотіѣ. Притязанія римской Церкви тогда потерпѣли неуспѣхъ. Болгар-

скій царь Борисъ, на нѣкоторое время склонившійся было къ Риму, и призвавшій къ себѣ латинскихъ священниковъ, скоро разочаровался въ папствѣ, прогналъ опять латинскихъ священниковъ, обратился къ константинопольской Церкви, и, для наставленія народа въ вѣрѣ, призвалъ вновь епископовъ и священниковъ изъ Греціи. Подъ конецъ его продолжительнаго царствованія, ему въ особенности помогали утвердить православіе въ болгарской странѣ, устроить Церковь и приготовить для болгаръ священниковъ изъ среды ихъ же самихъ—ученики Св. Меѳодія, изгнанные изъ Моравіи—Гораздъ, Наумъ и въ особенности Св. Климентъ, епископъ величскій. Православіе послѣ этого твердо стало въ болгарской землѣ. Тѣмъ не менѣе папы не оставляли своихъ притязаній на нее, и въ продолженіи IX и X вѣковъ еще нѣсколько разъ пытались засылать въ Болгарію своихъ легатовъ съ предложеніемъ соединенія къ царю Борису, сыну его и преемнику Симеону, и внуку Петру Симеоновичу. Въ граматахъ своихъ къ болгарскимъ царямъ папы расточали увѣренія, что болгарская Церковь, по канонамъ церковнымъ, должна причисляться къ округу римской Церкви; что только въ союзѣ съ нею болгарская Церковь можетъ получить твердость и самостоятельность; что напротивъ союзъ съ греческою Церковію угрожаетъ болгарамъ утратою чистой вѣры и народной самостоятельности; что константинопольская Церковь даже и незаконно усвояетъ себѣ титулъ па-

тріаршій, что только римскій папа можетъ даровать владѣтелямъ болгарскимъ царскій вѣнецъ и т. д. Но всѣ эти прельщенія мало имѣли успѣха. Болгарскіе цари поддерживали вѣжливую переписку съ папами, но далеки были отъ склонности къ римской Церкви, уже начинавшей тогда заражаться разными заблужденіями. Болгарское царство при Царяхъ Семеонѣ и Петрѣ, и безъ помощи папской сдѣлалось могущественнымъ; болгарская Церковь получила самостоятельность, архіепископъ болгарскій сталъ называться патріархомъ. Духовное образованіе изъ Греціи широко распространилось въ Болгаріи и скрѣпляло ея союзъ съ греческою Церковію; у болгаровъ явились свои замѣчательные писатели и великіе подвижники. Папству въ это время трудно было распространить свое вліяніе въ болгарской землѣ.

Болѣе надеждъ для него открылось тогда, когда Болгарія разстроенная внутренними междоусобіями, утратила свою политическую самостоятельность и подпала подъ власть грековъ (въ XI столѣтіи). Греки много стѣсняли болгаровъ; старались подавить у нихъ самостоятельность въ политическомъ и церковномъ отношеніи; въ Церкви болгарской на мѣсто природныхъ болгаръ, поставляемы были архіереи изъ грековъ. Болгары за это были ожесточены противъ грековъ и искали случая отдѣлиться отъ нихъ. Въ концѣ XII вѣка, когда Византійская Имперія разстроенная междоусобіями при послѣднихъ государяхъ династіи Комненовъ и

Ангеловъ, стала ослабѣвать, болгары освободились отъ нея подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Асѣней. Старшій братъ Іоаннъ—Асѣнь или Іоанникій объявилъ себя царемъ болгарскимъ, и старался всячески укрѣпить возстановленную болгарскую державу. Кругомъ нея всюду распространялось латинское вліяніе. Константинополемъ завладѣли крестоносцы; въ Сербіи дѣятельно распространялась пропаганда латинства; венгерскіе короли сдѣлались ревностными поборниками и исполнителями папскихъ замысловъ; даже греческіе государи, жившіе въ Никеѣ, находили нужнымъ изъ политическихъ соображеній отъ времени до времени ласкать папу надеждою на соединеніе. Иннокентій III и въ Болгарію засылалъ легата за легатомъ съ предложеніемъ соединенія царю Іоанникію. Іоанникій тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость (наружно) склониться на предложеніе папы, чѣмъ болѣе сознавалъ на первыхъ порахъ слабость своей, только что возстановленной державы, и силу окружающаго его со всѣхъ сторонъ латинскаго вліянія. Вслѣдствіе этого Іоанникій рѣшился на союзъ съ римскою Церковію, и въ сентябрѣ 1203 года, въ Терновѣ—столицѣ новаго Болгарскаго царства, была торжественно провозглашена Унія, а въ мартѣ 1204 года легатъ папскій короновалъ Іоанникія, привезеннымъ изъ Рима царскимъ вѣнцемъ. На народъ это, конечно, не имѣло вліянія, и самъ царь поддерживалъ Унію только до тѣхъ поръ, пока это ему нужно было

для огражденія своей неукрѣпившейся державы отъ крестоносцевъ и венгровъ. Когда же Болгарія укрѣпилась и царь Іоанникій испыталъ свои силы, разбивъ при Адріанополѣ войско крестоносцевъ, и взявъ въ плѣнъ самого латинскаго Императора Балдуина, отъ Уніи съ Римомъ не осталось въ Болгаріи слѣдовъ. Въ другой разъ въ Римѣ явилась надежда на присоединеніе болгарской Церкви при преемникѣ Іоанникія, Кало-Іоаннѣ II. Поводомъ къ этой новой Уніи были опять опасности отъ венгровъ и нѣкоторыя несогласія съ греческою патріархіей, находившеюся въ Никеѣ. Болгары издавна тяготились зависимостью отъ греческой патріархіи и желали самостоятельнаго церковнаго управленія. Съ завоеваніемъ Константинополя отъ крестоносцевъ, церковное подчиненіе грекамъ было для болгаръ тѣмъ тяжелѣе, что сношенія болгарской Церкви съ никійскимъ патріархомъ были неудобны, и Болгарское царство сдѣлалось само могущественнѣе греческаго. Поэтому Кало-Іоаннъ сталъ требовать у греческой патріархіи, чтобы она отказалась отъ своихъ правъ на болгарскую Церковь. Греки не хотѣли согласиться на эти требованія. Папа, узнавъ о несогласіяхъ болгарскаго царя съ греческимъ патріархомъ, сталъ подсылать къ нему своихъ легатовъ. Между тѣмъ фанатикъ венгерскій король Бэла IV угрожалъ идти крестовымъ походомъ на *схизматическую* Болгарію. Кало-Іоаннъ, чтобы отклонить отъ своей земли нашествіе венгровъ и вынудить

грековъ къ согласію на свои требованія, далъ видъ, что склоняется на Унію и завелъ сношенія съ римскимъ дворомъ. Тогда никейскій патріархъ Германъ согласился признать право независимаго патріарха за архіепископомъ терковскимъ Іоакимомъ. Сношенія съ Римомъ были прекращены и болгарская Церковь, съ полученіемъ полной самостоятельности, стала еще тверже въ своемъ православіи. Въ послѣдующія времена папы также не оставляли своихъ видовъ на Болгарію и пользовались всякими случаями къ распространенію въ ней своего вліянія. Но опять также мало имѣли успѣха. Такъ въ половинѣ XIV вѣка, по смерти болгарскаго царя Александра, папство старалось воспользоваться междоусобіями, возникшими между двумя его сыновьями — Стришиміромъ и Шишлиномъ, и настроило венгерскаго Короля Людовика вмѣшаться въ эту распрю. Страшиміръ былъ взятъ имъ въ плѣнъ; и въ Болгарію предположено было послать до 2000 нищенствующихъ монаховъ съ проповѣдью Уніи. Неизвѣстно, впрочемъ, принесло ли это предположеніе какіе нибудь плоды. Въ концѣ XIV вѣка Болгарія опять утратила свою политическую самостоятельность, подчинилась сначала сербамъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними подпала подъ власть турокъ.

При турецкомъ господствѣ латинская пропаганда на первыхъ порахъ не осмѣливалась широко и открыто раскидывать свои сѣти на юговостокѣ

Европы. Но потомъ (въ особенности съ конца XVI столѣтія и со временъ папы Григорія XIII), когда на Востокѣ стали появляться новые отряды латинскихъ монаховъ, и между прочимъ іезуитовъ, православію болгаръ, также какъ и грековъ, стали угрожать новыя искушенія со стороны латинской пропаганды. Между простодушными, и менѣе образованными болгарами латинской пропагандѣ можно было болѣе расчитывать на успѣхъ, чѣмъ между греками. Почти неизвѣстно, впрочемъ, были-ли на самомъ дѣлѣ у латинянъ здѣсь какіе нибудь успѣхи; до послѣднихъ временъ слѣдовъ латинства въ Болгаріи было мало замѣтно, хотя на Западѣ, по временамъ, объ нихъ архіереяхъ и патріархахъ болгарскихъ и были распускаемы слухи, что они соглашаются на союзъ съ Римомъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія самостоятельность болгарской Церкви была уничтожена, кажется, также отчасти вслѣдствіе интригъ іезуитскихъ. Болгары въ церковномъ отношеніи подчинены константинопольской патріархіи; въ болгарскихъ епархіяхъ вездѣ поставлены греческіе епископы, потомъ и греческіе священники: въ болгарскихъ церквахъ и школахъ сталъ вводиться греческій языкъ. Народность болгарская сильно начала упадать; самые памятники болгарской древней исторіи были истребляемы: большая часть богатыхъ и вліятельныхъ болгаръ въ городахъ стали терять сознаніе своей національности и дѣлаться греками или турками. Но за крайнимъ

упадкомъ національной самостоятельности, и въ Болгаріи, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, настала реакція. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Болгаріи быстро и сильно стало пробуждаться національное сознаніе. Стали заводиться народныя болгарскія школы, и богослуженіе на славянскомъ языкѣ начало возстановляться въ болгарскихъ церквахъ; болгары стали требовать у грековъ священниковъ, а потомъ архіереевъ изъ природныхъ болгаръ. Греческая патріархія, имѣющая свои побужденія и расчеты держать болгаровъ въ зависимости, на первыхъ порахъ съ неудовольствіемъ стала отвергать эти требованія. Но такъ, какъ требованія болгаръ высказывались все настойчивѣе и настойчивѣе, признано нужнымъ сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки; употребленіе славянскаго языка въ церквахъ и школахъ было дозволено и болгарамъ даны священники, даже нѣсколько архіереевъ изъ ихъ соотечественниковъ. Но болгары этимъ уже неудовлетворились, и стали стремиться къ тому, чтобы въ Церкви болгарской возстановлено было, по прежнему, совершенно самостоятельное управленіе. Греки съ своей стороны на это не соглашаются, и въ этомъ состоитъ такъ называемая греко-болгарская церковная распря—до сихъ поръ неразрѣшившаяся. Распря эта съ той и другой стороны доходитъ до крайняго раздраженія; и она-то, въ послѣднее время, вновь пробудила въ Римѣ надежду на присоединеніе болгаръ къ папству. Латинская про-

паганда, съ одной стороны, всячески успѣваетъ болѣе и болѣе разжигать раздраженіе между греками и болгарами, и возбуждать ихъ другъ противъ друга, а съ другой старается внушить болгарамъ, что для нихъ единственное средство освободиться отъ грековъ, а потомъ, пожалуй и отъ турокъ, заключается въ союзѣ съ Римомъ—съ католическою Европой. Внушеніе это на нѣкоторое время имѣло нѣкоторый успѣхъ. Въ 1860 году, во время крайняго разгара споровъ съ греческою іерархіей, довольно значительное число болгаровъ согласилось принять Унію съ Римомъ; въ Болгаріи учреждена уніатская іерархія и стали издаваться сочиненія и газеты въ уніатскомъ духѣ. Но и эта послѣдняя попытка латинства скоро пала предъ здравымъ смысломъ искони преданнаго православію народа болгарскаго. Большая часть болгаръ, принявшихъ унію, скоро опять назадъ возвратилась къ православію. И хотя латинская пропаганда до настоящаго времени не перестаетъ сѣять смуты между болгарами, старанія ея мало имѣютъ успѣха. Болгары и до настоящаго времени продолжаютъ настойчиво искать освобожденія отъ греческой іерархіи; тѣмъ не менѣе твердо желаютъ оставаться вѣрными своему древнему православію.

Русскій народъ также, съ самаго начала своей исторической извѣстности, сталъ обращать на себя вниманіе Римской Церкви: и чѣмъ могущественнѣе и славнѣе онъ становился, тѣмъ болѣе

разгорались въ папствѣ желанія привлечь его къ себѣ. Все, что придумано было папствомъ и хитрою римскою пропагандой къ распространенію господства римской Церкви въ другихъ земляхъ, было испытано и надъ Россіей. При самомъ распространеніи христіанства въ Россіи—при Св. княгинѣ Ольгѣ и равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, папы подсылали въ Россію своихъ миссіонеровъ. Во время княжескихъ междуусобій папы старались привлекать къ себѣ русскихъ князей (напримѣръ Григорій VII—Изъяслава Ярославича) обѣщаніемъ помощи противъ соперниковъ и королевскаго вѣнца изъ Рима. Во время монгольскаго ига, желая обратить въ свою пользу несчастія Россіи, папы неоднократно засылали своихъ легатовъ къ русскимъ князьямъ (Роману Галицкому, Александру Невскому, Даніилу Романовичу), то съ обѣщаніемъ помощи противъ монголовъ, то съ предложеніемъ королевскаго вѣнца, то съ угрозами мести за непокорность римскому престолу. При несогласіи русскихъ князей на ихъ предложенія, они, и на самомъ дѣлѣ, неоднократно возбуждали къ походамъ на русскую землю сосѣднихъ католическихъ владѣтелей, Королей: Шведскаго, Польскаго, Венгерскаго, рыцарей Ливонскаго ордена. Засылали папы и монаховъ—миссіонеровъ для пропаганды латинства въ народѣ русскомъ. Во время Флорентійскаго Собора, при князѣ Василіѣ Васильевичѣ Темномъ, римская Церковь надѣялась привлечь русскую Церковь къ союзу съ собою чрезъ

измѣнника грека, митрополита Исидора. Во второй половинѣ XV и въ XVI вѣковъ, при Царяхъ Иванѣ Васильевичѣ III, Василѣ Ивановичѣ и Иванѣ Грозномъ, папы опять неоднократно подсылали своихъ легатовъ въ Россію—то съ приглашеніемъ къ крестовому походу противъ турокъ, то съ предложеніемъ услугъ въ сношеніяхъ русскаго Двора съ польскимъ, австрійскимъ и др; съ обѣщаніемъ цесарскаго титула изъ Рима, съ предложеніемъ выгодныхъ брачныхъ союзовъ, и, при всякомъ такомъ удобномъ случаѣ, съ приглашеніемъ къ союзу съ римскою Церковью. Въ началѣ XVII столѣтія—въ несчастныя времена самозванцевъ и междуцарствія—агенты папской политики не посовѣстились замутить всю Россію измѣнами, интригами, клятвопреступничествами и междоусобіями, чтобы возвести на престолъ Московскій своего приверженца, или утвердить въ Россіи господство іезуитовъ и усердныхъ, въ то время, слугъ римскаго престола, поляковъ. Въ послѣдніе вѣка, когда могущество Россіи стало болѣе и болѣе укрѣпляться и русское государство сдѣлалось твердою опорою православія на всемъ Востокѣ, ревнители папства также не оставляли своихъ видовъ на Россію, то являясь предъ русскимъ правительствомъ съ открытымъ предложеніемъ соединенія Церквей (какъ при Петрѣ I), то заботясь о распространеніи благопріятныхъ для Рима мнѣній и расположеній въ высшемъ классѣ русскаго общества (какъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣш-

няго столѣтія), то прельщая нетвердыхъ въ вѣрѣ знатныхъ русскихъ людей къ переходу въ католицизмъ на чужой сторонѣ, то старалась отвратить русскую политику отъ направленія благопріятнаго для другихъ странъ православнаго Востока, то возбуждая къ ней ненависть и недовѣріе въ средѣ западно-европейскаго міра. Но, съ Божіею помощію, всѣ замыслы папства на русскую землю до послѣдняго времени оставались тщетны. Въ великой сѣверо-восточной Россіи, среди многихъ милліоновъ населенія, за нѣсколько вѣковъ папство могло считать свои пріобрѣтенія только единицами. Въ Россіи юго-западной—въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, по несчастнымъ обстоятельствамъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ находившейся въ отдѣленіи отъ русскаго государства, въ подчиненіи приверженному къ римской Церкви польскому правительству, папство имѣло временный успѣхъ. Іезуиты, при содѣйствіи польскаго правительства, употребляли всевозможныя мѣры хитрости и насилія, чтобы утвердить Унію въ юго-западной Россіи. Большая часть Малороссіи послѣ отчаянной, вѣковой борьбы, успѣвъ отдѣлиться отъ Польши къ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, спаслась отъ Уніи. Въ остальныхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ областяхъ, оставшихся подъ владычествомъ Польши до второй половины XVIII столѣтія, Унія повидимому утвердилась, но утвердилась очень непрочно, опираясь только на поддержку польскаго правительства. Съ паденіемъ

Польши, съ присоединеніемъ западно-русскихъ областей къ русскому государству, начала падать въ нихъ и Унія. При Екатеринѣ Великой около двухъ милліоновъ уніятовъ присоединилось къ православной Церкви; при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ присоединились почти всѣ остальные; и въ настоящее время отъ уніатства остались въ юго-западной Россіи уже малые остатки *).

*) О замыслахъ и дѣйствіяхъ католицизма по отношенію къ Россіи мы говоримъ въ самыхъ общихъ чертахъ въ связи съ другими предметами нашего очерка. Обстоятельное изображеніе собственно этого предмета читатели могутъ найти въ цѣлыхъ большихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія поименованы нами въ „предисловіи„ къ этой книжкѣ.

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНІЕ

Святѣйшаго патріарха константинопольскаго Фотія, къ александрійскому и прочимъ восточнымъ патріаршимъ престоламъ.

Злой духъ, видимо, не насытился еще зломъ. Нѣтъ, еще не конецъ—его кознямъ и ухищреніямъ, которыя онъ искони старался воздвигать на родъ человѣческій. Но какъ, до явленія Господа во плоти, онъ разнообразными хитростями льстиво увлекалъ человѣка въ противуестественныя и противузаконныя дѣла, и такимъ образомъ державно облекся въ безграничную власть надъ нимъ; такъ и послѣ онаго не переставалъ многочисленными заблужденіями и приманками обольщать и увлекать тѣхъ, которые вѣрятъ ему. И вотъ—размножились Симоны, Маркіоны, Монтаны и Манесы *) и прочія различныя и многообразныя богоборныя ереси. Отсюда—Арій, Македоній, Несто-

*) Имена древнихъ еретиковъ, живших въ первые три вѣка христіанства.

рій, Евтихій, Діоскоръ *) и прочій сонмъ нечестія,—противъ которыхъ были составлены седмь святыхъ Вселенскихъ Соборовъ и собирались помѣстные Соборы священныхъ и богоносныхъ мужей, чтобы мечемъ духовнымъ съ корнемъ отсѣчь зловредныя отрасли и очистить ниву Церкви для плодоношенія.

Но когда сіи ереси были уничтожены и преданы молчанію и забвенію,—люди благочестивые начали питать благую и твердую надежду, что, по обращеніи противъ самаго діавола всѣхъ замысловъ, на какіе онъ не покушался, авось—либо не будетъ впредь изобрѣтателей новыхъ нечестивыхъ ученій; а тѣмъ болѣе не будутъ являться защитники и поборники уже соборно осужденныхъ лжеученій, послѣ пресѣченія ихъ съ погибелью и наказаніемъ виновниковъ и усердныхъ подражателей ихъ. И благочестивый умъ успокоивался на сихъ надеждахъ, особенно касательно царствующаго града, когда, при содѣйствіи Божіемъ, въ немъ совершилось много чуднаго, и когда притомъ многіе языки, возгнушавшись прежнею мерзостію, научились вмѣстѣ съ нами воспѣвать общаго всѣхъ Создателя и Творца. Ибо царствующій градъ, какъ-бы изъ нѣкотораго горняго и воздушнаго пространства, источаетъ источники православія, разливаетъ чистые потоки благочестія во всѣ кон-

*) Имена еретиковъ IV и V вѣковъ, осужденныхъ Вселенскими Соборами.

цы вселенной и, подобно рѣкамъ, наполняетъ тамъ догматами души, съ давняго времени изсохшія отъ палящаго зноя нечестія или самовольнаго служенія, и запустѣвшія, подобно пустымъ и безплоднымъ землямъ, а нынѣ орошенныя дождемъ ученія и украшающія ниву Христову обильными плодами. Ибо и обитатели Арменіи, упорно державшіеся нечестія яковитскаго и, со времени многочисленнаго и святаго Собора отцевъ въ Халкидонѣ, порицающіе правое ученіе благочестія, обрѣли въ себѣ силы, при содѣйствіи намъ молитвъ вашихъ, отложить свое давнее заблужденіе. И теперь область армянская чисто и православно исповѣдуетъ вѣру христіанскую, гнушается, какъ и каѳолическая Церковь, Евтихія, Севира, Діоскара, Петросъ, бросающихъ камни на благочестіе, Юліана Галикарнасскаго *) и всего многосѣмяннаго ихъ посѣва, и подвергаетъ ихъ неразрѣшимымъ узамъ анаѳемы.

Даже и болгарскій народъ—грубый и христоненавистный преклонился на такую кротость и благоразуміе, что, оставивъ демонскія и отеческія жертвы, и, отвергнувъ заблужденіе еллинскаго суевѣрія, чудесно привился къ вѣрѣ христіанской.

---

*) Имена учителей монофизитскихъ сект, къ которымъ прежде были привержены и Армяне. Во времена патріарха Фотія, и вслѣдствіе его увѣщаній, армяне, при католикосѣ Захаріи, готовы были прервать связи съ монафизитскими сектами, и присоединиться къ православной греческой Церкви.

Но вотъ злое, завистливое и безбожное намѣреніе и дѣло! Разказъ нашъ, наводящій на предположеніе вѣстей радостныхъ, измѣняется въ скорбный, и веселіе и радость превращаются въ стенаніе и слезы;—этотъ народъ еще и двухъ лѣтъ не исповѣдывалъ правой христіанской вѣры, какъ люди нечестивые и достойные отвращенія,—и какъ не назвалъ-бы ихъ человѣкъ благочестивый?—Люди, вышедшіе изъ мрака,—ибо они порожденіе западной страны,—о, какъ мнѣ разказать остальное!—эти люди, какъ громъ, землетрясеніе, обильный градъ, или точнѣе сказать, какъ дикій вепрь, вторглись въ народъ новопризванный и утвержденный въ благочестіи и опустошили виноградникъ Господень, возлюбленный и новонасажденный, истребляя его и ногами и зубами—стезями нечестивой жизни и искаженіемъ,—они и на это отважились,—догматовъ. Ибо они всячески ухищрялись отвлечь ихъ отъ правыхъ и чистыхъ догматовъ и непорочной Вѣры христіанской и развратить ихъ.

И во первыхъ, вопреки правиламъ, склонили ихъ къ посту въ субботу. Обыкновенно-же и маловажное нарушеніе преданій приводитъ людей къ совершенному пренебреженію ученія. Далѣе, отторгнувши первую седмицу четыредесятницы отъ остальнаго поста, они дозволили во время ея пить молоко, питаться сыромъ и тому подобнымъ образомъ пресыщаться. Затѣмъ, расширяя для нихъ путь къ отступленіямъ и совращая ихъ съ пря-

маго и царскаго пути, внушали имъ отвращеніе и омерзеніе къ живущимъ въ законномъ бракѣ пресвитерамъ, истиннымъ іереямъ Божіимъ (и это внушили тѣ, которые многихъ дѣвицъ дѣлали женами безъ мужа, и женъ—воспитательницами дѣтей, которымъ не суждено видѣть отца). Такъ они посѣвали между ними сѣмена манихейскаго воздѣлыванія *) и развращали души, едва начавшія пропзращать сѣмя благочестія, присѣвая къ оному плевелы.

Сверхъ сего и муропомазанныхъ пресвитерами они не убоялись снова муропомазывать, величая себя епископами, и баснословя, будто муропомазаніе отъ пресвитеровъ безполезно и не дѣйствительно.

Слыхалъ-ли даже кто о такомъ безумномъ дѣлѣ, какое дерзнули совершить сіи безумцы? Разъ уже помазанныхъ муромъ они снова помазуютъ и пресестественныя и Божественныя Таинства христіанскія обращаютъ въ совершенныя пустяки, и громко надъ ними посмѣваются. Вотъ мудрованіе сихъ по истинѣ невѣждъ! „Священникамъ,—говорятъ,—нельзя муромъ освящать крещаемыхъ: ибо это предоставлено закономъ однимъ архіереямъ". Откуда такой законъ? Кто законодатель? Который изъ Апосто-

*) Древніе манихеи унижали бракъ, и смотрѣли на рожденіе дѣтей, какъ на великое преступленіе и несчастіе. Поэтому патріархъ Фотій и въ латинскихъ предубѣжденіяхъ противъ брака священниковъ видитъ семена манихейскихъ заблужденій.

ловъ? Отцевъ? Или какой Соборъ? Гдѣ и когда состоявшійся? Чьи голоса были въ его распоряженіи? Нельзя священнику запечатлѣвать крещаемыхъ муромъ? Но послѣ этого ему вовсе нельзя ни крестить, ни священнодѣйствовать. Пусть уже не въ половину, а всецѣло будетъ извержень у тебя священникъ въ кругъ непосвященныхъ. Онъ священнодѣйствуетъ Тѣло Владычне и Кровь Христову и ими освящаетъ тѣхъ, надъ копми уже давно совершено тайнодѣйствіе: какъ онъ не можетъ освящать муропомазаніемъ новоокрещаемыхъ? Священникъ креститъ, совершая надъ крещаемымъ очистительную благодать: какъ же отнять у него право заграждать и запечатлѣвать очищеніе, котораго онъ совершитель? А если отымешь у него право заграждать и запечатлѣвать (очищеніе), то не оставишь ему права ни служить благодати очищенія, ни совершенствовать кого либо при помощи онаго, и—все это съ тою цѣлію, чтобы твой священникъ, украшаясь однимъ пустымъ именемъ, показывалъ тѣмъ, что ты глава и епископъ одного съ нимъ чина.

И не въ эти только отступленія отъ законовъ впали они: но, если есть верхъ нечестія,—они достигли и его. Ибо, кромѣ вышесказанныхъ нелѣпостей, они съ крайнею дерзостію отважились исказить—извращеніемъ смысла и произнесеніемъ словъ—священный и святой символъ, который непоколебимо утвержденъ опредѣленіями всѣхъ Соборовъ и притомъ Вселенскихъ. Какія ухищренія

лукаваго! Они говорятъ неслыханное—будто Духъ Святый исходитъ не отъ Отца только, но и отъ Сына.

Кто когда либо слышалъ такую рѣчь отъ прежнихъ нечестивцевъ? Какой коварный змій изрыгнулъ это въ сердца ихъ? Кто изъ среды христіанъ позволитъ вводить во Святую Троицу два начала: для Сына и Духа—Отца, и опять для Духа еще—Сына, и такимъ образомъ единоначаліе обращать въ двубожіе, не отличая болѣе христіанское богословіе отъ еллинской миѳологіи, и уничтожая достоинство пресущественной и единоначальной Троицы? И для чего исходить Духу отъ Сына? Если исхожденіе Его отъ Отца—совершенно, а оно совершенно, потому что Богъ совершенный отъ Бога совершеннаго: то какое еще исхожденіе отъ Сына, и для чего? Оно было-бы излишне и ненужно.

Опять, если Духъ исходитъ отъ Сына, какъ—отъ Отца; то почему же Сынъ не рождается отъ Духа, какъ—отъ Отца? Пусть-бы у нечестивыхъ все было нечестиво—и мысли и слова; и пусть-бы у нихъ не осталось ничего, на чтобы они не дерзнули.

Обрати вниманіе и на слѣдующее: если личное свойство Духа заключается въ томъ, что Онъ исходитъ отъ Отца, точно также какъ и личное свойство Сына—въ томъ, что Онъ раждается отъ Отца; и если Духъ, по ихъ суесловію, исходитъ и отъ Сына: то, послѣ этого, Духъ отличается отъ

Сына большимъ количествомъ личныхъ свойствъ, чѣмъ Сынъ. Ибо Отцу и Сыну будетъ общее исхожденіе отъ нихъ Духа; а особенностью Духа будетъ исхожденіе отъ Отца и еще исхожденіе отъ Сына. Если-же Духъ отличается большимъ числомъ особенностей, чѣмъ Сынъ, то Сынъ будетъ ближе къ существу Отчему, нежели Духъ. Такимъ образомъ подъ этимъ прикровеніемъ и личиною снова возникаетъ македоніева дерзость противъ Святаго Духа.

Иначе: если всѣ общія свойства Отца и Сына, какъ-то: божество, царствованіе, творчество, вседержительство, пресущественность, простота, неизобразимость, безтѣлесность, нераздѣльность и вообще всѣ другія—суть всецѣло и общія свойства и Духа; и если происхожденіе Духа отъ Отца и Сына—есть также общее свойство Ихъ: то Духъ необходимо будетъ исходить и отъ Себя Самаго; Самъ будетъ началомъ Себя Самаго и причиною вмѣстѣ и произведеніемъ этой причины. Ничего подобнаго не измышляли даже языческія басни.

Опять: если свойственно единому Духу—имѣть отношеніе къ различнымъ началамъ; то какъ-же не будетъ свойственно единому Духу—имѣть начало многоначальное?

Еще: если они устраняютъ Духа отъ общенія съ Отцемъ и Сыномъ именно въ томъ отношеніи, въ какомъ, по ихъ нововведенію, имѣютъ общеніе Отецъ и Сынъ; а Отецъ находится въ общеніи съ Сыномъ по существу, а не по какому либо изъ

различныхъ свойствъ: то они необходимо ограничивають сходство Духа (съ Отцемъ и Сыномъ) по существу.

Видишь, какъ неправо, и только для легчайшаго уловленія народа они приняли на себя имя христіанъ. Духъ исходитъ отъ Сына: отъ кого ты это услышалъ? Изъ какихъ евангелистовъ ты заимствовалъ это слово? Какому Собору принадлежитъ сіе хульное изреченіе?

Господь и Богъ нашъ говоритъ: Духъ, иже отъ Отца исходитъ (Іоан. XV, 26), а отцы сего новаго нечестія говорятъ: Духъ иже отъ Сына исходитъ.

Кто не заградитъ слуха отъ сей безпримѣрной хулы? Она возстаетъ противъ Евангелія, вооружается противъ святыхъ Соборовъ, ставитъ ни во что блаженныхъ и святыхъ Отцевъ: Великаго Аѳанасія, преславнаго въ богословіи Григорія, царское украшеніе Церкви—Великаго Василія, и златыя уста вселенной, море премудрости, истинно—Златоустаго (Іоанна). Но для чего я упоминаю о томъ или о другомъ изъ нихъ? Этотъ хульный и богоборный голосъ вооружается противъ всѣхъ вмѣстѣ святыхъ пророковъ, апостоловъ, іерарховъ, мучениковъ, противъ глаголовъ Самаго Владыки.

Духъ исходитъ отъ Сына! Какимъ исхожденіемъ? Такимъ-же точно, какъ отъ Отца, или противоположнымъ оному?.. Если такимъ же, то какъ не обольщатся личныя свойства,—свойства, которыми

—только одними—такъ характеризуется Троица, что Она и есть Троица и чевствуется, какъ Троица. Если же исходитъ исхожденіемъ противоположнымъ оному; то въ этомъ словѣ не оживаютъ-ли предъ нами манесы и маркіоны, опять простирающіе свой богоборный языкъ на Отца и Сына?

Кромѣ вышесказаннаго,—если Сынъ отъ Отца рождается, а Духъ отъ Отца и Сына исходитъ: то Духъ, имѣя отношеніе къ двумъ причинамъ, не могъ остаться несложнымъ.

Еще: если Сынъ рождается отъ Отца, а Духъ отъ Отца и Сына исходитъ; то нововведеніе-ли опять касательно Духу—то, что и отъ Него не произошло никакое другое (Лице)? По ихъ богоборной мысли Лицъ должно быть не три, а четыре, или, лучше, безграничное число; такъ что четвертое лицо должно привнести къ Нимъ другое (Лице), а это опять иное, и такъ далѣе, пока они не впадутъ въ языческое многобожіе.

Кромѣ сказаннаго должно обратить вниманіе и на слѣдующее: если исхожденіе Духа отъ Отца служитъ къ бытію (Духа): что же принесетъ Духу исхожденіе (Его) отъ Сына, когда и исхожденія отъ Отца достаточно для бытія? Никто не дерзнетъ, конечно, сказать, что оно (исхожденіе отъ Сына) служитъ къ чему—либо иному (кромѣ бытія) изъ существеннаго; потому что всякое двоеніе и сложеніе совершенно чуждо оному блаженному и божественному естеству.

Далѣе, все, что не обще державной, единосущ-

ной и пресущественной Троицѣ, то составляетъ принадлежность Одного Котораго либо изъ Трехъ. Изыденіе же Духа не обще (всѣмъ) Тремъ, слѣдовательно составляетъ принадлежность Одного изъ Трехъ. Котораго же? Скажутъ, Духъ исходитъ отъ Отца? Но послѣ этого не должны-ли они отречься отъ своего любимаго и общаго имъ мудрованія? Если скажутъ—отъ Сына; то зачѣмъ они сначала не открыли дерзко по всей полнотѣ своего богоборства,—что они не только приписываютъ Сыну произведеніе Духа, но и отнимаютъ оное у Отца? Потомъ, слѣдуя этимъ путемъ, они исказятъ вмѣстѣ съ исхожденіемъ и рожденіе, и, чтобы быть во главѣ не только нечестивыхъ, но и бѣснующихся, будутъ нелѣпо утверждать, что не Сынъ родился отъ Отца, но Отецъ отъ Сына.

Нечестіе и неразуміе разсматриваемаго мнѣнія изобличаются еще слѣдующимъ. Такъ какъ все, что созерцаютъ, и о чемъ говорятъ во Святой, единоестественной и пресущественной Троицѣ, или обще всѣмъ Тремъ или составляетъ принадлежность Одного Котораго либо изъ Нихъ: а изведеніе Духа и не обще (всѣмъ), но и не составляетъ, какъ они говорятъ, принадлежности Одного Котораго либо: то,—прости намъ Господи эти слова, и да обрушится хула на ихъ головы,—въ живоначальной и всесовершенной Троицѣ и вовсе нѣтъ исхожденія Духа.

И если-бы кто нибудь сталъ обличать безбожное ихъ мнѣніе; то онъ прибавилъ-бы къ сказан-

ному весьма много другаго, чего не позволяютъ мнѣ теперь же внести и включить въ письмо условія письма. Потому и въ томъ, что нами сказано, высказаны только первоначальныя понятія о предметѣ, и притомъ въ очеркѣ; частнѣйшія же опроверженія и подробное раскрытіе ученія, по волѣ Божіей, отлагаемъ до общаго собранія.

Вотъ нечестіе, которое, вмѣстѣ съ другими отступленіями отъ закона, посѣвали въ болгарскомъ народѣ эти епископы мрака,—ибо они величали себя епископами. Вѣсть о семъ достигла нашего слуха. Мы поражены были смертельнымъ ударомъ въ самое сердце, подобно какъ если-бы кто увидѣлъ, что чадъ утробы его предъ глазами его раздираютъ и терзаютъ змѣи и звѣри. Ибо тотъ, конечно, имѣлъ уважительныя причины впасть въ невыносимую печаль и скорбь о потери чадъ, кто для возрожденія и посвѣщенія ихъ подвергалъ себя трудамъ, заботамъ и проливалъ потъ.

И мы столько же сѣтовали о случившемся съ ними бѣдствіи, столько полную чувствовали радость, когда видѣли ихъ освобожденіе отъ древняго заблужденія.

Мы оплакивали ихъ и оплакиваемъ, и для возстановленія ихъ, послѣ паденія, не дадимъ очамъ нашимъ сна и вѣждямъ дреманія, пока не введемъ ихъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, опять въ скинію Господню.

А этихъ новыхъ предтечей отступленія, слугъ антихриста, виновниковъ безчисленныхъ смертей,—

эту язву общественную,—этихъ людей, раздравшихъ столь многими и великими расколами сей новонасажденный и младенчествующій въ благочестіи народъ, этихъ обольстителей и богоборцевъ мы осудили соборнымъ и божественнымъ опредѣленіемъ: и—не нынѣ (вновь) опредѣляемъ приговоръ имъ, но обнародуемъ и доводимъ до всеобщаго свѣдѣнія осужденіе, уже прежде опредѣленное имъ прежде бывшими Соборами и апостольскими узаконеніями.

Люди таковы по своей природѣ, что не столько утверждаются (въ добрѣ) минувшими наказаніями, столько вразумляются настоящими. И наказаніямъ прежнимъ даетъ силу согласіе съ ними настоящихъ. Потому мы всенародно исключили этихъ людей, упорствующихъ въ своемъ многообразномъ заблужденіи, отъ всего стада христіанскаго; такъ какъ и шестьдесятъ четвертое правило святыхъ апостоловъ точно также преслѣдуетъ соблюдающихъ постъ въ субботу, говоря: „аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единыя токмо великія субботы: да будетъ извержень. Аще же мірянинъ: да будетъ отлученъ“. И пятьдесятъ пятое правило святаго Вселенскаго шестаго Собора говоритъ подобно приведенному: „поелику мы увѣдали, яко обитающіе во градѣ Римѣ, во святую четыредесятницу, въ субботы ея, постятся, вопреки преданному церковному послѣдованію, то святому Собору угодно, чтобы и въ римской

Церкви ненарушимо соблюдалось правило глаголющее: аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ во святый день Господень, или въ субботу постящимся, кромѣ единыя токмо: да будетъ изверженъ; аще же мірянинъ: да будетъ отлученъ".

О гнушающихся брака четвертое правило Гангрійскаго Собора говоритъ: „аще кто о пресвитирѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко недостоинъ причащатися приношенія, когда таковый совершилъ литургію: да будетъ подъ клятвою". Совершенно такое же осужденіе изрекаетъ противъ нихъ и шестый Вселенскій Соборъ, когда пишетъ слѣдующее: „понеже мы увѣдали, что въ римской Церкви, въ видѣ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣютъ быти удостоены рукоположенія во діакона, или пресвитера, обязывались не сообщатися болѣе съ своими женами: то мы, послѣдуя древнему правилу апостольскаго благочинія и порядка, сонзволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами, и не лишая ихъ взаимнаго въ приличное время соединенія. И такъ, аще кто явится достойнымъ рукоположенія во уподіакона, или во діакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будетъ препятствіемъ къ возведенію на таковую степень сожитіе съ законною супругою: и отъ него во время постановленія да не требуется обязательства въ томъ, что онъ удержится отъ законнаго сообщенія съ женою своею: дабы мы

не были принуждены симъ образомъ оскорбить Богомъ установленный и Имъ въ Его пришествіи благословенный бракъ: ибо гласъ евангелія вопіетъ: яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ (Матѳ. XIX, 6), и апостолъ учитъ: бракъ честенъ и ложе нескверно (Евр. XIII. 4); такожде: привязался-ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія (I Кор. VII, 27).. Аще кто, поступая вопреки апостольскимъ правиламъ, дерзнетъ кого либо изъ священныхъ, т. е. пресвитеровъ, или діаконовъ или иподіаконовъ лишати союза и общенія съ законною женою: да будетъ изверженъ. Подобно и аще кто, пресвитеръ или діаконъ, подъ видомъ благоговѣнія, изгонитъ жену свою: да будетъ отлученъ отъ священнослуженія, а, пребывая непреклоннымъ, да будетъ изверженъ".

Нарушеніе же первой седмицы (великаго поста) и вторичное муропомазаніе уже крещенныхъ и муропомазанныхъ, по моему мнѣнію, не нуждаются въ правилахъ для своего осужденія: для этого довольно ихъ самихъ и одного разказа о превосходящемъ всякую мѣру нечестіи.

Да и одной ни съ чѣмъ несравнимой хулы противъ Св. Духа, лучше же противъ всей Святой Троицы,—хотя бы они и не отважились ни на что другое изъ вышесказаннаго, — довольно для того, чтобы подвергнуть ихъ многимъ анаѳемамъ.

О семъ мы, по древнему церковному обычаю, почли долгомъ довести до вашего свѣденія и поставить на видъ вашему во Господѣ братству.

При семъ убѣждаемъ и молимъ васъ быть ревностными намъ споборниками съ искорененіи сихъ нечестивыхъ и безбожныхъ мнѣній, и не нарушать отеческаго чина, который предали вамъ для соблюденія предки съ своихъ дѣяніяхъ; но съ великимъ вниманіемъ и усердіемъ избрать и послать, вмѣсто себя, мѣстоблюстителей, — мужей, уполномоченныхъ представлять ваше лице, украшенныхъ благочестіемъ и священствомъ, и словомъ и жизнію. Да отсѣчемъ отъ тѣла Церкви недавно появившуюся въ ней гангрену онаго нечестія; а тѣхъ, которые имѣли безуміе посѣять столько нечестія въ народѣ новонасажденномъ и новоутвержденномъ, исторгнемъ съ корнемъ и общимъ судомъ предадимъ огню, каковое наказаніе опредѣляютъ для отлученныхъ глаголы Господни.

Когда такимъ образомъ будетъ изгнано нечестіе и утверждено благочестіе: мы имѣемъ благія надежды снова обратить весь новооглашенный и новообращенный балгарскій народъ къ преданной ему Вѣрѣ. Да и не сей только народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа. Нѣтъ, (тоже самое сдѣлалъ) и такъ называемый Россъ, о которомъ такъ много и многіе разказываютъ, и который въ жестокости и кровожадности превосходитъ всѣ народы. Онъ, поработавши окрестные народы, и тѣмъ чрезмѣрно возгордившись, поднялъ свои руки и на римскую Имперію: но теперь и онъ даже премѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и

неповрежденную Вѣру христіанскую. и вмѣсто того, чтобы, какъ еще недавно дѣлалъ, грабить насъ и чинить великое насиліе, съ любовію вступилъ въ число нашихъ послушниковъ и союзниковъ. И столько воспламѣнила его любовь и ревность къ Вѣрѣ,—благословенъ Богъ во вѣки,—да воскликнетъ паки Павелъ,—что онъ принялъ и епископа—пастыря и съ великимъ усердіемъ и любовію содержитъ христіанское богослуженіе *).

Если теперь, когда такимъ образомъ, по благодати человѣколюбиваго Бога, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины пріити (1 Тим. II, 4), сіи народы оставляютъ свои древнія вѣрованія, и вмѣсто ихъ принимаютъ чистую Вѣру христіанскую,—если и ваше братство благоволитъ явить свое соревнованіе и содѣйствіе въ исторженіи и сожженіи плевелъ: то мы твердо, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ, уповаемъ, что стадо его еще болѣе умножится, и исполнится рѣченное: вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ (Іерем. XXXI, 34. Евр. VIII, 11); и еще: во всю землю изыде вѣщаніе апостольскаго ученія и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Псал. XVIII, 5. Рим. X, 18).

Тѣмъ, кого поплете вы вмѣсто себя и уполно-

*) Здѣсь идетъ рѣчь о принятіи христіанства Кіевскими Руссами (въ 867 году по Рождествѣ Христовѣ), и вступленіи ихъ въ союзъ съ Византіею, при Аскольдѣ и Дирѣ, послѣ ихъ похода на Константинополь.

мочите представлять ваше священное и преподобное лице, — должна быть вверена полная ваша власть, которую вы во святомъ Духѣ имѣете; такъ, чтобы они могли властію апостольскаго престола и свободно судить и безпрепятственно дѣйствовать и касательно сихъ предметовъ и касательно другихъ имъ подобныхъ. Такъ, напримѣръ, изъ предѣловъ Италіи получили мы одно соборное посланіе, исполненное несказанныхъ жалобъ. Сіи жалобы приносятъ намъ обитатели Италіи на своего епископа, и, тяжко укоряя насъ, всячески заклинаютъ не смотрѣть равнодушно на плачевную погибель и угнетеніе ихъ тяжкимъ и жестокимъ самовластіемъ, на нарушеніе законовъ священства и извращеніе всѣхъ постановленій Церкви. Тоже самое и прежде говорили въ слухъ всѣхъ убѣжавшіе оттуда монахи и пресвитеры, какъ-то: Василій, Зосима, Митрофанъ и другіе съ ними: они съ плачемъ жаловались на туже самую тиранію и со слезами призывали къ защищенію Церкви. Нынѣ же, какъ я сказалъ, получены оттуда изъ различныхъ мѣстъ разныя письма, исполненныя стенанія и многихъ слезъ. Это покажутъ вамъ точные списки сихъ писемъ, представляемые вамъ по желанію, требованію писавшихъ; ибо эти лица съ страшными заклинаніями и убѣжденіями умоляли насъ разослать оные (списки) ко всѣмъ архіепископскимъ и апостольскимъ престоламъ. А въ нашемъ посланіи мы упомянули объ этомъ для того, чтобы въ собраніи святаго и Вселенскаго о

Господѣ Собора, и касательно этого предмета, было единодушно поставлено угодное Богу и согласное съ правилами соборными, и чтобы глубокій миръ объялъ Церкви Христовы.

И мы приглашаемъ сюда не только ваше блаженство, но и предстоятелей прочихъ архіепископскихъ и апостольскихъ престоловъ: нѣкоторые изъ нихъ уже прибыли, а другіе, ожидаемъ, спустя не много времени, прибудутъ.

По сему ваше о Господѣ братство, своимъ замедленіемъ и отсрочкою, да не заставитъ братію ожидать васъ дольше надлежащаго, вѣдая, что если, въ слѣдствіе вашего замедленія, что либо совершится не по чину и несовершенно, то не иной кто, а вы сами будете виновны въ томъ.

Мы сочли нужнымъ въ настоящемъ посланіи напомнить и о томъ, чтобы вы предписали всѣмъ подвѣдомымъ вамъ церквамъ присоединить и причислить къ святымъ шести Вселенскимъ Соборамъ и святый Вселенскій седьмый Соборъ. Ибо до насъ дошелъ слухъ, что нѣкоторыя изъ подчиненныхъ вашему апостольскому престолу церквей, считая только шесть Вселенскихъ Соборовъ, не знаютъ седьмаго. Хотя опредѣленія его пріемлются съ любовію и честію, но самый Соборъ до сихъ поръ еще не достигъ такой извѣстности, чтобы о немъ, какъ и о прочихъ Соборахъ, всенародно проповѣдывали въ Церкви, и приписывали ему равное съ нимъ достоинство.

Между тѣмъ и сей Соборъ низложилъ величай-

шее нечестіе. На немъ засѣдали вмѣстѣ и дѣйствовали единодушно уполномоченные отъ четырехъ патріаршихъ престоловъ. Ибо на немъ, какъ извѣстно, присутствовали: отъ вашего апостольскаго александрійскаго престола Ѳома—монахъ—пресвитеръ и его товарищи; отъ престоловъ—Іерусалимскаго и Антіохійскаго—Іоаннъ и его товарищи; и отъ древняго Рима—Петръ, благоговѣйнѣйшій протопресвитеръ и другой Петръ—монахъ и игуменъ святой обители св. Саввы, находящейся въ Римѣ.

Всѣ эти лица — вмѣстѣ съ божественнымъ нашимъ отцемъ, святѣйшимъ и преблаженнѣйшимъ мужемъ—Тарасіемъ, архіепископомъ Константинопольскимъ, составили святый Вселенскій седьмый Соборъ восторжествовавшій надъ нечестіемъ иконоборцевъ или христоборцевъ и низложившій оное. Дѣянія этого истиннаго собора не было возможности препроводить къ вамъ, потому что странами (вашими) обладалъ тогда варварскій иноплеменный народъ—Аравитяне. Вотъ причина, почему многіе изъ вашихъ чтутъ и содержатъ постановленія этого Собора, а между тѣмъ, какъ говорятъ, сами не знаютъ, что это постановленія сего именно Собора.

И такъ нужно, (какъ я сказалъ) и этотъ великій святый и Вселенскій Соборъ торжественно принимать на ряду съ предшествовавшими ему шестью Соборами. Не чинить и не дѣлать этого значитъ: вопервыхъ оскорблять Церковь Христову пренебреженіемъ къ такому великому Собору и разрывомъ и нарушеніемъ союза и единомыслія

ея въ такомъ важномъ предметѣ: во вторыхъ, это значитъ расширить уста иконоборцевъ, которыхъ нечестіе,—я хорошо знаю,—вы ненавидите не менѣе прочихъ ересей: они будутъ имѣть основаніе лживо утверждать, что ихъ нечестіе разрушено не Вселенскимъ Соборомъ, а осуждено судомъ одного только престола.

По всему этому мы просимъ васъ, и, — какъ братья братьевъ, призывая васъ къ исполненію долга, убѣждаемъ—въ соборныхъ посланіяхъ и во всѣхъ другихъ церковныхъ дѣяніяхъ и изслѣдованіяхъ считать и принимать и сей (Соборъ) наравнѣ съ шестью святыми Вселенскими Соборами, ставя его седьмымъ за ними.

Христосъ же, истинный Богъ нашъ, первый и великій архіерей, содѣлывшійся вольною, благою за насъ жертвою, и собственною кровію искупившій насъ, да дастъ вашей священноначальной и честной главѣ вознестись превыше обстоящихъ васъ варварскихъ народовъ! Да дастъ вамъ тихо и мирно совершать жизненный путь свой и достигнуть того неизрѣченно радостнаго и сладкаго селенія, гдѣ — всѣхъ веселящихся жилище, гдѣ вовсе нѣтъ мѣста скорби, стенанію и унынію, — въ Самомъ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Умоляемъ васъ: по долгу отеческой святости, вспоминайте и не забывайте нашего смиренія (мѣрности.)

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНІЕ

единой, святой, соборной и апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Всѣмъ и всюду, во Святомъ Духѣ возлюбленнымъ и дражайшимъ братіямъ, преосвященнымъ архіереямъ съ ихъ благоговѣйными причтами и всѣмъ православнымъ вѣрнымъ чадамъ единой, святой, соборной и апостольской Церкви братское во Святомъ Духѣ привѣтствіе и (желаніе) всякаго блага и спасенія отъ Бога!

§ 1. Надлежало-бы священному и божественному евангельскому ученію о нашемъ искупленіи быть всѣми проповѣдуему въ той же неповрежденности и принимаему вѣрою вѣчно въ той же чистотѣ, въ какой Спаситель нашъ, добровольно умаливший себя, зракъ раба пріимъ и нисшедъ изъ нѣдръ Бога и Отца, открылъ оное божественнымъ и святымъ ученикамъ своимъ,—и въ какой они, свидѣтели, очевидцы и самовидцы, какъ громогласныя трубы, возвѣстили сіе ученіе всей подсолнечной (ибо *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ*

концы вселенныя глаголы ихъ),—наконецъ, въ той неизмѣнности, въ какой, пріявъ тоже самое благовѣстіе, столь многіе и столь великіе отцы каѳолической Церкви со всѣхъ предѣловъ земли предали намъ оное всенародно—на Соборахъ и въ своихъ частныхъ писаніяхъ. Но злой духъ, исконный врагъ человѣческаго спасенія, якъ древле въ Эдемѣ, принявъ на себя лице доброжелательнаго совѣтника, сдѣлалъ человѣка преступникомъ ясной божественной заповѣди, такъ и въ семъ духовномъ Эдемѣ, въ Церкви Божіей, продолжая обольщать многихъ, внушая имъ лукавые и богопротивные помыслы, и пользуясь ими, какъ орудіями, растворяетъ ядъ ереси въ чистыхъ потокахъ православнаго ученія, и изъ чашъ, позлащенныхъ якобы евангельскимъ благовѣстіемъ, напояетъ многихъ; напояетъ тѣхъ, которые, по простотѣ своей, живутъ неосмотрительно, не *лишше внимаютъ слышанному* (Евр. 2, 1) и *отъ отцевъ ихъ возвыщенному* имъ (Втор. 32, 7), согласно съ Евангеліемъ и со всѣми древними учителями, и не считаютъ для душевнаго спасенія своего достаточнымъ устнаго и писаннаго слова Господня и свидѣтельства непрерывно продолжающейся Церкви, но, гоняясь за нечестивыми новизнами, какъ-бы за новымъ убранствомъ, принимаютъ евангельское ученіе въ видѣ совершенно искаженномъ.

§ 2. Отсюда (произошли) разнообразныя и чудовищныя ереси, которыя соборная Церковь отъ самой колыбели своей, *облекшись во вся оружія*

Божія и восприемши мечь духовный, иже есть глаголъ Божій (Еф. 5, 17), принуждена была преодолѣвать, всѣ преодолѣвала до нынѣ, и будетъ со славою преодолѣвать во всѣ вѣки, являясь сама всякой разъ, послѣ борьбы, болѣе свѣтлою и болѣе сильною.

§ 3. Но изъ сихъ ересей однѣ уже совершенно исчезли, другія исчезаютъ, иныя ослабѣли, другія же болѣе или менѣе процвѣтаютъ, держась до времени своего ниспроверженія, а нѣкоторыя еще вновь возникаютъ для того, чтобы пройти свой путь отъ появленія до уничтоженія. Ибо онѣ,—сіи жалкія умствованія и вымыслы людей жалкихъ,—будучи поражены вмѣстѣ съ своими изобрѣтателями громомъ анаѳемы седьми Вселенскихъ Соборовъ, падутъ неизбѣжно, хотя-бы существовали тысячу лѣтъ. Потому что одно только православіе соборной и апостольской Церкви, одушевляемой живымъ словомъ Божіимъ, пребудетъ во вѣки, по неложному обѣтованію Господа: *врата адова не одолѣютъ ей* (Мат. 16, 18), т. е. (какъ изъясняютъ святые отцы), уста нечестивыхъ и еретиковъ, что бы ни сточали—ужасъ и прещенія, или сладкорѣчіе и убѣжденія, не одолѣютъ мирнаго и кроткаго православнаго ученія. Но для чего, однако, *путь нечестивыхъ спѣется* (Іерем. 12, 1), и нечестивые *превозносятся и высятся, яко кедры Ливанскіе* (Псал. 36, 35), искушая мирно служащихъ Богу? Причина тому не довѣдома; и св. Церковь, хотя молитъ ежедневно, да отступитъ отъ нея сей

пакостникъ, сей ангелъ сатанинъ, но постоянно слышитъ отъ Господа: *довлѣетъ ти благодать моя; сила бо моя въ немощи совершается:* почему она *и хвалится сладцѣ, паче въ немощьхъ своихъ, да вселится въ нее сила Христова* (2 Кор. глав. 12), *и да искусніи явлени бываютъ* (1 Кор. 11, 19).

§ 4. Изъ ересей, распространившихся, какими Богъ вѣсть судьбами, въ большей части вселенной, былъ нѣкогда аріанизмъ, а теперь—папизмъ. Но и сей послѣдній (подобно первому, который уже совершенно исчезъ), хотя до нынѣ еще въ силѣ, не превозможетъ до конца, а прейдетъ и низложится и *велій гласъ небесный возгласитъ о немъ: низложенъ* (Апок. 12, 10)!

§ 5. Новоявившееся ученіе, будто „Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына“ измышлено вопреки ясному и нарочитому о семъ предметѣ изреченію Господа Нашего: *иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 26), и вопреки исповѣданію всей соборной Церкви, засвидѣтельствованному седмью Вселенскими Соборами въ словахъ: *иже отъ Отца исходящаго* (Symв. Вѣры).

1. Оно нарушаетъ хотя единочное (ἑνότητα) отъ одного начала, но йновидное (ἑτεροειδῆ) происхожденіе божескихъ лицъ блаженной Троицы, подтверждаемое свидѣтельствомъ Евангелія; *)

*) Здѣсь разумѣется, что Сынъ и Св. Духъ происходятъ отъ одного начала Отца, но Сынъ чрезъ рожденіе, а Святой Духъ чрезъ исхожденіе.

2. Приписываетъ равносильнымъ и склоняемымъ Лицамъ (Божества) разнородныя и не равныя отношенія; сливаетъ ихъ или смѣшиваетъ;

3. Представляетъ какъ-бы несовершеннымъ, темнымъ и неудачнымъ состоявшееся прежде него исповѣданіе единой, соборной и апостольской Церкви;

4. Унижаетъ святыхъ отцевъ перваго Вселенскаго никейскаго Собора и втораго константинопольскаго, какъ будто они о Сынѣ и Духѣ Святомъ богословствовали не совершенно, будто т. е. умолчали о столь важной особенности двухъ лицъ Божества, между тѣмъ какъ необходимо было изложить всѣ божественныя свойства ихъ противъ аріанъ и македоніанъ;

5. Оскорбляетъ Отцевъ третьяго, четвертаго, пятаго, шестаго и седьмаго Вселенскихъ Соборовъ, которые въ слухъ всей вселенной провозгласили божественный Символъ во всѣхъ отношеніяхъ совершеннымъ и полнымъ, и страшными проклятіями и неразрѣшимыми заклятіями воспрѣтили какъ себѣ, такъ и всѣмъ другимъ, всякое прибавленіе къ нему и убавленіе, или измѣненіе, или переставленіе въ немъ хотя-бы одной іоты,—между тѣмъ какъ нужно было исправить его и дополнить, и такимъ образомъ измѣнить все богословское ученіе вселенскихъ отцевъ, какъ будто открылось новое отличительное свойство въ самыхъ трехъ лицахъ блаженной Троицы;

6. Прокрадывалось въ церквахъ западныхъ сна-

чала какъ волкъ въ кожѣ овчей, т. ё. подъ наименованіемъ не исхожденія (τῆς ἐκπορεύσεως), по греческому выраженію, употребленному въ Евангеліи и Символѣ, но подъ именемъ посланія (τῆς ἀποστολῆς), какъ оправдывался папа Мартинъ предъ Максимомъ исповѣдникомъ и какъ изъяснялъ это Анастасій, библіотекарь при Іоаннѣ VIII;

7. Съ грубою и неслыханною дерзостію коснулось самаго Символа и измѣнило сей всеобщій залогъ христіанства;

8. Произвело столько смятеній въ мирной Церкви Божіей и раздѣлило народы;

9. При первомъ своемъ появленіи всенародно отвергнуто двумя приснопамятными папами Львомъ III и Іоанномъ VIII, который въ посланіи блаженному Фотію назвалъ даже сообщниками Іуды тѣхъ, кто первые внесли его въ Символъ;

10. Осуждено многими святыми Соборами четырехъ восточныхъ патріарховъ;

11. Подвергнуто анаѳемѣ, какъ нововведеніе и увеличеніе Символа, на (такъ называемомъ) осьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, созванномъ въ Константинополѣ для умиренія церквей восточныхъ и западныхъ *);

12, Едва только успѣло явиться въ западныхъ церквахъ, какъ или само породило гнуснѣйшія из-

*) Здѣсь разумѣется константинопольскій Соборъ, бывшій при патріархѣ Фотіѣ въ 879 году. Въ греческой Церкви его нерѣдко называютъ осьмымъ Вселенскимъ Соборомъ.

чадія, или ввело съ собою мало—по—малу другія новизны,—большею частію противорѣчащія ясно изображеннымъ въ Евангеліи заповѣдямъ Спасителя нашего, тщательно соблюдавшимся, до его появленія, и въ тѣхъ церквахъ, гдѣ оно введено, какъ-то: крапленіе вмѣсто погруженія, отнятіе у мірянъ божественной чаши и причащеніе только подъ однимъ видомъ хлѣба, употребленіе оплатокъ и опрѣсноковъ вмѣсто хлѣба кваснаго, исключеніе изъ литургіи благословенія, т. е. божественнаго призыванія всесвятаго и всесовершающаго Духа;—также нарушающія древніе апостольскіе обряды соборной Церкви, какъ-то: устраненіе крещаемыхъ младенцевъ отъ муропомазанія и принятія пречистыхъ Таинъ; брачныхъ—отъ священства; признаніе папы за лице непогрѣшимое и замѣсто блюстителя Христова и проч. Такимъ образомъ извратило весь древній апостольскій чинъ совершенія почти всѣхъ Таинствъ и всѣхъ церковныхъ учрежденій,—чинъ, который содержала древняя, святая и православная Церковь римская, бывшая тогда честнѣйшимъ членомъ святой соборной и апостольской Церкви;

13. Побудило своихъ защитниковъ, богослововъ Запада, за неимѣніемъ для себя опоры ни въ писаніи, ни у отцевъ, прибѣгнуть къ безчисленнымъ лжемудрованіямъ, не только къ превратнымъ толкованіямъ писанія, какихъ мы не находимъ ни у кого изъ отцевъ святой соборной Церкви, но и къ искаженію священныхъ и неприкосновенныхъ

текстовъ божественныхъ отцевъ восточныхъ и западныхъ;

14. Оказалось страннымъ, неслыханнымъ и богохульнымъ еще и у прочихъ христіанскихъ обществъ, которыя, прежде его появленія, по другимъ справедливымъ причинамъ, въ теченіи вѣковъ отлучены отъ соборной Церкви;

15. Не смотря на всѣ труды и усилія своихъ защитниковъ, ни противъ одного изъ приведенныхъ нами доказательствъ доселѣ еще не могло въ защиту свою привести хотя сколько нибудь убѣдительное и основательное доказательство изъ св. Писанія или изъ отцевъ.

Таковое ученіе носитъ въ самомъ существѣ своемъ и свойствахъ всѣ признаки ученія неправославнаго; а всякое неправое ученіе, касающееся догмата соборной Церкви о блаженной Троицѣ, о происхожденіи божескихъ лицъ, равно какъ и объ исхожденіи Святаго Духа есть и именуется ересью, а умствующіе такъ—еретиками, по опредѣленію святѣйшаго Дамасы, папы римскаго, (который говоритъ такъ): „кто объ Отцѣ и Сынѣ мыслитъ право, а о Духѣ Святомъ не право, тотъ еретикъ“ (Испов. Соб. Вѣр., посланное папою Дамасомъ къ епископу Фессалоникійскому Павлину).

Посему единая, святая, соборная и апостольская Церковь, слѣдуя святымъ отцамъ восточнымъ и западнымъ, какъ древле при отцахъ нашихъ возвѣщала, такъ и нынѣ вновь возвѣщаетъ соборнѣ, что сіе нововведеное мнѣніе, будто Духъ

Святый исходитъ отъ Отца и Сына, есть сущая ересь, и послѣдователи его, кто-бы они ни были, еретики по упомянутому соборному опредѣленію святѣйшаго папы Дамаса; составляющіяся изъ нихъ общества, суть общества еретическія, и всякое духовное богослужебное общеніе съ ними православныхъ чадъ соборной Церкви—беззаконно, по силѣ особенно седьмаго правила третьяго Вселенскаго Собора.

§ 6. Ересь эта, со многими соединенными съ нею нововведеніями, какъ выше сказано, появившаяся около половины седьмаго столѣтія, сначала неизвѣстная и безъимянная, и подъ разными видами въ продолженіи четырехъ или пяти вѣковъ тайно распространявшаяся по епархіямъ европейскаго Запада, потомъ преодолѣвъ православіе тѣхъ странъ, по нерадѣнію тогда бывшихъ тамъ пастырей и покровительству властей, мало по малу ввела въ заблужденіе не только испанскія, до толѣ еще православныя Церкви, но и германскія, и галликанскія, и даже италійскія, которыхъ православіе возвѣщалось нѣкогда во всѣмъ мірѣ, и съ которыми часто сносились святѣйшіе отцы наши, какъ-то: Аѳанасій Великій и небоявленный Василій, и которыхъ единеніе и общеніе съ нами послужили къ сохраненію чистоты ученія соборной и апостольской Церкви до седьмаго Вселенскаго Собора. Когда же, завистію ненавистника добра, новизны касательно здраваго и православнаго ученія о Всесвятомъ Духѣ (на котораго

хула, по изрѣченію Господа, *не отпустится человѣкомъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* Матѳ. 12, 31, 32),—слѣдовавшія одно за другимъ нововведенія касательно божественныхъ таинствъ, особенно-же таинства спасительнаго крещенія, святаго причащенія и священства, когда сіи несообразности, слѣдуя непосредственно однѣ за другими, овладѣли самимъ старѣйшимъ Римомъ, тогда она пріобрѣтши знаменитость въ Церкви, облеклась отличительнымъ именемъ папизма. Ибо изъ епископовъ Рима, именуемыхъ папами хотя нѣкоторыя въ началѣ возстали противъ нововведенія соборнѣ, какъ-то: Левъ III и Іоаннъ VIII, (о коихъ упомянуто выше), и отвергли его предъ лицемъ всей вселенной,—одинъ посредствомъ извѣстныхъ серебряныхъ дщицъ; другой въ посланіи къ блаженному Фотію во время (такъ называемаго) осьмаго Вселенскаго Собора и въ посланіи къ Святополку—касательно Меѳодія, епископа моравскаго, но большая часть ихъ преемниковъ, обольстившись предоставляемыми имъ сею ересью, противными правиламъ Соборовъ, правами на преобладаніе надъ церквами Божіими, и нашедши въ томъ для себя много мірскихъ выгодъ и много прибыли, измысливъ единодержавіе въ соборной Церкви и единовластіе въ раздаяніи даровъ Святаго Духа, не только измѣнили бывшее у нихъ древнее богослуженіе, отсѣкши себя такими нововведеніями отъ прочаго древняго и истинно-христіанскаго общества, но еще старались, не безъ

постыдныхъ ухищреній, какъ предаетъ намъ неложная исторія, увлечь за собою въ отступничество отъ православія и остальныя четыре патріархіи и поработить такимъ образомъ соборную Церковь хотѣніямъ и велѣніямъ человѣческимъ.

§ 7. Приснопамятные предшественники и отцы наши, видя, какъ праотеческое евангельское ученіе попирается ногами, какъ свыше истканный хитонъ Спасителя нашего раздирается руками нечестивыми, движимые любовію отеческою и братскою, оплакивали гибель такого множества христіанъ, *за нихъ-же Христосъ умре*, но вмѣстѣ и употребляли много ревности и усилій, соборнѣ и частно, чтобы, спасая православное ученіе святой, соборной Церкви, соединить опять, сколько возможно, раздѣленное, и, подобно искуснымъ врачамъ, общими силами старались исцѣлить членъ страждущій, перенося сами много и скорбей, и поруганій, и преслѣдованій, только-бы тѣло Христово не раздробилось на части, только-бы не были попраны уставы божественныхъ и святыхъ Соборовъ. Но Западъ, по свидѣтельству неложной исторіи, остался упоренъ въ заблужденіи. И присноублажаемые мужи на дѣлѣ испытали истину словъ иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, который, по собственному опыту, говорилъ о епископахъ Запада, и въ частности о бывшемъ при немъ папѣ: „истины они не знаютъ, и знать не желаютъ; съ тѣми кто возвѣщаетъ имъ истину, они спорятъ, а сами утверждаютъ ересь“ (посл. къ Евс. Самос.); и такимъ

образомъ, по первомъ и второмъ братскомъ внушеніи, узнавъ ихъ нераскаянность, они отрясли прахъ ногъ и отреклись отъ нихъ, предали ихъ въ неискусенъ умъ ихъ (ибо „брань лучше мира, отдѣляющато отъ Бога“, какъ сказалъ иже во святыхъ отецъ нашъ Григорій, пиша объ аріанахъ). Съ тѣхъ поръ нѣтъ никакого духовнаго общенія между ими и нами, потому что они собственными руками изрыли глубокую пропасть между собою и православіемъ.

§ 8. Впрочемъ на семъ не остановился папизмъ въ своемъ посягательствѣ на миръ Церкви Божіей, и разсылая повсюду такъ называемыхъ миссіонеровъ, людей коварныхъ, онъ „преходитъ сушу и море, чтобы обратить хотя однаго“, прельстить кого либо изъ православныхъ, извратить ученіе Господа нашего, исказить прибавленіемъ божественный символъ святой нашей вѣры, представить излишнимъ богопреданное погруженіе въ крещеніи и безполезнымъ общеніе чащи завѣта, и безчисленное множество другаго, что духъ новизны внушалъ готовымъ на все схоластикамъ среднихъ вѣковъ и тогдашнимъ по любоначалію позволявшимъ себѣ все, епископамъ древняго Рима. Ублажаемые за благочестіе предшественники и отцы наши, хотя и были многократно и многообразно оскорбляемы и тѣснимы папизмомъ извнутри и отвнѣ, непосредственно и посредственно, но укрѣпляясь, упованіемъ на Господа, сохранили и намъ предали неповрежденнымъ неоцѣненное наслѣдіе отцевъ

своихъ, которое и мы, при помощи Божіей, предадимъ, какъ многоцѣнное сокровище, будущимъ поколѣніямъ, даже до скончанія вѣковъ. Не смотря на то, паписты не успокаиваются до нынѣ, и не успокоятся, по своей обычной враждѣ противъ православія, которое они, какъ отступившіе отъ вѣры своихъ предковъ, имѣютъ предъ глазами живою, ежедневною уликою. О, если-бы они устремили свои усилія противъ ереси, распространившейся и господствующей на Западѣ! Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы ихъ усердіе ко вреду православія было обращено къ истребленію ереси и нововведеній, согласно съ благочестивыми намѣреніями Льва III и Іоанна VIII, сихъ послѣднихъ присноблаженныхъ православныхъ папъ,—давно-бы не осталось и слѣда ея во вселенной и мы-бы нынѣ всѣ тожде мудрствовали, по заповѣди апостольской. Но ревность преемниковъ ихъ не была направлена къ сохраненію православной вѣры, какъ приснопамятная ревность блаженнаго Льва III!

§ 9. Впрочемъ съ нѣкотораго времени нападенія собственно отъ лица предшествовавшихъ папъ прекратились, а были только со стороны миссіонеровъ, но теперь восшедшій въ 1847 году на епископскую каѳедру Рима, подъ именемъ папы Пія IX издалъ 6 января 1848 г. окружное посланіе, надписанное къ восточнымъ, состоящее въ греческомъ переводѣ изъ 12 страницъ, которое посланецъ его распространилъ, какъ нѣкую наносную заразу, внутри нашей православной паствы. Въ семъ посла-

ніи онъ прежде ведетъ рѣчь съ отступавшими въ разныя времена отъ различныхъ христіанскихъ обществъ и самовольно переходившими къ папизму, и слѣдовательно ему своими; потомъ обращаетъ рѣчь и къ православнымъ, хотя не называя по имени кого—либо изъ нихъ въ частности, но указывая по имени (стр. 3, строк. 14—18, строк 4, строк. 19 и стр. 9 строк. 17 и 23) на божественныхъ и святыхъ отцевъ нашихъ, явно говоря неправду о нихъ и о насъ, ихъ преемникахъ и потомкахъ;—представляя ихъ принимающими постановленія и опредѣленія папъ какъ-бы правителей соборной Церкви,—насъ же невѣрными ихъ примѣромъ, и слѣдовательно выставляя насъ предъ ввѣренною намъ отъ Бога паствою отступниками отъ собственныхъ отцевъ нашихъ и небрегущими освященныхъ для насъ обязанностяхъ и о душевномъ спасеніи духовныхъ чадъ нашихъ. Далѣе, присвояя себѣ, уже какъ собственное—достояніе, соборную Церковь Христову, ради того, что занимаетъ, какъ онъ хвалится епископскій престолъ святаго Петра, онъ хочетъ такимъ образомъ прельщеніемъ склонить болѣе простыхъ людей къ отступленію отъ православія, прибавляя слѣдующія слова, странныя для всякаго, знакомаго съ богословскимъ ученіемъ (стр. 10 строк. 29): „нѣтъ никакой причины, по которой-бы вы могли отказаться отъ возвращенія въ истинную Церковь и отъ общенія съ симъ святымъ престоломъ“.

§ 10. Каждый изъ нашихъ братій и чадъ во Христѣ, воспитанныхъ и наученныхъ въ благочестіи, читая сіе съ разумѣніемъ и при свѣтѣ данной ему отъ Бога мудрости, безъ сомнѣнія поймет, что слова и нынѣшняго епископа римскаго, также какъ и его предшественниковъ со времени отдѣленія, не суть слова міра, какъ онъ говоритъ (стр. 7. строк. 8), и любви, но слова лести и обмана, направленныя къ собственному его возвышенію, по обычаю дѣйствовавшихъ вопреки соборамъ его предмѣстниковъ. Посему и увѣрены мы, что какъ до настоящаго времени, такъ и впредь православные не будутъ прельщены: ибо вѣрно слово Господа нашего (Іоан. 15) „*по чуждемъ не идутъ, а бѣжатъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа*“.

§ 11. При всемъ томъ, мы сочли отеческимъ и братскимъ долгомъ нашимъ и священною обязанностію, чрезъ предлагаемое теперь благожелательное посланіе, и васъ утвердить въ православіи, которое вы получили отъ предковъ, и вмѣстѣ показать мимоходомъ слабость умствованій римскаго епископа, которую и самъ онъ очевидно понимаетъ. Ибо онъ не апостольскимъ исповѣданіемъ своимъ украшаетъ свой престолъ, но апостольскимъ престоломъ старается потвердить свое достоинство; достоинствомъ же (потвердить) свое исповѣданіе. А на самомъ же дѣлѣ это иначе. Ибо не только престолъ римскій, который по одному только преданію почитается, получившимъ

преимущества отъ святаго Петра, но и представляемый въ священномъ писаніи главнымъ престолъ святаго Петра,—т. е. Антіохія, которой Церковь, по свидѣтельству святаго Василія (посл. 48 къ Аѳан. в), есть „главнѣйшая изъ всѣхъ Церквей во вселенной“, и что всего важнѣе, о которой второй Вселенскій Соборъ въ посланіи къ Собору западныхъ (честнѣйшимъ и боголюбивѣйшимъ братіямъ и сослужителямъ Дамасу, Амвросію, Вритону, Валеріану и проч.) свидѣтельствуетъ такъ: „старѣйшей и, по истинѣ, апостольской Церкви, сущей въ Антіохіи сирійской, гдѣ впервые принято было досточтимое имя христіанъ“,— и сія, говоримъ, апостольская Церковь антіохійская никогда не имѣла преимущества—не быть судимою по божественному писанію и соборнымъ опредѣленіямъ изъ уваженія къ ней, какъ истинному престолу святаго Петра. Но что мы говоримъ? Самъ святый Петръ лично былъ судимъ предъ всѣми *по истинѣ благовѣствованія* (Гал. 12) и, по свидѣтельству писанія, оказался *зазоренъ и неправоходящъ*.—Что послѣ сего надобно подумать о тѣхъ, которые величаются и надмѣваются обладаніемъ только предполагаемаго мнимаго престола его? И точно, самъ небоявленный Василій Великій,—сей вселенскій учитель православія въ соборной Церкви, на котораго даже и епископы Рима вынуждаются указывать намъ (стр. 8 строк. 31), опредѣленно и ясно высказалъ намъ выше (§ 7), какое мнѣніе мы должны имѣть о сужденіи

яхъ непристуннаго Ватикана: „они истины не знаютъ, и знать не желаютъ; съ тѣми, кто возвѣщаетъ имъ истину, они спорятъ, а сами утверждаютъ ересь“; слѣдовательно, тѣже самые святые отцы наши, которыхъ, какъ свѣтильниковъ и учителей самаго Запада, съ подобающимъ уваженіемъ перечисляетъ намъ Его блаженство, и которымъ увѣщеваетъ насъ слѣдовать (тамъ же), научаютъ насъ, чтобы мы не по престолу судили о православіи, но о самомъ престолѣ и сѣдящемъ на престолѣ—по божественнымъ писаніямъ, по соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по вѣрѣ, всѣмъ проповѣданной, т. е. по православію непрерывнаго ученія (Церкви). Такъ судили и осудили Соборомъ отцы наши и Онорія, папу римскаго, и Діоскура, папу александрійскаго, и Македонія, и Несторія, патріарховъ константинопольскихъ и Петра Кнафея, патріарха антіохійскаго и проч. Ибо, если по свидѣтельству писанія, даже *мерзость запустѣнія* была *на мѣстѣ святѣ*. (Дан. 9, 27, и Матѳ. 24, 15), то почему новизны и ересь не могутъ быть на престолѣ святомъ? Отсюда ясно открывается слабость и непрочность и другихъ доказательствъ (стр. 8. строк. 9, 11 и 14) въ пользу верховнаго владычества римскаго епископа. Ибо, если-бы Церковь Христова не была основана на незыблемомъ камнѣ исповѣданія Петрова: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (которое было общимъ отвѣтомъ со стороны апостоловъ на предложенный имъ вопросъ: „*вы же кого Мя гла-*

голете быти" (Матѳ. 16, 15, 16), какъ объясняютъ намъ божественные отцы восточные и западные),—то и самъ Кнѳа былъ-бы для нее слабымъ основаніемъ, тѣмъ болѣе папа, который, присвоилъ себѣ ключи царствія небеснаго, какъ распорядился ими, извѣстно изъ исторіи. И о значеніи троекратнаго: *паси овцы моя*, общіе наши божественные отцы единогласно учатъ, что это не было какимъ либо предпочтеніемъ святаго Петра предъ прочими апостолами, тѣмъ менѣе его преемниковъ, а просто возстановленіемъ его въ санъ апостольскій, изъ котораго онъ ниспалъ чрезъ троекратное отреченіе. И самъ святый Петръ, какъ видно, точно также понялъ смыслъ троекратнаго вопроса Господа: *любиши-ли Мя*; и словъ: *паче сихъ* (Іоан. 21, 16). Ибо вспомнивъ слова свои: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же соблазнюся* (§ 12), *оскорбѣ, яко рече ему третіе: любиши-ли Мя*. Но преемники его, для своихъ цѣлей, принимаютъ это изрѣченіе въ смыслѣ, слишкомъ для нихъ благопріятномъ

§ 12. Еще Его блаженство говоритъ (стр. 8 строк. 12) что Господь нашъ сказалъ Петру (Лук. 22, 32): *Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя и ты нѣкогда обращся, утверди братію твою*. Молитва Господа нашего была по тому случаю, что сатана просилъ (тамъ же ст. 31), да попущено будетъ ему подвергнуть искушенію вѣру всѣхъ учениковъ,—Господь же позволилъ ему сдѣлать сіе только съ Петромъ, потому особенно,

что онъ высказалъ слова самолюбія и почиталъ себя выше другихъ (Матѳ. 26, 33) *аще и вси соблазнятся о Тебѣ: азъ никогдаже соблазнюся;* но это искушеніе было временное, когда Петръ *начатъ роптитися и клятися, яко не знаю человѣка* (Матѳ. 6, 74),—такъ слаба природа человѣческая, оставленная самой себѣ! *духъ бо бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. 26, 4);—временное, говоримъ, для того, чтобы потомъ, пришедъ въ себя и очистившись слезами покаянія, онъ могъ еще болѣе утвердить братьевъ своихъ въ исповѣданіи Того, которому они не измѣнили и не отрѣкались. О премудрыя судьбы Господни! Какъ божественна и таинственна была на землѣ послѣдняя ночь Спасителя нашего! Священная-та вечеря,—она самая, вѣруемъ мы, и нынѣ совершается ежедневно по слову Господа: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 29, 19), *и елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (Павл. 1 Кор. 11, 26). Братская любовь, съ такою попечительностію, заповѣданная намъ общимъ учителемъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35), любовь, которой рукописаніе и завѣты первые раздрали папы, защищая и принимая еретическія нововведенія, вопреки тому, что намъ благовѣствовано и что утверждено уставами общихъ учителей и отцевъ нашихъ,—та самая, говоримъ, любовь дѣйствуетъ и нынѣ въ душахъ христіанскихъ народовъ и осо-

бенно въ руководствующихъ ими. Ибо мы дерзновенно исповѣдуемъ предъ Богомъ и людьми, что молитва Спасителя нашего (стр. 7. строк. 33) къ Богу и Отцу своему объ общей любви христіанъ и совокупленіи во едину святую, соборную и апостольскую Церковь, въ которую и вѣруемъ мы, *да будуте едино, якоже и мы едино есмы* (Іоан. 17, 22), дѣйствуетъ въ насъ, какъ и въ Его блаженствѣ, и здѣсь-то наше братское стремленіе и ревность срѣтается съ стремленіемъ и ревностію Его блаженства,—съ тѣмъ только различіемъ, что въ насъ эта ревность направлена къ тому, чтобы соблюсти чистымъ и неприкосновеннымъ божественный, безъукоризненный и всесовершенный Символъ христіанской вѣры, сообразно съ евангеліемъ и опредѣленіями седьми святыхъ Вселенскихъ Соборовъ, и съ ученіемъ непрерывно--продолжающейся соборной Церкви; а въ Его блаженствѣ къ тому, чтобы укрѣпить и утвердить надъ всѣми власть и господство возсѣдающихъ на апостольскомъ престолѣ и ихъ новаго ученія. Вотъ сущность, кратко сказать, всего разнорѣчія и несогласія между нами и ими; вотъ средостѣніе ограды, которое по божественному предреченію (тамъже 10, 1): *и гины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести и гласъ Мой* (истину: *иже отъ Отца исходитъ*) *услышатъ*, при помощи прославляемой мудрости Его блаженства, надѣемся, разрушится во дни его. Скажемъ еще въ третьихъ: если допустимъ, со-

гласно съ словами Его блаженства, что молитва Господа нашего о Петрѣ, которому предстояло отреченіе и клятвопреступленіе, тѣсно соединена и связана съ престоломъ Петра, и что она простираетъ силу свою и на возсѣдающихъ на немъ въ разное время, хотя, какъ выше сказано (§ 11), ни что не подтверждаетъ сего мнѣнія (какъ удостовѣряетъ насъ писаніе примѣромъ самаго святаго Петра, и при томъ, послѣ сошествія Святаго Духа); то увѣряемъ, на основаніи словъ Господа, что придетъ время, когда сія божественная, по случаю отреченія Петра, молитва, *да неоскудѣетъ* въ концѣ *вѣра* его, воздѣйствуетъ и въ какомъ либо изъ преемниковъ его, который и восплачетъ, подобно ему, горько, и, обратившись, еще болѣе утвердитъ насъ, братій его, въ православномъ исповѣданіи, которое получили мы отъ предковъ. И—о, если-бы Его блаженство былъ таковымъ истиннымъ преемникомъ блаженнаго Петра! Но къ сей смиренной молитвѣ нашей, что мѣшаетъ присоединить такой-же и совѣтъ, искренній и отъ чистаго сердца, во имя святой, соборной Церкви? Мы не дерзаемъ сказать: „безъ всякаго отлагательства“, какъ сказалъ (стр. 10, строк. 22) Его блаженство, но говоримъ: безъ поспѣшности, по зрѣломъ разсужденіи, и при томъ, если будетъ нужно, по совѣщаніи съ мудрѣйшими, благочестивѣйшими и вмѣстѣ правдолюбивѣйшими и безпристрастнѣйшими епископами, богословами и учителями, которые и въ настоящее время, по боже-

ственному домостроительству, находятся у каждаго изъ народовъ западныхъ.

§ 13. Его блаженство говоритъ, что епископъ ліонскій, святый Иринеи пишетъ въ похвалу римской Церкви: „необходимо, чтобы вся Церковь, т. е. всѣ повсюду находящіеся вѣрующіе, согласовались (съ нею) ради главенства сей Церкви, въ которой сохранилось апостольское преданіе въ разсужденіе всего, что извѣстно между повсюду находящимися вѣрующими". Хотя сей святый отецъ (Иринеи) говоритъ совсѣмъ не то, что разумѣютъ ватиканскіе (епископы); но, предоставивъ имъ разумѣть и толковать какъ угодно, скажемъ только: кто же отвергаетъ, что древняя римская Церковь была апостольскою и православною? Никто изъ насъ не усумнится назвать ее даже образцомъ православія, и для большей ея похвалы мы приведемъ слова историка Созомена (Истор. Созом. кн. III, гл. 12) о томъ, какимъ образомъ до извѣстнаго времени могло сохраниться въ ней похваляемое нами православіе, о чемъ Его блаженство умолчалъ: „Западная Церковь (говоритъ Созоменъ) сохраняя въ чистотѣ отеческіе догматы, свободна отъ распрей и суесловія". Кто изъ отцевъ или изъ насъ самихъ отвергаетъ предоставленное ей церковными правилами старѣйшинство въ порядкѣ іерархическомъ, доколѣ она „сохраняла въ чистотѣ отеческіе догматы", руководясь непогрѣшительнымъ ученіемъ священнаго писанія и св. Соборовъ? Но теперь мы видимъ, что у ней

ни сохранился ни догматъ о Святой Троицѣ по Символу святыхъ отцевъ, собравшихся въ первый разъ въ Никеѣ, и въ другой въ Константинополѣ,—по Символу, который и прочіе пять Вселенскихъ Соборовъ исповѣдали и потвердили, подвергнувъ анаѳемѣ тѣхъ, кои измѣнятъ въ немъ хотя одну іоту, какъ еретиковъ; не сохранился и апостольскій образъ совершенія святаго крещенія, и призываніе всесовершающаго Духа на святые дары. Напротивъ видимъ въ ней и евхаристію безъ причащенія отъ святой чаши, которое, о ужасъ! почитается излишнимъ, и очень многое другое, что не было извѣстно не только нашимъ (восточнымъ) святымъ отцамъ, кои всегда именовались вселенскимъ непогрѣшительнымъ правиломъ и образцомъ православія, какъ говоритъ изъ уваженія къ истинѣ и Его блаженство (стр. 2), но—и древнимъ святымъ отцамъ Запада; видимъ въ ней и главенство, о которомъ всѣми силами ревнуетъ нынѣ и Его блаженство, также какъ и его предшественники, и которое превращено ими изъ братскаго отношенія и преимущества іерархическаго—въ господственное. Что же надобно заключить о неписанныхъ преданіяхъ ея, когда и писанныя представляютъ такое извращеніе и измѣненіе къ худшему? И кто такъ смѣлъ и такъ довѣрчивъ къ достоинству апостольскаго престола (папскаго), что дерзнетъ сказать, что, если-бы нынѣ возвратился къ жизни святой отецъ нашъ Ириней, то, видя римскую Церковь въ столь сущест-

венныхъ и вселенскихъ членахъ христіанской вѣры отступившею отъ древняго и первоначальнаго апостольскаго ученія,—онъ первый не возсталъ-бы противъ нововведеній и самовольныхъ учрежденій этой Церкви, о которой онъ тогда справедливо отзывался съ похвалою, какъ о соблюдавшей въ чистотѣ отеческіе догматы? Напримѣръ, если-бы святый отецъ увидѣлъ, что римская Церковь нетолько изъ своего чина литургіи, по внушенію схоластиковъ, исключила древнѣйшее и апостольское призываніе тайнодѣйственнаго Духа, и жалко исказила священнодѣйствіе въ существенной его части, но и всячески старается изгнать оное изъ литургій и прочихъ христіанскихъ обществъ, клевеща,—(такъ недостойно апостольскаго престола, который величается!) —будто „это вкралось послѣ раздѣленія“ (Церквей) стр. 11, строк. 11): что сказалъ-бы онъ объ этой новизнѣ, онъ, который увѣряетъ насъ (Ирин. кн. IV гл. 34, издан. Massuet 18), что „земной хлѣбъ, когда надъ нимъ совершится призываніе (ἔκκλησιν) Бога, не есть уже простой хлѣбъ и проч., разумѣя здѣсь подъ словомъ (ἔκκλησιν), именно то призываніе, посредствомъ котораго совершается таинство литургіи? А что св. Ириней такъ вѣровалъ, объ этомъ замѣтилъ даже одинъ изъ папскихъ монаховъ ордена Миноритовъ, Франциск Февъ-Ардентій, издавшій въ 1639 году съ толкованіями сочиненія упомянутаго святаго отца (см. 18 гл. I книги, отд. 114) Panem et calycem commixtum per invo-

cationis verba corpus et sangvis Christi vere fieri, т. е. (святый Ириней учитъ, что хлѣбъ евхаристіи и растворенное вино, чрезъ слова призыванія, истинно становятся тѣломъ и кровію Христовыми". Далѣе, что сказалъ-бы онъ, услышавъ о намѣстничествѣ и главенствѣ папы,—онъ, который по поводу небольшаго, почти безразличнаго разногласія о времени празднованія пасхи (Евсев. Цер. истор. V, 26), столь сильнымъ и торжественнымъ увѣщаніемъ, противосталъ неумѣстному въ соборной Церкви Христовой, повелительному тону папы Виктора?—Такъ-то самъ Отецъ, приводимый Его блаженствомъ во свидѣтеля главенства римской Церкви, подтверждаетъ, что достоинство ея состоитъ не въ господствѣ и не въ главенствѣ, которыхъ и самъ Петръ никогда не получалъ,—но въ братскомъ старѣйшинствѣ во вселенской Церкви и преимуществѣ, предоставленномъ папамъ ради знаменитости и древности ихъ города. Такъ и четвертый Вселенскій Соборъ, сохраняя узаконенную третьимъ Вселенскимъ Соборомъ независимость церквей, слѣдуя второму Вселенскому (прав. 3), а чрезъ него и первому (прав. 6), назвавшую правительственную власть папы надъ западными церквами не болѣе, какъ обычаемъ,—объявилъ, что „отцы прилично дали преимущества (престолу древняго Рима); поелику то былъ царствующій градъ" (кан. 28),—не сказавъ ничего о присвоенномъ ими (папами) преемствѣ отъ апостола Петра и особенно о намѣстничествѣ римскихъ еписко-

повъ и ихъ вселенскомъ пастыреначальствѣ. Столь глубокое молчаніе о важныхъ преимуществахъ и, притомъ, объясненіе первенства римскихъ епископовъ не изъ словъ: „*паси овцы Моя*“ и „*на семъ камени созижду Церковь Мою*“, но просто изъ обычая и ради царствующаго града, и при томъ первенства, даннаго не Господомъ, а отцами, мы увѣрены, покажется Его блаженству, иначе объясняющему свои преимущества (стр. 8, строк. 16) тѣмъ болѣе страннымъ, чѣмъ болѣе (какъ видно изъ § 15) находитъ онъ рѣшительнымъ свидѣтельство упомянутаго четвертаго Вселенскаго Собора въ пользу своего престола; да и Григорій Двоесловъ, именуемый Великимъ, обыкновенно называетъ эти четыре Вселенскихъ Собора (книга I, посл. 25) какъ-бы четырьмя Евангеліями и четыреугольнымъ камнемъ, на которомъ создана соборная Церковь.

§ 14. Его блаженство говоритъ (стр. 10, строк. 12), что коринѳяне, по случаю возникшаго у нихъ несогласія, отнеслись къ Клименту, папѣ римскому, который, обсудивши дѣло, отправилъ къ нимъ посланіе и они съ такимъ уваженіемъ приняли его рѣшеніе, что читали оное въ церквахъ. Но это событіе есть очень слабое доказательство папской власти въ домѣ Божіемъ: такъ какъ Римъ былъ тогда средоточіемъ управленія и столицею императоровъ, то всякое дѣло, сколько-нибудь важное, каковъ споръ коринѳянъ, должно было тамъ разбираться, особенно, если одна изъ спо-

рящихъ сторонъ прибѣгала къ постороннему посредничеству. Такъ бываетъ и до нынѣ. Патріархи Александріи, Антіохіи и Іерусалима, въ случаѣ дѣлъ необыкновенныхъ и запутанныхъ, пишутъ къ патріарху Константинополя потому, что сей городъ—есть столица самодержцевъ и при томъ имѣетъ преимущество, предоставленное ему Соборами. Если братскимъ содѣйствіемъ исправится нуждающееся въ исправленіи,—то хорошо; если-же нѣтъ, то дѣло предается правительству по надлежащему. Но сіе братское содѣйствіе въ христіанской вѣрѣ, не бываетъ на счетъ свободы церквей Божіихъ. Тоже надобно сказать и касательно приводимыхъ Его блаженствомъ (стр. 9, строк. 5, 17) примѣровъ изъ жизни святыхъ—Аѳанасія Великаго и Іоанна Златоустаго, т. е. что это—примѣры предстательства братскаго и подобающаго преимуществамъ епископовъ римскихъ Юлія и Иннокентія: между тѣмъ преемники ихъ нынѣ требуютъ отъ насъ покорности въ искаженіи божественнаго Символа, тогда какъ самъ Юлій изъявилъ тогда негодованіе на нѣкоторыхъ за то, что „они возмущаютъ церкви отступленіемъ отъ никейскихъ догматовъ“ (Созом. церк. ист. книг. III глав. 7), и угрожалъ имъ! „что не будетъ болѣе терпѣть, если они не перестанутъ вводить новизны“.—Въ дѣлѣ коринѳянъ надобно еще замѣтить и то, что изъ тогдашнихъ трехъ только патріаршихъ престоловъ ближайшій и важнѣйшій для коринѳянъ былъ престолъ римскій, къ которому по правиламъ

и должны были отнестись. И такъ, здѣсь мы не видимъ ничего особеннаго и доказывающаго право папы на господство въ свободной Церкви Божіей.

§ 15. Наконецъ, его блаженство, (строк. ту же стран. 20), говоритъ, что четвертый Вселенскій Соборъ (который, конечно, по ошибкѣ, онъ переноситъ изъ Халкидона въ Кархидонъ): по прочтеніи посланія папы Льва I-го воскликнулъ, „Петръ сказалъ это устами Льва"! Дѣло точно такъ было. Но его блаженству не надобно было бы оставлять безъ вниманія и того, какъ и послѣ какого тщательнаго изслѣдованія, Отцы сказали упомянутые слова въ похвалу Льва. Такъ какъ онъ (папа), можетъ быть заботясь о краткости, опустилъ одно обстоятельство весьма нужное и ясно показующее, что важность Вселенскаго Собора гораздо выше достоинства не только папы, но и Собора, его окружающаго, то мы въ кратцѣ представимъ дѣло, какъ оно дѣйствительно было. Изъ шести сотъ слишкомъ Отцевъ, присутствовавшихъ на Халкидонскомъ Соборѣ, почти 200 мудрѣйшіе изъ нихъ назначены были Соборомъ разсмотрѣть и по буквѣ, и по мыслямъ означенное посланіе Льва, и не только разсмотрѣть, но и представить письменно и за своею подписью мнѣніе свое о томъ, православно-ли оно или нѣтъ. Почти 200 отдѣльныхъ мнѣній и сужденій о томъ посланіи находятся въ описаніи четвертаго засѣданія св. Собора, и онѣ такого содержанія, напр. пар. 600.

„Максимъ, епископъ Антіохіи сирійской сказалъ: посланіе Льва, святаго архіепископа, царствующаго Рима, согласно съ ученіемъ Вѣры, изложенной 318 святыми Отцами никейскими и 150 собравшимися въ Константинополѣ, новомъ Римѣ, и святымъ епископомъ Кирилломъ въ Ефесѣ, въ чемъ и подписуюсь".

И еще: „Ѳеодоритъ, боголюбивѣйшій епископъ кирскій, (сказалъ): посланіе святѣйшаго архіепископа Льва согласно съ вѣроученіемъ, изложеннымъ въ Никеѣ святыми и блаженными Отцами, и съ Символомъ Вѣры, изданнымъ въ Константинополѣ 150 Отцами, и съ посланіями блаженнаго Кирилла, и одобривъ вышеозначенное посланіе, я подписался".

И такъ по порядку всѣ объявляютъ: „согласуется посланіе", „согласно посланіе"; не противорѣчитъ посланіе, по мыслямъ своимъ и проч.", и уже послѣ тщательнаго сличенія его съ прежними св. Соборами и по причинѣ совершеннаго православія содержащихся въ немъ мыслей, а не потому только, что то было посланіе папы, они произнесли, не щадя ни какихъ похвалъ, тѣ замѣчательныя слова, которыми нынѣ хвалится Его блаженство: Но еслибы и Его блаженство прислалъ намъ (изложеніе Вѣры), согласное съ древними святыми семью Вселенскими Соборами, вмѣсто того, чтобы хвалиться благочестіемъ своихъ предшественниковъ, засвидѣтельствованнымъ нашими предмѣстниками и Отцами на Вселенскомъ Соборѣ, то и

онъ справедливо могъ бы хвалиться своимъ православіемъ, вмѣсто доблестей предковъ являя собственную доблесть. Если Его блаженству и теперь будетъ угодно прислать что либо такое, что 200 Отцевъ по изслѣдованіи и обсужденіи найдутъ согласнымъ съ прежними Соборами, то и теперь, говоримъ мы, онъ можетъ услышать и отъ насъ грѣшныхъ не только слова: „Петръ сказалъ это“, или что другое уважительное, но и такія слова: „да облобызается святая рука, отершая слезы соборной Церкви!

§ 16. Да, отъ мудрости Его блаженства можно было ожидать такого предпріятія, которое было бы достойно истиннаго преемника святаго Петра, Льва I и Льва III, начертавшаго, для огражденія православной Вѣры, божественный Символъ неповрежденнымъ на несокрушимыхъ дщицахъ, предпріятія, которое соединило бы Церкви западныя съ святою Соборною Церковію, въ которой оставляется праздными и не занятыми — и каноническая первенствующая каѳедра Его блаженства, и каѳедры всѣхъ епископовъ Запада; ибо Соборная Церковь, ожидая, конечно, обращенія отпадшихъ пастырей съ ихъ паствами, не опредѣляетъ на оныя новыхъ святителей, посредствомъ празднаго нарѣчія, когда онѣ на самомъ дѣлѣ заняты другими, дабы не унижать священства. И мы точно ожидали „слова утѣшенія“ и надѣялись, что оно „обновитъ слѣды Отцевъ“, какъ писалъ святый Василій къ святому Амвросію, епископу медіосланскому (писм. 55); но,

къ великому нашему удивленію, прочли упомянутое окружное посланіе къ Восточнымъ, изъ котораго, къ крайнему душевному прискорбію, увидѣли, что и прославляемый въ мудрости Его блаженство, подобно предшественникамъ своимъ со времени раздѣленія (Церквей), изрѣкаетъ тѣ же слова развращенія, т. е. не правильное прибавленіе къ совершеннѣйшему священному нашему Символу, утвержденному Вселенскими Соборами, искаженіе священныхъ Литургій, которыхъ одинъ небесный составъ, и имена составителей, и одна почтенная древность и важность, признанная седьмымъ Всесенскимъ Соборомъ (Дѣян. 6), заставили бы оцѣпенѣть и отклониться назадъ даже ту святотатственную и дерзкую руку, которая заушила Господа славы. Изъ всего этого мы заключили, въ какой неисходный лабиринтъ заблужденія и въ какой не исправимый порокъ лжеумствованія ввергъ папизмъ даже благоразумнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ епископовъ римской Церкви, когда они для сохраненія „непогрѣшительной и слѣдовательно обязательной намѣстнической власти и правительственнаго главенства между своими подчиненными", принуждены касаться божественнаго и неприкосновеннаго и посягать на все, показывая, правда, на словахъ уваженіе къ „достопочтенной древности" (стр. 11 ст. 16). но на самомъ дѣлѣ, питая неукротимую страсть къ новизнѣ по отношенію къ предметамъ священнымъ, какъ видно изъ словъ (папы): „нужно отдѣлить отъ нихъ то,

что вкралось въ нихъ послѣ раздѣленія и пр.“ (тамъ же ст. 11), гдѣ онъ примѣшиваетъ ядъ новизны къ самой вечери Господней. Изъ сихъ словъ можно подумать, что Его блаженство подозрѣваетъ, будто и въ православной Соборной Церкви произошло тоже, что произошло, какъ онъ знаетъ, въ Церкви римской по утвержденіи папизма, т. е. измѣненіе всѣхъ вообще таинствъ, и искаженіе ихъ на основаніи схоластическихъ мудрованій, которыми онъ старается доказать такіе же недостатки и въ нашихъ священныхъ литургіяхъ, таинствахъ и догматахъ, отзываясь впрочемъ съ уваженіемъ о ихъ достопочтенной древности, и вовсе не думая, конечно, по снисхожденію чисто апостольскому, какъ выражается онъ „опечалить насъ строгимъ отверженіемъ (литургій, обрядовъ и проч. стр. 11, строк. 5). “Отъ такого же незнанія апостольскихъ и соборныхъ обычаевъ нашихъ произошло, безъ сомнѣнія, и другое его изрѣченіе (ст. 7. ст. 22): „но даже между вами не могло сохраниться единства ученія и священнаго управленія,“ въ которомъ (изрѣченіи) онъ страннымъ образомъ приписываетъ намъ собственный недостатокъ, подобно тому, какъ нѣкогда папа Левъ IX, въ письмѣ къ блаженной памяти Михаилу Керулларію, обвинялъ грековъ въ искаженіи Символа Соборной Церкви, не стыдясь ни своего сана, ни исторіи. Но мы увѣрены, что если Его блаженство припомнитъ церковную археологію и исторію, ученіе божественныхъ отцевъ и древнія ли-

тургіи Галліи и Испаніи и служебникъ древней Римской Церкви, то онъ съ ужасомъ увидитъ, сколько и другихъ не сообразностей, существующихъ еще и нынѣ, произвелъ на западѣ папизмъ, между тѣмъ какъ у насъ православіе сохранило Соборную Церковь непорочною невѣстою жениху ея,— хотя мы и не имѣемъ ни какого свѣтскаго надзирательства (ἀσυνομίαν κοσμικὴν) или, какъ говоритъ Его блаженство, „священнаго управленія“ (стр. 7. строк. 23.), а только соединены союзомъ любви и усердія къ общей матери, въ единствѣ вѣры, запечатлѣнной семью печатями духа (Апок. 5, 1) т. е. семью Вселенскими Соборами, и въ послушаніи истинѣ, увидитъ, сколько, напротивъ, „нужно отдѣлить отъ нынѣшнихъ папскихъ догматовъ и таинствъ,“ какъ „заповѣдей человѣческихъ,“ для того чтобы все — измѣнившая западная Церковь могла приблизиться къ непзмѣнной, Соборной, православной вѣрѣ общихъ отцевъ нашихъ, по отношенію къ которой (какъ онъ, по словамъ его, знаетъ, стр. 8, строк. 30) мы всѣ стараемся сохранять то ученіе, какого держались наши предки (тамже стр. 31.); почему и онъ самъ хорошо дѣлаетъ, научая (тамже стр. 31.) насъ „слѣдовать древнимъ іерархамъ и вѣрнимъ восточныхъ епархій.“ А какъ разумѣли они (древніе іерархи) учительскую власть архіепископовъ древняго Рима, и какое понятіе должны имѣть о нихъ мы, чада православной Церкви, и какимъ образомъ должно принимать ученіе ихъ, примѣръ этаго они

показали намъ соборнѣ (§ 15), и небоявленный Василій внятно прояснилъ это (§ 7.). Что же касается до верховной власти ихъ (Римскихъ архіепископовъ,) то поелику здѣсь мы не намѣрены предлагать объ этомъ подробнаго изслѣдованія, приведемъ краткія слова того же Василія Великаго: „хотѣлъ я писать *къ главному ихъ* (*αὐτῶν κορυφαίῳ*“ тамже)....

§ 17. Изъ всего этаго всякій, воспитанный въ здравомъ каѳолическомъ ученіи, а тѣмъ болѣе Его блаженство, можетъ заключить, какъ неблагочестно и не согласно съ правилами соборовъ покушаться на измѣненіе нашихъ догматовъ, литургій и прочихъ священнодѣйствій, которыхъ древность, современная самому христіанскому ученію, засвидѣтельствована всегдашнимъ къ нимъ уваженіемъ и вѣрою въ ихъ неприкосновенность, даже со стороны древнихъ православныхъ папъ, у которыхъ нѣкогда все то было общее съ нами; сколько съ другой стороны благопотребно и благочестно исправить новизны, время вторженія коихъ въ Церковь римскую мы опредѣленно знаемъ, и противъ которыхъ приснопамятные отцы наши благовременно возвышали голосъ свой. Есть и другія причины, почему Его блаженство легко можетъ произвести такое преобразованіе. Во первыхъ: наше все, (догматы, постановленія и проч.) было нѣкогда въ уваженіи и у западныхъ, имѣвшихъ тѣже священнодѣйствія и исповѣдовавшихъ одинъ и тотъ же Символъ; между тѣмъ какъ тѣ нововве-

денія не были извѣстны нашимъ отцамъ, не могутъ быть подтверждены писаніями, хотя только западныхъ православныхъ отцевъ, и не могутъ быть доказаны ни по отношенію къ древности, ни къ повсемѣстности. Далѣе: у насъ ни патріархи, ни соборы ни когда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія (ὑνερασνιστὴσ τὴσ θρησκείασ) у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцевъ его, какъ то испытали многіе и изъ папъ, и латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія ни сколько не успѣвшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ; между тѣмъ въ западной Церкви, какъ прежніе папы по временамъ и безъ труда, и съ насиліемъ, канонизовали въ ней (вѣрѣ) многія новизны ради благоустроенія (δ'σκονομίαν), какъ говорили они въ защиту свою отцамъ нашимъ, хотя на самомъ дѣлѣ производили не строеніе въ тѣлѣ Христовомъ; такъ папа же опять, уже дѣйствительно ради святаго и праведнѣйшаго благоустроенія, могъ бы и исправить *не мрежи*, но самый раздранный хитонъ Спасителя, возстановить почтенныя и древнія священнодѣйствія, которыя „способны сохранить благочестіе," какъ выражается самъ Его блаженство (стр. II. строк. 16.) и которыя почитаетъ онъ, по словамъ его (тамъ же ст. 14), и предшественники его уважали,—повторивъ достопамятное изреченіе одного изъ блаженной памяти своихъ предшественниковъ (т. е. Це-

лестина на III Вселен. Соборѣ): Desinat novitas incesserré vetustatem, — да престанетъ новизна возставать на древность.“ Пусть хотя въ одномъ этомъ послужитъ къ благу соборной Церкви доселѣ исповѣдуемая непогрѣшимость папскихъ опредѣленій! Правда, въ такомъ предпріятіи даже и такой папа, какъ Пій IX, при всей своей мудрости, благочестіи и ревности о христіанскомъ единеніи Вселенской Церкви, какъ самъ онъ выражается,—можетъ встрѣтить отвнѣ и извнутрь препятствія и затрудненія; но здѣсь то въ особенности мы должны обратить вниманіе Его блаженства (да не покажется это дерзостію съ нашей стороны) на слѣдующее положеніе въ его посланіи (стр. 8, строк. 32,) „въ дѣлахъ, касающихся исповѣданія божественной вѣры, нѣтъ ничего столь тяжкаго, чтобы не должно было претерпѣть для славы Христовой и ради воздаянія въ вѣчной жизни.“ По сему долгъ Его блаженства — показать предъ Богомъ и людьми, что онъ, будучи началовождемъ богоугоднаго предпріятія, есть вмѣстѣ и ревностный защитникъ гонимой истины Евангелія и святыхъ Соборовъ, жертвующій даже собственными выгодами, чтобы быть, по словамъ пророка (Ис. 40, 17,) начальникомъ *въ мирѣ* и епископомъ *въ правдѣ*. Да будетъ же! Но доколѣ состоится сіе вожделѣнное обращеніе отпадшихъ Церквей къ тѣлу единой, святой, соборной и апостольской Церкви, которой *глава Христосъ* (Евр. 4. 15.), мы же всѣ „*уды отъ части*,“ до толѣ всякое ихъ по-

кушеніе и всякое ихъ самозванное увѣщаніе, клонящееся къ искаженію нашей, отъ отцевъ намъ преподанной, неукоризненной вѣры, не только какъ подозрительное и опасное, но и какъ нечестивое и душепагубное — достойно соборнаго осужденія. Такому же осужденію подлежитъ въ особенности и окружное посланіе къ восточнымъ епископамъ древняго Рима папы Пія IX; такимъ мы и объявляемъ его въ соборной Церкви!

§ 18. Посему, возлюбленные братіе, и сослужители нашего смиренія! какъ всѣгда, такъ въ особенности въ настоящее время, по случаю изданія упомянутаго окружнаго послапія, мы считамъ своею непремѣнною обязанностію, въ слѣдствіе нашего патріаршескаго и соборнаго рѣшенія, да не погибнетъ кто либо изъ священной ограды соборной православной Церки, святѣйшей нашей общей матери;—не только себѣ самимъ напоминать ежедневно, но и васъ просить, чтобы вы напоминали другъ другу слова и увѣщанія блаженнаго Павла (сказанныя имъ) къ святымъ предшественникамъ нашимъ, которыхъ онъ собиралъ въ Ефесѣ: *внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ-же васъ духъ святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею. Азъ бо вѣмъ сіе яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада. И отъ васъ самыхъ возстанутъ мужіе глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики вслѣдъ себѣ. Сего ради бдите.* (Дѣян. 20, 28, 31). Предшественники и Отцы наши

выслушавъ сіи божественныя наставленія, пролили тогда обильныя слезы, и, повергаясь на выю его (Павла), цѣловали его. Такъ и мы, братіе, слушая его, поучающаго насъ со слезами, повергнемся мысленно со слезами на выю его, и, цѣлуя, утѣшимъ его твердымъ обѣщаніемъ нашимъ, что никто не отлучитъ насъ отъ любви Христовой; никто не отклонитъ насъ отъ евангельскаго ученія; никто не совратитъ насъ отъ надежнаго руководительства Отцевъ нашихъ также, какъ и ихъ никто не могъ прельстить при всемъ стараніи, съ какимъ по временамъ домогались этого люди, побуждаемые къ тому искусителемъ; дабы, достигнувъ цѣли Вѣры, т. е. спасенія душъ нашихъ и словеснаго стада, надъ которымъ Духъ Святый поставилъ насъ пастырями, услышать намъ отъ Господа: *добрѣ, рабе благій и вѣрный!*

§ 19. Сіе апостольское увѣщаніе и убѣжденіе чрезъ васъ мы посылаемъ ко всему православному обществу вѣрующихъ, гдѣ бы они не находились; къ священникамъ и іеромонахамъ, іеродіаконамъ и монахамъ; однимъ словомъ, ко всему причту и боголюбивому народу; къ начальникамъ и подчиненнымъ, богатымъ и бѣднымъ, родителямъ и дѣтямъ, учителямъ и ученикамъ, образованнымъ и необразованнымъ, господамъ и рабамъ, дабы всѣ, укрѣпляясь и укрѣпляя совѣтами другъ друга; *возмоли стать противу кознемъ діавольскимъ*, ибо такъ заповѣдуетъ всѣмъ намъ и блаженный апостолъ Петръ (1. Петр. 5, 8, 9,): *трезвитеся, бодр-*

ствуйте: зане супостатъ вамъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кою поглотити. Ему же противитися тверди вѣрою.

§ 20. Вѣра наша, братіе, (получила начало) не отъ человѣкъ и не чрезъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа, которое проповѣдывали божественные апостолы, утвердили святые Вселенскіе Соборы, предали по преемству великіе мудрые учители вселенной, и запечатлѣли своею кровію святые мученики! Будемъ держаться исповѣданія, которое мы приняли чистымъ отъ толикихъ мужей, отвергая всякую новизну, какъ внушеніе діавола: принимающій новое (ученіе) признаетъ какъ бы не совершенною преподанную ему православную Вѣру. Но она будучи уже вполнѣ раскрыта и запечатлѣна, не допускаетъ ни убавленія, ни прибавленія, ни другаго какого либо измѣненія, и дерзающій или сдѣлать, или совѣтывать, или замышлять сіе, уже отвергся вѣры Христовой, уже подвергся добровольно вѣчной анаѳемѣ за хулу на Духа Святаго, какъ будто Онъ (Духъ Святый), глаголалъ не совершенно въ писаніяхъ и на Вселенскихъ Соборахъ. Сію страшную анаѳему, братіе и возлюбленныя чада о Христѣ, не мы изрекаемъ нынѣ, но изрекъ прежде всѣхъ Спаситель нашъ (Матѳ. 12, 32): *иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему, ни въ сей вѣкъ ни въ будущій,* изрекъ божественный Павелъ (Гал. 1, 6): *чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся отъ звавшаго вы благодатію Христовою, во ино благовѣ-*

ствованіе, еже нѣсть ино: точію нѣцыи суть смущающіи вы, и хотящіи превратити благовѣствованіе Христово. Но и аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ. Тоже изрекли и семь Вселенскихъ Соборовъ, и цѣлый ликъ богоносныхъ Отцевъ. И такъ всѣ замышляющіи новизну—ересь или расколъ, добровольно облеклись, по словамъ псалмопѣвца (Псал. 108, 17): *въ клятву яко въ ризу,* хотя бы то были папы, или патріархи, или клирики, или міряне; пусть даже будетъ это ангелъ съ неба, и онъ анаѳема дабудетъ, *аще благовѣститъ вамъ паче еже пріясте.* Такъ разсуждали Отцы наши, внимая душеспасительнымъ словамъ Павла, и пребыли твердыми и непреклонными въ Вѣрѣ, по преемству имъ преданной, сохранили ее неизмѣнною и чистою среди столькихъ ересей, и предали ее намъ всецѣлою и неповрежденною, какъ истекла она изъ устъ первыхъ служителей Слова. Такъ разсуждая, и мы предадимъ ее въ грядущія поколѣнія совершенно такою же, какою сами приняли, безъ всякаго измѣненія, дабы и онѣ, подобно намъ, непостыдно и безъ упрека могли говорить о Вѣрѣ своихъ предковъ.

§ 21. По сему, братіе и возлюбленныя чада о Господѣ, очистивъ души наши, по апостолу, *въ послушаніи истины* (1 Петр. 1, 22), *будемъ внимать слышаннымъ, да не когда отпадемъ* (Евр. 21). Вѣра исповѣдуемая нами, непостыдна! Она преподана въ Евангеліи устами Господа нашего, засви-

дѣтельствована святыми апостолами и священными седмью Вселенскими Соборами, проповѣдана во всей вселенной, засвидѣтельствована самими врагами ея, которые прежде уклоненія своего отъ православія въ ереси исповѣдывали ту же вѣру или сами, или отцы, или праотцы ихъ; она по свидѣтельству исторіи, торжествовала надъ всѣми ересями, которыя нападали и нападаютъ на нее, какъ видите, до настоящаго времени. Наши святые и божественные Отцы и предшественники, непрерывно преемствующіе другъ другу, начиная отъ апостоловъ и отъ поставленныхъ (апостолами),преемниковъ ихъ даже до настоящаго времени,— составляя одну неразрывную цѣпь и соединяясь рука въ руку образуютъ священную ограду, которой *дверь-Христосъ*, гдѣ пасется вся православная паства на плодородныхъ нивахъ таинственнаго Эдема, а не „на стезяхъ кривыхъ и стропотныхъ", какъ говоритъ Его блаженство (стр. 7, ст. 12). Церковь наша содержитъ безошибочные и неповрежденные тексты священнаго Писанія, ветхій Завѣтъ въ точномъ и вѣрномъ переводѣ, а новый въ самомъ подлинникѣ; священнодѣйствія таинствъ, и въ особенности Божественной Литургіи, въ ней суть тѣже самыя, свѣтлыя и трогательныя какъ преданы апостолами. Ни какой другой народъ, ни какое другое христіанское общество не можетъ похвалиться святымъ Іаковомъ, Василіемъ, Златоустомъ: седмь Вселенскихъ Соборовъ, сіи седмь столповъ дома премудрости, были созваны у насъ: наша Церковь

хранитъ подлинники священныхъ опредѣленій ихъ. Пастыри ея, честное пресвитерство и ликъ монашескій сохраняютъ древнюю неукоризненную степенность первыхъ вѣковъ христіанства—въ своемъ чинопочитаніи, въ образѣ жизни и даже въ самой простотѣ одежды своей. Да, по истинѣ, въ сію святую ограду (Церкви) безпрерывно вторгались и вторгаются, какъ видимъ, *волцы тяжцы*, по предсказанію апостола,—что и доказываетъ, что въ ней заключаются истинные агнцы *Пастыреначальника*; но она всегда воспѣвала и воспѣваетъ: *обышедше и обыдоша Мя, и именемъ Господнимъ противляхся имъ* (псал; 117, 11). Припомнимъ еще одно обстоятельство, хотя прискорбное, но которое можетъ пояснить и доказать истину словъ нашихъ. Всѣ христіанскіе народы, какіе только вѣруютъ нынѣ во имя Христово, не исключая даже самаго Запада, ни самаго Рима, какъ это намъ извѣстно изъ списка первыхъ папъ,—научены истинной вѣрѣ Христовой нашими святыми предшественниками и отцами. Но уже впослѣдствіи люди коварные, изъ коихъ многіе были пастырями и архипастырями упомянутыхъ народовъ,—увы! дерзнули своими жалкими мудрованіями и еретическими мнѣніями исказить православіе тѣхъ народовъ, какъ свидѣтельствуетъ неложная исторія и какъ предсказывалъ апостолъ Павелъ.

§ 22. Познаемъ-же изъ сего, братія и духовныя чада наши, сколь великую благодать явилъ Богъ въ православной вѣрѣ нашей и единой, святой,

соборной и апостольской Его Церкви, которая какъ мать, вѣрная своему супругу, возращаетъ насъ непостыдно и безукоризненно, да будемъ благоотвѣтны *о нашемъ упованіи* (I Петр. 3, 15). Чѣмъ же воздадимъ мы грѣшные, Господу *о всѣхъ, яже воздаде намъ?* Не оскудѣвающій благами Господь и Богъ нашъ, стяжавшій насъ собственною кровію, ни чего не требуетъ отъ насъ, какъ только приверженности нашей, отъ всей души и отъ всего сердца, къ безукоризненной святой вѣрѣ отцевъ нашихъ; преданности и любви къ православной Церкви, возродившей насъ не новоизмышленнымъ окропленіемъ, но божественною банею апостольскаго крещенія,—питающей насъ по вѣчному завѣту Спасителя нашего, собственнымъ честнымъ тѣломъ Его,—щедро, какъ истинная мать, напаяющей насъ честною кровію Его, пролитою нашего ради спасенія и всего міра. И такъ, обымемъ ее мысленно, какъ птенцы мать свою, гдѣ-бы мы не находились—на Сѣверѣ, или Югѣ, Востокѣ, или Западѣ; устремимъ свои взоры и мысли къ божественному и пресвѣтлому виду и добротѣ ея; емлемся обѣими руками за пресвѣтлый хитонъ ея, которымъ облекъ ее своими пречистыми руками красный добротою Женихъ ея, когда избавилъ ее отъ рабства грѣха и сдѣлалъ своею вѣчною Невѣстою. Возчувствуемъ въ душахъ нашихъ скорбное чувство матери, любящей дѣтей своихъ, и дѣтей, любящихъ мать свою. когда дерзкіе и злонамѣренные хищники всячески стараются или ее

отвести въ рабство, или ихъ вырвать изъ матернихъ объятій. Будемъ питать въ себѣ сіе чувство— клирики и міряне, въ особенности тогда, когда духовный врагъ нашего спасенія, представляя обольстительныя удобства (стр. 11, строк. 2—25) употребляетъ всѣ средства и ходитъ всюду, по словамъ блаженнаго Петра, *искій кого поглотити*,— и когда на томъ пути, по которому мы проходимъ мирно и незлобиво, разставляетъ свои коварныя сѣти.

§ 23. *Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ пастыря овцамъ великаго* (Евр. 13, 20), *иже не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй израиля*, да оградитъ сердца ваши и помышленія ваши, и направитъ стопы ваши на всякое дѣло благое. Пребывайте здравыми, радуясь о Господѣ!

1848 года, мѣсяца мая, 6-го дня

Подлинное подписали:

Анѳимъ, Божіею милостію архіепископъ Константинополя новаго Рима, и вселенскій патріархъ, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Іероѳей, Божіею милостію патріархъ Александріи и всего Египта, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Меѳодій, Божіею милостію патріархъ великаго града Божія Антіохіи и всего Востока, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Кириллъ, Божіею милостію патріархъ Іерусалима и всей палестины, о Христѣ Богѣ возлюбленный братъ и богомолецъ.

Далѣе слѣдуютъ подписи 29 епископовъ Константинопольскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго Сѵнодовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе первое. Очеркъ исторіи раздѣленія церквей.

I. Характеристическія особенности и взаимныя отношенія церквей въ первые вѣка христіанства 1

II. Обстоятельства, способствовавшія возвышенію папъ до половины IX вѣка 14

III. Споры между церквами въ половинѣ IX вѣка. 27

IV. Разрывъ въ половинѣ XI вѣка 36

Отдѣленіе второе. Отношенія Римской Церкви къ Восточнымъ послѣ раздѣленія.

I. Общая характеристика отношеній Римской Церкви къ православному востоку 52

II. Отношенія Римской церкви къ греческимъ въ XI и XII вѣкахъ 58

III. Владычество Латинянъ въ Константинополѣ въ XIII вѣкѣ. 69

IV. Ліонская Унія 85

V. XIV и XV столѣтія 94

VI. Латинская пропаганда на востокѣ послѣ паденія Константинополя 116

VII. Притязанія папства на восточную церковь при папѣ IX. 135

VIII. Латинская пропаганда въ славянскихъ странахъ 155

IX. Насильственное утвержденіе латинства у прибалтійскихъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Венгровъ, Хорватовъ, галицкихъ и угорскихъ Русскихъ 169

X. Латинская пропаганда у Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ 197

Окружное посланіе святѣйшаго патріарха константинопольскаго Фотія къ александрійскому и прочимъ восточнымъ патріаршимъ престоламъ 223

Окружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ 245

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	ВМѢСТО	ДОЛЖНО БЫТЬ
19	26	Филиксомъ	Феликсомъ.
26	15	Вальродою	Вальрадою
27	9	*съ*	предъ.
41	8	чуждаю	чуждою.
55	7	принятія	полнаго принятія.
71	30	осажонъ	осажденъ.
75	30	Вионлѣ	Вениѣ.
78	21	*государству*	господству.
79	9	предложенныхъ	предположенныхъ
84	17	живутъ	живутъ большею частію.
86	8	*забрались*	собрались.
92	28	міра	мира.
96	3	XIV	XV.
117	12	лагаристовъ	лазаристовъ.
121	6	Рафаэлъ	Рафаилъ.
126	8	Россіи	Росси.
—	16	Контарисъ	Контарисъ.
129	27	Лукариса	Контариса.
148	9	государ*ства*	государя.
158	14	у славянъ	у славянъ до
164	3	Анегарія	Ансгарія.
177	22	Хатунскимъ	Хотунскимъ.
182	17	Добр*ѣвскаго*	Добровскаго.
185	30	Бэда	Бэла.
189	15	*измѣняемы*	замѣнлемы.
203	12	Деканскій	Дечанскій.
214	17	Шишлиномъ	Шишманомъ.
233	3	изыдеше	изведеніе.
238	26	поработавши	поработивши.
252	21	Дамаси	Дамаса.
256	20	чащи	чаши.
258	13	правителей	правителей
259	15	*а бѣжать*, но	но
284	2	хитящіи	хотящіи.